

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева,
Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеев**

БЕЛОРУССКОЕ ПООЗЕРЬЕ: КУЛЬТУРА – ОНОМАСТИКА – СОЦИУМ

Монография

Под научной редакцией А.М. Мезенко

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017*

УДК 81'27:008:81'373.2
ББК 81.006.3+81.053.16
Б43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 5 от 19.06.2017 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 8 от 25.09.2017 г.

Авторы: заведующий кафедрой общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, доктор филологических наук, профессор **А.М. Мезенко**; доцент кафедры русского языка факультета подготовки иностранных граждан УО «ВГМУ», кандидат филологических наук **Т.Ю. Васильева**; доцент кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук **Ю.М. Галковская**; доцент кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук **М.Л. Дорофеенко**

Научный редактор:
заведующий кафедрой общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова,
доктор филологических наук, профессор *А.М. Мезенко*

Рецензенты:
профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета,
доктор филологических наук *И.А. Королёва*; доцент кафедры белорусского
языкознания и диалектологии Брестского государственного университета
имени А.С. Пушкина, кандидат филологических наук *Н.Р. Якубук*

Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум : моно-
Б43 графия / А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская,
М.Л. Дорофеенко ; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени
П.М. Машерова, 2017. – 180 с.
ISBN 978-985-517-623-8.

В монографии впервые исследуются взаимодействие и взаимовлияние ономастики, культуры и социума одного из крупнейших регионов страны – Белорусского Поозерья, рассматриваются ойконимы как язык культуры; наименования топографических объектов внутри поселения, в их числе урбанонимы, виконимы, хортенсионимы; антропонимы края, в том числе мотивация выбора личного имени новорожденному как способ репрезентации культурного кода.

Адресуется преподавателям, студентам, магистрантам и аспирантам дневной и заочной форм обучения вузов. Может быть использована учителями общеобразовательных и специальных школ, гимназий, лицеев, всеми, кто интересуется судьбой и ролью имен собственных в культуре и социуме Белорусского Поозерья.

УДК 81'27:008:81'373.2
ББК 81.006.3+81.053.16

ISBN 978-985-517-623-8

© Мезенко А.М., Васильева Т.Ю., Галковская Ю.М.,
Дорофеенко М.Л., 2017
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава 1 НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ КАК ЯЗЫК КУЛЬ- ТУРЫ	11
1.1 Наименования населенных пунктов, эксплицирующие информацию антропоморфного кода культуры	11
1.2 Наименования населенных пунктов, эксплицирующие информацию ландшафтного кода культуры	21
1.3 Наименования населенных пунктов, эксплицирующие информацию временного кода культуры	30
1.4 Наименования населенных пунктов, эксплицирующие информацию пространственного кода культуры	34
1.5 Наименования населенных пунктов, эксплицирующие информацию растительного кода культуры	40
1.6 Особенности объективации духовного кода культуры в ойконимии	45
Глава 2 НАИМЕНОВАНИЯ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ПРЕДЕЛАХ ПОСЕЛЕНИЯ	47
2.1 Наименования внутригородских топографических объектов	51
2.1.1 Роль социальных факторов в формировании и развитии белорусской урбанонимии (XVI – нач. XX в.)	51
2.1.2 Наименования внутригородских объектов как источник сведений об истории народа и его языке	55
2.1.3 Отэклезионимные наименования внутригородских объектов как имена собственные, соотносимые с катего- рией святости	59
2.1.4 Частотность топонимов как экспонент культурно- исторической информации	63
2.2 Наименования внутрисельских топографических объектов	72
2.2.1 Наименования внутрисельских объектов как фрагмент ономастической картины мира	72
2.2.2 Теоретические основания лингвокультурологического исследования виконимов	72
2.2.3 Географическая составляющая виконимной картины мира	74

2.2.3.1 Семантическое поле «локализация»	88
2.2.3.2 Семантическое поле «стороны света»	92
2.2.3.3 Семантическое поле «величина»	95
2.2.4 Историческая составляющая виконимической картины мира	98
2.2.4.1 Информационное поле «историческая память»	98
2.2.4.2 Информационное поле «историческое время»	104
2.2.4.3 Информационное поле «историческая эпоха»	109
2.2.5 Культурная составляющая виконимической картины мира	112
2.2.5.1 Репрезентация топоморфного и антропоморфного кодов культуры	112
2.2.5.2 Репрезентация ландшафтного, флористического и фаунистического кодов культуры	117
2.2.5.3 Репрезентация пространственного и темпорального кодов культуры	124
2.2.5.4 Репрезентация цветового, эмоционально-характерологического и социально-идеологического кодов культуры	126
2.2.5.5 Репрезентация духовного кода культуры	128
Глава 3 АНТРОПОНИМИЯ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ НА СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ	132
3.1 Организация витебской онимной системы как специфической части славянской языковой системы	132
3.2 Мотивация выбора личного имени новорожденному как способ репрезентации культурного кода	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	155
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ	172

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

аг. – агрогородок

г.п. – городской поселок

дер. – деревня

н.п. – населенный пункт

пер. – переулок

п. – поселок

ул. – улица

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка

Витебская область

Беш. р-н – Бешенковичский район

Брасл. р-н – Браславский район

В.-дв. р-н – Верхнедвинский район

Вт. обл. – Витебская область

Вт. р-н – Витебский район

Глуб. р-н – Глубокский район

Гор. р-н – Городокский район

Докш. р-н – Докшицкий район

Дубр. р-н – Дубровенский район

Леп. р-н – Лепельский район

Лёзн. р-н – Лёзненский район

Мёр. р-н – Мёрский район

Орш. р-н – Оршанский район

Пол. р-н – Полоцкий район

Пост. р-н – Поставский район

Рос. р-н – Россонский район

Сен. р-н – Сенненский район

Тол. р-н – Толочинский район

Уш. р-н – Ушачский район

Чашн. р-н – Чашникский район

Шарк. р-н – Шарковщинский район

Шум. р-н – Шумилинский район

**Брестская, Гомельская, Гродненская, Минская,
Могилёвская области**

Берёз. р-н – Берёзовский район
Борис. р-н – Борисовский район
Бр. обл. – Брестская область
Бр. р-н – Брестский район
Бых. р-н – Быховский район
Ветк. р-н – Ветковский район
Вил. р-н – Вилейский район
Гм. обл. – Гомельская область
Гм. р-н – Гомельский район
Гр. обл. – Гродненская область
Гр. р-н – Гродненский район
Дрог. р-н – Дрогичинский район
Ельск. р-н – Ельский район
Жаб. р-н – Жабинковский район
Иван. р-н – Ивановский район
Кам. р-н – Каменецкий район
Клич. р-н – Кличевский район
Кобр. р-н – Кобринский район
Коп. р-н – Копыльский район
Лельч. р-н – Лельчицкий район
Люб. р-н – Любанский район
Лях. р-н – Ляховичский район
Мг. обл. – Могилёвская область
Мн. обл. – Минская область
Мн. р-н – Минский район
Мол. р-н – Молодечненский район
Осип. р-н – Осиповичский район
Пинск. р-н – Пинский район
Пруж. р-н – Пружанский район
Светлог. р-н – Светлогорский район
Сл. р-н – Слонимский район
Солиг. р-н – Солигорский район
Стол. р-н – Столинский район
Столбц. р-н – Столбцовский район
Черв. р-н – Червенский район

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя монография «Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум» представляет собой исследование, не имеющее аналогов в белорусской лингвистике. Научная новизна его определяется несколькими моментами.

Во-первых, концептуальным характером работы, в которой предпринята попытка осмысления регионального ономастикона, с одной стороны, как особой совокупности слов, теснейшим образом связанной с культурой народа, их создающего, с другой – зависящей и одновременно влияющей на социум, ими пользующийся.

Во-вторых, обращением авторов к антропоцентрической парадигме научного знания, позволившим выделить ряд новых проблем, к которым можно отнести определение специфики топонимикона и антропонимикона как особых фрагментов языковой картины мира, выявление кодов культуры, репрезентируемых топонимией и антропонимией Белорусского Поозерья; сохранение культурного наследия народа, закрепленного в названиях поселений, количество которых со второй половины XX в. неуклонно сокращается.

В-третьих, вовлечением в сферу исследования обширных и разнообразных эмпирических материалов – нормативных справочников, данных исторических, военно-исторических, краеведческих архивов, книг записи актов гражданского состояния, хранящихся в Секторе архива органов ЗАГС Главного управления юстиции Витебского областного исполнительного комитета, интернет-сайтов и др. Такой подход позволил проследить особенности функционирования топонимов и антропонимов региона; верифицировать важнейшие теоретические положения и выводы; наметить пути дальнейшего исследования ономастикона Белорусского Поозерья.

Монография выполнена коллективом сотрудников кафедр общего и русского языкознания, германских и мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Ма-

шера: доктором филологических наук, профессором А.М. Мезенко; кандидатом филологических наук доцентом Ю.М. Галковской; кандидатом филологических наук доцентом М.Л. Дорофеевко – и кафедры русского языка факультета подготовки иностранных граждан Витебского Дружбы народов государственного медицинского университета – кандидатом филологических наук доцентом Т.Ю. Васильевой.

Подготовка монографии осуществлялась в русле исследовательских задач научной школы «Актуальные проблемы ономастики», действующей при Витебском государственном университете имени П.М. Машерова с 1996 г.

Авторский коллектив: А.М. Мезенко – «Предисловие», «Введение», «Наименования топографических объектов в пределах поселения», «Наименования внутригородских топографических объектов», «Организация витебской онимной системы как специфической части славянской языковой системы», «Краткий словарь ономастических терминов»; Т.Ю. Васильева – «Наименования населенных пунктов Белорусского Поозерья как язык культуры»; Ю.М. Галковская – «Мотивация выбора личного имени новорожденному как способ репрезентации культурного кода»; М.Л. Дорофеевко – «Наименования внутрисельских топографических объектов».

Авторы высказывают слова глубокой благодарности профессору кафедры русского языка Смоленского государственного университета, доктору филологических наук *И.А. Королёвой*; доценту кафедры белорусского языкознания и диалектологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, кандидату филологических наук *Н.Р. Якубук* за ценные конструктивные замечания, которые содействовали улучшению рукописи.

ВВЕДЕНИЕ

Активная глобализация затрагивает сегодня самые разнообразные области человеческой деятельности. Наметившееся в последние десятилетия расширение границ влияет не только на онтологические процессы. Определив исходный онтологический контекст существования человека и культуры как двух взаимообусловленных компонентов в определенном естественно-историческом поле, ученый В.Н. Топоров обозначил суть процесса культурного осмысления следующим образом: «Культура ... не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где они обмениваются, “проводятся” и стремятся быть переведенными с одного языка культуры на другой» [Топоров В.Н., 1989, с. 7].

Сегодня, когда мы наблюдаем языковую дивергенцию и, как ее следствие, «размытие культурных границ», вопрос о культуре имеет важное онтологическое значение, а решение проблем национально-культурной самобытности и региональной уникальности обретает особую актуальность.

При непреходящем интересе ономастов к вопросам отражения культуры народа в именах собственных современные ономастические исследования характеризуются недостаточным вниманием к проблеме взаимосвязи кодов культуры и проприальной лексики. Единичные исследования, посвященные рассмотрению топонимикона как способа языкового воплощения кодов культуры, констатировали факт объективации в разных топонимных субполях различных кодов культуры, набор и степень интенсивности реализации которых обуславливаются особенностями национальной картины мира конкретного народа. Однако большинство исследований ойконимного материала остаются в рамках структурного и семантического подходов, что не позволяет выявить особенности ойконимов как хранителей и трансляторов значимых для представителей того или иного лингвокультурного сообщества культурных смыслов.

Актуальность изучения ойконимов Белорусского Поозерья как способа языкового воплощения кодов культуры определяется также тем фактом, что многие географические наименования в силу действия ряда экстралингвистических факторов (включение сельских поселений в состав городских, ликвидация хуторов, процесс переименований) выходят из употребления, постепенно забываются и исчезают. С исчезновением ойконимов становится недоступной связанная с ними богатейшая культурологическая информация.

На протяжении всего развития науки об именах собственных периодически происходит переосмысление набора единиц, составляющих ее поле изучения. В настоящее время наряду с рассмотрением общеизвестных разрядов топонимов возникает необходимость изучения виконимов (внутрисельских названий) и хортенсионимов (собственных имен любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества). Виконимы и хортенсионимы, являясь новыми объектами исследования, требуют всестороннего лингвистического анализа с целью определения номинативной специфики и установления особенностей функционирования. Современный этап развития ономастики характеризуется повышенным вниманием к вопросам описания онимов с антропоцентрических позиций и отмечен активным интересом по отношению к региональным ономастическим единицам. Имена собственные являются носителями ценной этнографической и культурно-исторической информации, поэтому все большую актуальность приобретают исследования, осуществляемые в рамках этнолингвистического, когнитивного, лингвокультурологического, лингвострановедческого, лингвогеографического подходов.

Виконимная и хортенсионимная лексика является одной из составляющих культуры народа, представляет собой богатое для изучения культурное наследие. В ней воплощаются национальные ценности, значимые для этноса смыслы, реализуется ценностно-смысловая и культурно маркированная информация.

К настоящему моменту с позиций лингвокультурологии предпринимались попытки рассмотрения урбанонимов и ойконимов; полноценное же и многоаспектное исследование виконимов и хортенсионимов Беларуси до сих пор не производилось. Ввиду возрастающего интереса общества к своей истории и культуре возникает необходимость его осуществления. Культура аккумулирует черты определенного времени и эпохи, потребностей и интересов общества, которые впоследствии полностью или частично воплощаются в наименованиях объектов. С учетом достижений в области лингвокультурологического изучения онимной лексики впервые моделируется частная разновидность ономастической картины мира, а именно виконимическая и хортенсионимическая.

ГЛАВА 1 НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Наименования географических объектов, или топонимы, как часть языкового пространства формируют особый фрагмент языковой картины мира, в котором специфическим образом отражаются мировидение и миропонимание народа, его история и культура. Для полного и объективного понимания «языкового пространства необходимо углублённое и многостороннее знание специфики всех его элементов» [Ганцовская Н.С., 2008, с. 4]. Поэтому совершенно очевидно, что необходимость исследования регионального материала, в том числе ономастического, продолжает оставаться актуальной задачей лингвистики, в частности топонимики (ойконимики, урбанониимики, викониимики и хортенсиониимики как ее разделов).

Топонимы, являясь словами естественного языка, выступающего как универсальный язык культуры, в большинстве случаев отсылают к конкретным культурным реалиям, которые в свою очередь образуют специфические «языки» культуры – коды. В связи с этим названия населенных пунктов Белорусского Поозерья можно классифицировать в соответствии с системой кодов, служащих отражением ментальной сферы носителей языка, обусловленной этнокультурной природой знаний о мире.

1.1 НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ЭКСПЛИЦИРУЮЩИЕ ИНФОРМАЦИЮ АНТРОПОМОРФНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Антропоморфный код культуры, репрезентирующий человека в описании предметов окружающего мира, явлений природы, различных действий и процессов, объективируется в ойконимии Белорусского Поозерья при помощи отантропонимных ойконимов, составляющих 60,8% (3049 единиц) от всех наименований населенных пунктов региона.

Ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен, являются самыми многочисленными и насчитывают 2272 единицы, что составляет 45% от общего количества топонимов региона (см. таблицу 1.1).

Таблица 1.1 – **Ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен**

Наименования от одноосновных имен	<i>Бабичи, Барсуки, Бондарево, Бородино, Бубны, Быки, Варганы, Волосово, Воропаево, Грибачи, Дрозды, Зубово, Капустино, Кашино, Колотушиково, Комарово, Кузнецово, Лебедево, Малютино, Маслино, Обидино, Плаксы, Прокуды, Пузово, Пыжи, Обухово, Свистуны, Соломахи, Трояны, Усово и др.</i>	2238
Наименования от двухосновных имен	<i>Будилово, Будислово, Велевщина, Голомысло, Госмирово, Гостыниччи, Добромысли, Путилковичи, Путьково, Ярошки и др.</i>	34
ВСЕГО		2272

Как следует из таблицы, самыми многочисленными являются ойконимы, которые сформировались на базе древних одноосновных отапеллятивных имен, прозвищ и производных от них фамилий.

Исследуя фамилии жителей Витебщины, мотивированные древними именами и прозвищами, образованными от апеллятивной лексики, Г.К. Семенькова выделяет две группы антропонимов: 1) фамилии, образованные от *nomina personalia* (имен и прозвищ, характеризующих человека по какому-либо признаку или виду деятельности); 2) фамилии, образованные от *nomina impersonalia* (имен, восходящих к апеллятивам, называющим предметы, явления, вещества, понятия). В составе этих групп фиксируются 6 и 10 лексико-семантических разрядов соответственно [Семенькова Г.К., 2006]. Выделенные исследователем лексико-семантические разряды антропонимов нашли отражение в названиях населенных пунктов, сформированных на базе древних отапеллятивных имен и прозвищ. В соответствии с указанным фактом в данной подгруппе ойконимов можно выделить названия, сформированные на базе *nomina personalia*, и названия, сформированные на базе *nomina impersonalia*.

Названия населенных пунктов, сформированные на базе *nomina personalia*, косвенно соотносятся с апеллятивами, которые:

а) характеризуют человека в физическом (*Горбачево* (2); *Грибачи* – рег. *грыбач* ‘губатый, губач’ [Бірыла М.В., 1969, с. 118]; *Кривелёво* – рег. *кывель* ‘кривой’ [Бірыла М.В., 1969, с. 222]; *Косово*; *Левши*; *Малютино* – *малюта* рег. ‘ребенок’, рус., укр. ‘малыш, маленький, низкорослый человек’ [Бірыла М.В., 1969, с. 272]; *Пыжи* – рег. *пыж* ‘низкорослый человек, карапуз’ [Бірыла М.В., 1969, с. 340]; *Рослые*; *Рыжевщина* (2) и др.) и психическом планах (*Баево* – *бай* бел. ‘говорун, пусто-

меля', рус. 'говорун, повествователь' [Бірыла М.В., 1969, с. 22]; *Воронаево* – бел. рег. *варапай* 'слепой человек' [Бірыла М.В., 1969, с. 82]; *Ворохобки* – рус. *ворохоба* 'легкомысленный человек' [Бірыла М.В., 1969, с. 82]; *Завидичи* – рус. *завида* 'зависть', 'завистливый человек' [Бірыла М.В., 1969, с. 153]; *Лындино* – *лында* рег. 'тот, кто ходит без работы', рус. 'лентяй' [Бірыла М.В., 1969, с. 260]; *Плаксы*; *Прокуды* – *пракуда* бел. 'бедокур, баловень', рег. 'проныра', рус. смол. 'злодей' [Бірыла М.В., 1969, с. 331]; *Свистуны*; *Хондоги* – ст.-бел. и рег. *хандога* 'тот, кто любит чистоту, опрятный человек' [Бірыла М.В., 1969, с. 427] и др.);

б) указывают на занятия, профессию (*Бондарево*; *Бортники* (2); *Будники* – ст.-бел. *будникъ* 'смоловар' [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 1997, с. 233]; *Гончаровка*; *Кузнецово*; *Масленики* – др.-рус. *масльник* 'маслодел' [Бірыла М.В., 1969, с. 278]; *Мельники*; *Пастушки*; *Рыбаки* (5); *Столярово*; *Стрельцово*; *Ткачи* и др.), социальное положение (*Бояры* (9); *Князи*; *Огородники* (2) – ст.-бел. *огородник* 'крестьянин, который пользовался тремя моргами огорода' [Бірыла М.В., 1969, с. 17]; *Холоповщина* и др.). Следует указать, что приведенные ойконимы могут мотивироваться как именами-прозвищами, которые фиксируют памятники белорусской письменности XVI–XVII вв. [Бірыла М.В., 1969], так и коллективными названиями людей по профессиональному признаку и роду деятельности. На возможность формирования подобных образований на основе коллективного названия людей указывают исторические данные. Так, В.П. Лемтюгова отмечает, что в период Великого княжества Литовского ремесленники «выделялись в отдельные дворы (службы) и поселения» [Лемцюгова В.П., 2008, с. 59], на которые впоследствии переходили коллективные названия жителей по роду деятельности;

в) называют людей по этнической и национальной принадлежности (*Видзы*, *Волохи*, *Гили*, *Латыши* (5), *Литвиново* (2), *Ляхи* (2), *Москалевщина*, *Немцево* (2), *Нурвяны*, *Поляки*, *Русаки* (3), *Русины*, *Славени* (2), *Татары*, *Угрынки*, *Цыганы*, *Черкасы* (3), *Шведы* (2) и др.). Отметим, что наименования данной подгруппы также, как и предыдущей, допускают двойную мотивацию: прозвищами и фамилиями или непосредственно соответствующими этнонимами – нарицательными названиями различных этнических коллективов. Топонимы, сформированные на базе этнонимов, в ономастической литературе определяются как этнотопонимы. По замечанию А.Ф. Рогалева, занимающегося изучением этнотопонимов Беларуси, подобные наименования «образуют специфическую группу географических названий ввиду очень сильной обусловленности внеязыковыми факторами», так как возникают «на стыках и границах этнических групп» [Рогалев А.Ф., 1993, с. 4]. Разграничение этнонимных и антропонимных ойконимов, по наблюдениям исследователя, является весьма сложной задачей;

г) отражают семейное положение (*Сиротино*) или являются терминами родства (*Братково; Дедино* (3); *Стриевщина* – рег. *стрый* ‘дядя по отцу’ [Бірыла М.В., 1969, с. 394]; *Стрыншики* – польск. *strina* ‘тетка (сестра отца, жена брата отца)’ [Бірыла М.В., 1969, с. 394] и др.), а также указывают на обстоятельства появления человека в семье (*Примачино*);

д) характеризуют обстоятельства появления ребенка в семье (*Позняки* – рус. *поздняк* ‘родившийся позже других’ [Даль В.И., 1990, с. 231], *Позняково* (2), *Прибытки, Прибытково*) и отношение к нему родителей (*Ждановка, Жданово, Жданы* (2), *Хотеничи*);

е) описывают особенности появления человека в населенном пункте (*Бегуны* – др.-рус. *бегун* ‘беглец’, бел. *бягун* ‘беглец, тот, кто убегает откуда-нибудь или от дела’ [Бірыла М.В., 1969, с. 75]; *Новики* (6) – бел. рег. *новік* ‘новый человек в селе’, ‘новый член семьи’ [Бірыла М.В., 1969, с. 294]; *Новички*).

В названиях, сформированных на базе *nomina personalia*, находят отражение разнообразные социально-экономические явления. Указанные ономастические единицы связаны с информацией о социальной жизни, о хозяйственной деятельности населения, об этнической истории, о взаимоотношениях людей в семье и в населенном пункте.

Образованные от антропонимов, восходящих к апеллятивам, ойконимы фиксируют самую разнообразную лексику:

а) названия предметов быта (*Бардаши* – укр. *бардаш* ‘большой топор’ [Бірыла М.В., 1969, с. 42]; *Бубны; Варганы* – рус. *варган* ‘простонародное музыкальное орудие, зубанка’ [Даль В.И., 1989-а, с. 165]; *Дудки; Колганово* – рус. *колган* ‘грубой выделки посуда разного вида’ [Даль В.И., 1989-б, с. 135]; *Колотушиково* – рус. *колотушка* ‘деревянный молот’ [Даль В.И., 1989-б, с. 141]; *Коробы; Кочерги* (2); *Курты* – рус. *курта* ‘куртка’ [Даль В.И., 1989-б, с. 223]; *Мешки; Мётлы* (2); *Обухово* (5); *Пуговки; Секеровщина; Сквородино; Сумки; Шлыки* – рус. *шлык* ‘шапка, шапчонка, чепец, колпак’ [Даль В.И., 1991, с. 640]; *Шлятино; Шугаёво* – рус. *шугай* ‘кофта, телогрейка, сарафан’ [Даль В.И., 1991, с. 647–648] и др.);

б) фаунистические названия (*Барсуки* (16); *Боброво* (4); *Бутово* – рус. *бут* ‘слепень, овод’ [Даль В.И., 1989-а, с. 146]; *Быки; Веробы* (3); *Волково* (4); *Вороны* (3); *Гавраны* – укр. *гавран* ‘ворон’ [Бірыла М.В., 1969, с. 106]; *Гоголевка; Горностаи; Дрозды* (7); *Дятлы; Ежовка; Жуково* (3); *Зайцево* (4); *Зуи* (2); *Кабаны; Караси* (2); *Козлы* (9); *Комарово; Коришуны; Круки* – бел. *крук* ‘ворон’ [Лемцюгова В.П., 2008, с. 204]; *Кулики; Курино; Лебедево; Муравьи; Мушино; Окуни; Орлово; Петухи; Раково; Селезни; Скворцово; Слижово* – бел. рег. *сліж* ‘рыба голец’ [Бірыла М.В., 1969, с. 382]; *Сомино; Щуки* и др.);

в) флористические названия (*Бураки* (2); *Гичи* – рус. *гич* ‘огородная ботва’ [Даль В.И., 1989-а, с. 351]; *Капустино*; *Кочаново*; *Редьки*; *Шипули* – бел. *шыпуля* ‘иголка хвойных деревьев’ [Бірыла М.В., 1969, с. 492]; *Шишки* (2); *Ягодки* и др.);

г) анатомические названия (*Бородино* (3); *Брюхово*; *Губино* (2); *Зубово* (2); *Кулаки*; *Пузово*; *Усово*; *Черепы*; *Чирино* (2) – бел. рег. *чыр*, рус. *чир* ‘скула’ [Бірыла М.В., 1969, с. 455] и др.);

д) названия продуктов питания (*Бабахино* – рус. *бабахи* ‘пышки, оладьи’, ‘гречневые блины, лепешки’ [Даль В.И., 1989-а, с. 34]; *Блины*; *Борщёвка*; *Боханы* – бел. *бохан* ‘булка хлеба’ [Бірыла М.В., 1969, с. 59]; *Калачи*; *Кашино* (2); *Киселёво* (3); *Крупени* – бел., рус. *крупеня* ‘крупяной суп’ [Бірыла М.В., 1969, с. 220]; *Кулаги* – рус. рег., укр. *кулага* ‘блюдо из муки’ [Бірыла М.В., 1969, с. 228]; *Ломти*; *Маслино*; *Сметановщина*; *Соломахи* – бел. рег. *саламаха* ‘негустая каша или густой кисель’, рус. рег. *соломаха* ‘тесто из ржаной муки’ [Бірыла М.В., 1969, с. 362] и др.);

е) абстрактные понятия (*Бедино*; *Буторы* – рус. *бутор* ‘бред’, ‘шум, гам, крик’ [Даль В.И., 1989-а, с. 145]; *Зыково*; *Надежино*; *Обидино*; *Плищино* – рус. *плищ* ‘шум, крик’ [Даль В.И., 1990, с. 127]; *Розумово*; *Стомино*; *Шумино* и др.);

ж) названия явлений природы (*Бусово* – рус. *бус* ‘морось, самый мелкий дождь, мокрый туман, мелкий снежок, крупа’ [Даль В.И., 1989-а, с. 145]; *Ветрино*; *Морозово* (2); *Тепляки* – бел. рег. *цяпляк* ‘ранний мороз’, рус. *теплек* ‘теплый ветер’ [Бірыла М.В., 1969, с. 443]) и временных понятий (*Вечеровщина*, *Пятницы* и др.);

з) названия веществ (*Железки*; *Коптевичи*; *Смолевщина*; *Уголевщина*; *Цынки* – укр. *цына* ‘олово’ [Бірыла М.В., 1969, с. 441] и др.);

и) названия денежных единиц (*Шкиляки* – рус. устар. *шкиль* ‘иностранная монета, шиллинг’ [Даль В.И., 1991, с. 638]) и единиц измерения (*Шкунтики* – бел. рег. *шкунт* ‘кроха, толика, малое количество’ [Бірыла М.В., 1969, с. 476]; *Шуховцы* – укр. *шух* ‘мера дров’ [Бірыла М.В., 1969, с. 486]);

к) религиозные термины (*Бески*; *Волкулаково*; *Волосово* (2) (*Волос*, *Велес* – один из главных богов языческого пантеона восточных славян, бог животноводства и богатства [Беларуская міфалогія, 2004, с. 100]); *Кадуково* – бел. рег. *кадук* ‘нечистая сила, злой дух’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 324]; *Лешево*; *Трояны* (др.-рус. *Троян* – мифическое существо, языческое божество [Лемцюгова В.П., 2008, с. 371]).

В антропонимном материале, зафиксированном в основах ойконимов, эксплицируется информация предметного, животного, растительного, соматического (телесного), гастрономического, метеорологического, временного, вещественного, числового и духовного кодов

культуры, рассмотрение особенностей реализации которых может стать предметом отдельного исследования.

Названия населенных пунктов, сформированные на базе полных или сокращенных форм древних славянских двухосновных имен, многочисленны. В основе наименований *Будислово, Голомысло, Добромысли (2), Домжеруцы, Светогорова* зафиксированы полные формы древних славянских двухосновных имен *Будислав, Голомысл, Добромысл, Доможир, Светогор*. Большая часть ойконимов (30 единиц) сформировалась на базе сокращенных форм, так как в повседневном употреблении сложные имена, как правило, сокращались и давали увеличение количества форм. Так, древнее славянское двухосновное имя *Путислав* имело формы *Путилко, Путько, Путьята*, которые закрепились в названиях населенных пунктов *Путилковичи, Путьково, Путьятино, Путьятишки*. Антропонимы *Будила* и *Будько*, являющиеся сокращенными формами двухосновных славянских имен *Будислав, Будовест, Будогост*, зафиксированы в основах ойконимов *Будиловка, Будилово (2), Будилы, Будьки, Будьковщина*. Названия населенных пунктов *Богушевичи, Богушевск, Богушово* сформировались на базе имени *Богуш* – сокращенного варианта древнего славянского двухосновного имени *Богуслав*. Сокращенные формы славянских имен *Братислав, Велеслав, Гостимир, Гостомысл, Радомир* выявлены в основах ойконимных единиц *Браслав, Велевщина, Госмирово, Гостыниччи, Рыдомля*. Шесть названий населенных пунктов региона (*Войневка, Войтехы (2), Войтково, Войтовичи, Войтово (2), Войты*) сформированы на базе имен *Война, Войт, Войтех*, являющихся вариантами древнего двухосновного имени *Воислав*. Имя *Рац* (сокращенная форма двухосновных имен *Ратибор, Ратислав*) и его производные выявлены в основах ойконимов *Ратьки, Ратьково, Ратюны, Рацево*. К данной подгруппе названий населенных пунктов отнесены ойконимы *Ярканцы, Ярошки*, мотивированные сокращенными формами древнего славянского двухосновного имени *Ярослав*, которое внесено в православный месяцеслов по благословению Святейшего Патриарха Алексия II 8 декабря 2005 г. Ойконимные единицы, восходящие к древним славянским именам *Богдан, Борис, Владимир, Глеб*, отнесены к группе ойконимов, сформированных на базе православных и католических имен, так как указанные имена были приняты православной и католической церквями и зафиксированы в святцах благодаря подвигам, совершенным носителями этих имен для христианства.

Ойконимы, мотивированные славянскими двухосновными именами, выявляют опосредованную связь с мифологическими представлениями древнего человека, воспринимавшего свое имя как «второе я» и верившего в возможность передать человеку через имя те качества и свойства, которые выражены в его значении: *Богуслав* «тот, кто славит

Бога», *Владимир* «тот, кто владеет миром», *Владислав* «тот, кто владеет славой» и др.

Рассматривая названия населенных пунктов, сформированные на базе древних славянских двухосновных имен, В.П. Лемтюгова отмечает, что основой ойконимов могли послужить как древние славянские имена и их формы, так и фамилии, образованные от этих имен [Лемтюгова В.П., 2008].

Наименования населенных пунктов, сформированные на базе канонических православных и католических имен, составляют 15,3% от общего количества названий населенных пунктов Белорусского Поозерья.

Канонические православные и католические имена вошли в язык восточных славян после принятия христианства. Сосуществование на исследуемой территории двух основных ветвей христианства (православия и католицизма) определило использование двух канонических систем имен – православной, или византийско-греческой, и католической, или римской. Указанный факт находит отражение в ойконимии региона: традиционные церковные имена, адаптированные на восточнославянской почве полные и разговорно-бытовые имена, их эмоционально-оценочные формы становились базой для формирования фамилий, затем имена или фамилии закреплялись в названиях населенных пунктов (см. таблицу 1.2).

Таблица 1.2 – Ойконимы, сформированные на базе канонических православных и католических имен

Наименования, сформированные на базе антропонимов, используемых православной и католической церквями	<i>Абрамово, Авдеево, Авласенки, Авласы, Базылевка, Винцентово, Матейки, Матешки, Михайлово, Мишутино, Павлово, Пашевичи, Пашиково, Петраги, Петраши, Юраны, Юрково, Янино</i> и др.	717
Наименования, сформированные на базе антропонимов, отмечаемых только в католических святцах	<i>Аделино, Альбеневка, Анибалово, Бернаты, Казимирово, Каролино, Людвиново, Розалиново, Станиславово, Флорьяново</i> и др.	39
Наименования, сформированные на базе антропонимов, отмечаемых только в православных святцах	<i>Верки, Верковщина, Мамоново, Пилатовщина, Пилаты, Радковщина, Радьки, Радюки, Родевщина, Роды, Рымки, Укольск.</i>	12
ВСЕГО		768

Как показывает таблица, самыми распространенными являются названия населенных пунктов, сформированные на базе антропонимов, принятых как православной, так и католической церквями, в основах которых зафиксированы варианты 158 личных имен православного и католического календарей. При этом в основах 79 названий населенных пунктов выявлены антропонимы, восходящие к католическим именам: *Абрам* (*Абрамово, Абрамовщина*), *Базыль* (*Базылёвка*), *Бартломей* (*Бартелишки, Болтрамеи, Бортково*), *Винцент* (*Винцентово*), *Юзеф* (*Зюзино, Юзефово* (4)) и др. Очевидно, носителями данных имен были представители католического вероисповедания, что позволяет отнести названия населенных пунктов, сформированные на базе указанных антропонимов, к наименованиям, опосредованно связанным с католицизмом.

Антропонимы, восходящие к православным именам *Авдей* (канон. *Авидий*), *Авлас*, *Влас* (канон. *Власий*), *Аникей* (канон. *Иоанникий*), *Юрий* (канон. *Георгий*) и др., мотивируют 638 ойконимов: *Авдеевичи, Авдеево, Авдеенки, Авдейково; Авласенки, Авласово, Авласы* (2), *Власово; Аникевщина; Гогово, Юраны, Юрково* (2), *Юрковщина* (3), *Юровичи* (2), *Юрово, Юрцево, Юрчёнки, Юриши* и др.

Необходимо отметить, что в ряде случаев, несмотря на наличие отличительных черт, разграничить христианские имена по конфессиональному признаку достаточно сложно. Так, к древнееврейскому имени *Иоанн* восходят русское православное *Иван* и польское католическое *Jan*. Оба антропонима нашли отражение в ойконимии региона. От личного имени *Иван* и его вариантов образовано 10 названий населенных пунктов: *Ивановка* (2), *Иваново* (4), *Ивановщина* (2), *Иванск* и др.; именем *Ян* мотивированы 18 ойконимов: *Янино, Яновичи, Яново* (10), *Яновщина* (2) и др. Если ойконимы с основой *Иван* можно отнести к названиям, опосредованно связанным с православной верой, то наличие единиц с основой *Ян*, по мнению В.М. Генкина, «заставляет думать и о других (не конфессиональных) факторах активности данного имени». К таким факторам исследователь относит способность имени *Ян* выступать в качестве уменьшительной формы ряда мужских и женских имен (*Аверкий, Ариан, Баян, Северьян, Гордиан, Стоян* и т.д.), а также широкую популярность данного антропонима в народном именнике белорусов [Генкин В.М., 2009, с. 24–25].

Православное имя *Михаил* и его варианты легли в основу 15 ойконимов: *Михайлово* (3), *Михайловщина, Мишутино, Мишутки, Мишуты* и др., что указывает на связь данных названий с православием. Региональные формы *Михал, Михаль* отмечены в основах 8 названий населенных пунктов: *Михали* (5), *Михалина, Михалинка, Михалиново* (2), *Михалишки, Михалово* (3), *Михалполье, Михальцы*. По мнению Н.В. Бирилло, отмеченные региональные формы восходят к польскому католическому

имени *Michal* [Бірыла М.В., 1982, с. 93], что позволяет отнести единицы с основами *Michal*, *Michalь* к названиям, связанным с католицизмом.

Разграничение христианских имен по конфессиональному признаку и, соответственно, классификация производных от них ойконимов возможны лишь с привлечением исторических данных, позволяющих восстановить сведения о конфессиональной принадлежности реального человека, чье имя легло в основу ойконима. Для классификации антропонимных наименований В.М. Генкин предлагает привлекать данные о местоположении населенного пункта. Исследователь указывает на факт концентрации католического населения в основном на северо-западе области, что объясняется этническими и географическими (близость к Прибалтике), а также историческими причинами (с 1660 по 1772 г. указанная территория входила в состав Польши). Однако, по мнению ученого, «абсолютизировать факт местоположения населенного пункта как главный признак отнесения ойконима с католическим или православным именем категорически нельзя» [Генкин В.М., 2009, с. 23].

Основы ойконимов *Аделино*, *Альбеновка*, *Альбиновщина*, *Альбрехтово*, *Анибалево*, *Бернатовщина*, *Бернаты*, *Бригитполье*, *Казимерцы*, *Казимирово* (5), *Казюково*, *Каралюны*, *Каролино*, *Каролиново*, *Королевичи* (2), *Королево*, *Королёво* (2), *Короли* (2), *Королиново*, *Людвиново*, *Ольгердово*, *Розалиново*, *Ромальдово*, *Рысевичи*, *Станилевичи*, *Станиславово* (4), *Станиславцы*, *Станулево* (2), *Станули*, *Станчики*, *Станьки*, *Станюки*, *Стасево*, *Стасенки*, *Стаськово* (2), *Стаховка*, *Стаховские*, *Шашелишки*, *Флорьяново* соотносятся со следующими именами и их формами: *Аделия*, *Альбин*, *Альбрехт*, *Ганнибал*, *Бернард*, *Бригитта*, *Казимир*, *Карл*, *Людвин*, *Ольгерд*, *Розалина*, *Ромуальд*, *Ричард*, *Станислав*, *Флориан*, – отмечаемыми только в католических святцах, что указывает на опосредованную связь названий с католицизмом.

Двенадцать наименований населенных пунктов сформировано на базе православных имен и их вариантов: *Верк* (*Верки*, *Верковщина*); *Вукол* (*Укольск*); *Мамант* (*Мамоново*); *Римма* (*Рымки* (2)); *Родион* (*Радковщина*, *Радьки*, *Радюки* (2), *Родевщина*, *Роди*); *Филарет* (*Пилатовщина*, *Пилаты*). Антропонимы, зафиксированные в основе ойконимов, отмечаются только в православных святцах, что позволяет отнести указанные наименования населенных пунктов к названиям, опосредованно связанным с православием.

Фиксация в названиях населенных пунктов имен, фамилий и прозвищ людей связывается исследователями топонимного материала с реализацией основной из семантических оппозиций народной культуры – «свой – чужой», которая соотносится с такими оппозициями, как «хороший – плохой», «праведный – греховный», «чистый – нечистый», «живой – мертвый», «человеческий – нечеловеческий», «внутренний – внешний». Последний признак отражает представления о «своем»

и «чужом» пространстве, которое мыслится как совокупность концентрических кругов. В самом центре «своего» пространства находится человек и его ближайшее окружение, по мере удаления от центра «свое» пространство переходит в «чужое» [Белова О.В., 2009, с. 581]. Присвоение наименований населенным пунктам – один из способов маркировки «своего» пространства.

Названия-посвящения возникли во второй половине XX в. в результате переименований, целью которых было увековечить память об общественных и политических деятелях, ученых, героях Отечественной войны 1812 г., Гражданской и Великой Отечественной войн.

Память об одном из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г. в России В.И. Ленине увековечена в названиях населенных пунктов *Владимировка* (2) (до 1964 г. *Церковщице*) (поселения располагались в колхозах «Знамя Ленина» и «Луч Ленина»), *Ильинка* (до 1939 г. *Разбоино*) (поселение находилось в колхозе имени В.И. Ленина) и *Ильичёвка* (до 1964 г. *Старобобылье*) Витебского р-на Витебской области.

В 1964 г. в честь общественных и политических деятелей А.В. Луначарского и Я.М. Свердлова населенным пунктам *Слобода-Дисна* Верхнедвинского р-на и *Попихово* Витебского р-на Витебской области присвоены названия *Луначарское* и *Свердлово* соответственно.

В честь героя Отечественной войны 1812 г. Я.П. Кульнева, героев Гражданской войны В.И. Чапаева и В.М. Азина населенные пункты *Церковщице* Россонского р-на, *Красиловка* Верхнедвинского р-на и *Белое Полоцкое* р-на Витебской области переименованы в *Чапаевский* (1958 г.), *Кульнево* (1964 г.) и *Азино* (1975 г.).

Память о Герое Советского Союза Д.Д. Погодине, участнике испанской войны 1936–1939 гг. и Великой Отечественной войны, увековечена в топониме *Погодино* Дубровенского р-на Витебской области (до 1945 г. *Коровино*).

Названия-посвящения, присвоенные в честь исторических личностей, являются выразителями антропоморфного и духовного кодов, так как имена известных общественных деятелей, ученых присутствуют в сознании носителей языка как символы культуры и представляют собой ее неотъемлемую составляющую.

В отличие от урбанонимного пространства, в котором в XX в. произошёл постепенный переход от наименований по первопоселенцам и владельцам к искусственным именам-посвящениям [Белорусская ономастика. Топонимия, 2012, с. 98], в ойконимной системе преобладают отантропонимные образования, сложившиеся естественным путем и отражающие существовавшие в период возникновения ойконимов объективные связи между человеком или коллективом людей и населенным пунктом. Ойконимы мемориального характера являются немногочисленными.

1.2 НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ЭКСПЛИЦИРУЮЩИЕ ИНФОРМАЦИЮ ЛАНДШАФТНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Ландшафтный (ландшафтно-топографический, локативный, топоморфный) код культуры отражает представления человека о ценностном значении окружающих его географических реалий и объективируется при помощи названий населенных пунктов, содержащих в основах указание на объект, относительно которого номинируется поселение. В основах ойконимов, служащих экспликации данного кода культуры, фиксируются топонимы и народные/местные географические термины – диалектные слова, называющие различные особенности регионального ландшафта, например, формы рельефа, ландшафтные объекты и др. Количество и характер географической терминологии, служащей базой для формирования ойконимов, зависят как от природных условий региона (известно, что набор терминов в равнинной местности отличается от терминологического массива горных областей), так и от «топонимического мышления» народа, задающего основные направления концептуализации окружающего пространства («квантование» объектов природы языковыми средствами у каждого народа происходит по-своему) [Керт Г.М., 2002, с. 23]. В силу своего исторического и социального опыта, практической необходимости, отчасти на уровне сознания, отчасти на уровне подсознания, каждый народ отбирает для формирования образа пространства наиболее выразительные черты окружающей действительности [Васильева С.П., 2005, с. 130]. С лингвокультурологической точки зрения топонимы, объективирующие ландшафтный код культуры, имеют следующие особенности: 1) отличаются высокой информативной наполненностью, так как отражают специфику регионального ландшафта, определяющую образ жизни населения региона, мировидение и мировосприятие, следовательно, отражают черты материальной и духовной культуры народа; 2) выделяют ландшафтный объект как своеобразный центр ориентации человека в окружающем пространстве. Подобные ойконимные единицы заключают в себе указание на локализацию населенных пунктов около соответствующих ландшафтных реалий.

Классификация ойконимов в зависимости от вида объекта, относительно которого развивается топонимическая номинация, представлена в таблице 1.3.

Таблица 1.3 – **Ойконимы, мотивированные названиями физико-географических объектов**

Вид объектов	Ойконимы	Количество
Гидрографические	<i>Верхнедвинск, Витебск, Витьба, Выдря, Вымно, Глубокое, Голбея, Дисна, Добея, Должа и др.; Бель, Вирок, Ключ, Криницы, Озёры, Ручай, Студёнка, Язба, Язвино и др.</i>	426
Орографические	<i>Бугры, Буй, Вал, Веретейка, Веретя, Гора, Гороватка, Гряда, Красная Гора, Лысогорка, Тёплая Гора, Холм, Холмы, Шаламы и др.</i>	99
Геоботанические	<i>Белая Дуброва, Бор, Боровое, Дубрава, Дубровы, Зелёная Роца, Лесное, Пуца, Роца, Сосновый Бор и др.</i>	45
Населенные пункты	<i>Андреевка, Бело-Матейково, Браславская Лука, Веремеевка, Нача-Шпаковщина и др.; Деревня, Имение, Местечко, Село, Столица и др.</i>	259
Сельскохозяйственные	<i>Адворня, Долгая Нива, Жары, Ляды, Морги, Нивьё, Отруб, Пенная Нива и др.; Заборные Гумны, Ёвнино, Постава, Стодола, Ферма и др.</i>	140
Промышленные	<i>Беседа, Буды, Гута, Заводский, Майдан, Плитница, Поташня, Рудня, Рум, Щеперня и др.</i>	79
Транспортные	<i>Брод, Дорожная, Зимник, Летники, Мостовуха, Мосты, Наволока, Перербродье, Перевоз, Проходы и др.</i>	27
Культовые	<i>Белая Церква, Богородицкое, Воскресенская, Воскресенцы, Монастырь, Преображенка, Спасское, Церковище, Церковляне, Церковно.</i>	10
Всего		1085

Наименования населенных пунктов, мотивированные названиями физико-географических объектов, включают следующие подгруппы:

а) ойконимы, мотивированные названиями гидрографических объектов. Данная подгруппа содержит отгидронимные образования и

топонимы, мотивированные гидрографическими терминами. Ойконимы, образованные от речных и озерных названий, насчитывают 327 наименований, или 6,5% от общего количества топонимов региона. Народные гидрографические термины послужили основой для формирования 99 ойконимов (2% от общего количества названий поселений региона): *Бук* – бел. рег. ‘яма в реке, озере, самое глубокое место’, ‘крутой поворот реки’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 114]; *Вирки*; *Вирок*; *Завань* – бел. рег. ‘небольшая заводь, часть реки, озера около берега с замедленным течением’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 271]; *Заходно*, *Заходы* – бел. рег. *заход* ‘ответвление, рукав реки, направленный по течению’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 307]; *Каменка* (13); *Ключ*; *Красница* – бел. рег. ‘родник, где вода не высыхает летом’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 364]; *Криницы*, *Криничная*; *Купёлка* – бел. рег. *купёла* ‘небольшой водоем, в котором вода не высыхает летом’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 379]; *Лужина*; *Лука* (3) – ст.-бел. ‘заводь, которая образуется изгибом берега реки’, рег. ‘небольшая узкая заводь в озере’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 406]; *Луки* (3), *Лучки*; *Озерцы* (5), *Озёрки* (5), *Озёры*; *Отоки* (3) – бел. рег. *атока* ‘затока, рукав реки’, ‘небольшой водоем, в котором не высыхает вода летом’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 73]; *Речки* (5), *Речные*; *Ручай*; *Старики* – бел. рег. *старык* ‘старое русло реки’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 629], *Старица* (3) – бел. ‘старое русло реки; водный рукав’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 629]; *Студенец* – бел. рег. ‘родник в реке’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 635], *Студёнка* (4) – бел. рег. ‘родник’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 635] и др.

Как отмечают исследователи топонимного материала [Аліферчык Т.М., 2010; Васілюк Н.І., 1985], у белорусов, как и у других славян, очень хорошо разработана болотная терминология, что находит отражение в системе названий населенных пунктов Белорусского Поозерья, где присутствуют топонимы, мотивированные терминами для общего обозначения болота (*болото*, *зыбала*, *луни*: *Болотино*, *Зыбалы*, *Луни*); топонимы, мотивированные апеллятивами для обозначения болота по признаку цвета (*руда*: *Руда*, *Рудка*), наличия / отсутствия растительности (*бель*, *каневка*, *круг*, *плав*, *тина*: *Бель* (2), *Канево*, *Плавник*, *Тиновка* (2)) и течения (*язва*, *язвино*: *Язба*, *Язвино*). Укажем, что для ойконимов *Болотино* и *Луни* возможна мотивация антропонимами *Болото*, *Лунь*, отмеченными в письменных источниках в XVI–XVII вв. [Бірыла М.В., 1969].

В условиях региона, характеризующегося наличием большого количества заболоченных низинных мест, человек, выделяя болото в качестве своеобразного ориентира на местности, вынужден был детально изучить признаки соответствующего природного объекта и зафиксировать их в названии, чтобы иметь возможность дифференцировать похожие ландшафтные реалии. С природными свойствами болота связана его символика в традиционной белорусской культуре. Болото – это бес-

порядочная смесь земли и воды, первичных элементов, из которых образовался Космос, поэтому опасное и нечистое место, где водятся черти [Беларуская міфалогія, 2004, с. 41].

Обращает на себя внимание способность ойконимов, образованных от названий гидрографических объектов, объективировать информацию не только ландшафтного, но и пространственного кода культуры, связанного с членением пространства. Так, в основах названий населенных пунктов *Задвинье, Подвинье (2), Придвинье (2); Заоболь; Заснудье, Поснудье; Повятье; Подъязно*, образованных от соответствующих гидронимов (*Двина, Оболь, Снуды, Вята, Язно*), содержится указание на локализацию поселений *за, около* или *перед* соответствующими гидрографическими объектами;

б) наибольшее количество ойконимов, мотивированных названиями орографических объектов, соотносится с терминами, обозначающими положительные формы рельефа (70 единиц, или 71% от общего количества таких названий): *Буй (3)* – бел. рег. ‘пригорок, открытое ветренное место’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 113]; *Вал* – ст.-бел. ‘цепь пригорков’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 130]; *Веретей (4), Веретейка, Веретя* – бел. рег. *верацея* ‘пригорок, возвышение посреди болота, чаще поросшее орешником’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 142]; *Волотовки (4)* – бел. рег. *валатоўкі* ‘курганы, которые находятся недалеко друг от друга’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 133–134]; *Гвозды (3)* – бел. рег. *гвозд* ‘сухое возвышенное место посреди болота’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 197]; *Гурка* – бел. рег. ‘пригорок’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 226], *Гурки (2); Холмы* и др.

Топонимы, соотносительные с названиями отрицательных форм рельефа, являются менее популярными (21 единица, или 21% от общего количества ойконимов данной подгруппы): *Кублищина, Кублищино* – бел. рег. *кублішча* ‘чашеобразная впадина’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 374]; *Логи (2)* – бел. рег. *лог* ‘широкая низина, долина’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 401], *Ложок; Луг (3)* – бел. рег. ‘низкое место с водой’, ‘топкий луг с водой и травой’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 404], *Луги (4), Луговая; Оболонь* – бел. рег. *абалонь* ‘низинное место, луг обычно в низкой части около реки, который во время разлива заливается водой’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 36], *Оболонье (3)* – бел. рег. *абалонне* ‘лужок, который прилегает к озеру; заливное место, луг около реки’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 36]; *Ровы* – бел. рег. *равы* ‘песчаные карьеры’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 568]; *Шевели* – бел. рег. *шавялі* ‘впадина’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 700] и др.;

в) ойконимы, мотивированные названиями геоботанических объектов, соотносятся с названиями лесных массивов: *Бор (5); Дубрава, Дубровы; Зеленая Роца; Непороты* – бел. рег. *непарот* ‘густая поросль молодого леса’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 450]; *Пуца (4); Ситники* – бел. рег. *сітнік* ‘кустарник, мелколосье’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 611]; *Сосновая На-*

сна – бел. рег. *насна* ‘молодой лес, преимущественно березовый’, ‘роща на высоком месте’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 446–447] и др.

Самыми популярными (18 единиц) являются топонимы, мотивированные лексемой *бор*. В «Словаре белорусских местных географических терминов» И.Я. Яшкина данный термин имеет значения ‘высокое место в лесу, возвышенность; сухая почва; боровое поле’, ‘боровое поле с песчаной неплодородной землей’, ‘сухое место среди болота; небольшие горки’, ‘большой вековой сосновый лес на высоком месте, который порос внизу мхом’ и др. На Витебщине слово *бор* употребляется в значении ‘исключительно сосновый лес, который раскинулся на большом пространстве’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 102]. Вторыми по популярности (10 единиц) являются названия, образованные от лексемы *дуброва* (рус. *дубрава*), имеющей значение ‘дубовый лес’.

Из основных элементов ландшафтного кода традиционной белорусской культуры (*лес, поле, река, озеро, гора, камень*) в ойконимии Белорусского Поозерья представлены *река, озеро, гора* и *лес*. При этом ведущую роль в ойконимном пространстве, в отличие, например, от урбанонимного, где господствуют *лес* и *поле* [Мезенка Г.М., 2013, с. 102], играют *река* и *озеро*, популярность которых в системе названий поселений обуславливается природными особенностями региона – наличием большого количества водных объектов.

В славянских мифологических представлениях *река* выступает символом движения, воспринимается как путь, дорога, уводящая в иной мир; речной воде, в отличие от стоячей, приписывается очистительная сила. В традиционной славянской культуре река и озеро осмысляются как границы, разделяющие природное пространство на «свое» и «чужое». Наряду с пограничной, реки выполняли и медиальную функцию, связанную с восприятием водных объектов как медиаторов между «этим» и «тем» светом (по реке из иного мира прибывают на этот свет дети, сплавляют личные вещи умершего и др.) [Виноградова Л.Н., 1995, с. 416].

Большое значение имеют *река* и *озеро* в белорусской традиционной картине мира. *Река* выступает в качестве стержня вселенной, пронизывающего верхний, средний и нижний миры. Значительную роль играет образ *реки* в сказочных мотивах (огненная река, которая отделяет мир мертвых от мира живых; молочная река с кисельными берегами и др.) [Беларуская міфалогія, 2004, с. 423]. С древнейших времен на Беларуси известен обычай поклонения озерам, связанный с культом плодородия. Исследователями духовной культуры отмечается факт наличия на белорусских землях большого количества культовых озер, на берегах некоторых из них выявлены следы языческих капищ (мест поклонения языческим богам) [Беларуская міфалогія, 2004, с. 87].

Важнейшую роль в ойконимном пространстве, как и в традиционной народной культуре, наряду с водными объектами играет *гора*. В славянских космологических представлениях *гора* – локус, соединяющий небо, землю и «тот свет». Культурная семантика данного ландшафтного объекта характеризуется двойственностью: с одной стороны, это чистое место, связанное с небом, с другой – демонический локус, место обитания нечистой силы [Левкиевская Е.Е., 1995-а, с. 520–521].

В белорусской традиционной картине мира *гора* моделирует вертикальную структуру Вселенной и представляет собой трансформацию Мирового дерева. В календарно-обрядовом фольклоре она является центром ритуального пространства, где совершаются обряды. Большинство языческих святилищ, известных на Беларуси из письменных источников и полевых исследований, стоит на *горе*. Как отмечают авторы энциклопедического словаря «Белорусская мифология», обычай поклоняться холмам дожил до XX в. [Беларуская міфалогія, 2004, с. 114].

Если возвышенности в представлениях наших предков соотносились с сакральным верхом, осью мира, наделялись небесной и солярной символикой, то низменности связывались с нижней, потусторонней частью мироздания, воспринимались как места обитания демонов и душ «нечистых» покойников [Левкиевская Е.Е., 1995-б, с. 306]. Отражение данных представлений фиксируется ойконимией региона: топонимов, соотносительных с названиями возвышенностей, в 3 раза больше, чем ойконимов, производных от наименований отрицательных форм рельефа.

Из всех элементов ландшафтного кода культуры третье место по популярности в ойконимном пространстве региона занимает *лес*. По данным Т.А. Агапкиной, в славянской мифологии и фольклоре *лес* воспринимается как локус, наделенный признаками удаленности, непроходимости, необъятности, сближается с «тем» светом и понимается как место обитания мифологических существ и пространство небытия [Агапкина Т.А., 2004, с. 97]. Как природная среда лес противопоставляется культурному пространству и является отрицательным полюсом оппозиции «поселение – лес», репрезентируя стихию, враждебную человеку. В мифопоэтической картине мира белорусов, напротив, лес является локусом, который наделяется признаками близости, невраждебности. В белорусской традиционной культуре лес – положительный полюс оппозиции «лес – степь», где лес соотносится со сферой «своего» – «этим светом» в отличие от степи, которая имеет отрицательные коннотации и соотносится со сферой «чужого» – «тем светом» [Беларуская міфалогія, 2004, с. 283–285]. Положительная семантика леса обуславливает его популярность в белорусском фольклоре. Кроме того, по данным А.М. Мезенко, из ландшафтных урбанонимов на Витебщине самыми частотными являются названия внутригородских и внутрисельских

линейных объектов, образованные от лексемы *лес*. Сравнительная непопулярность ойконимов, производных от названий лесных массивов, в ойконимной системе региона, характеризующегося наличием значительного количества лесов, может объясняться действием закона относительной негативности, согласно которому названия чаще основываются не на самом распространенном признаке местности, а на редком, выделяющем объект из окружающей среды [Никонов В.А., 2011, с. 38–42].

По мнению исследователей (В.А. Жучкевича, В.М. Емельянович, И.Л. Копылова, В.А. Никонова, Р.С. Рогоновой и др.), основная часть ландшафтных ойконимов, сформированных на базе названий естественных объектов, возникла в глубокой древности, в период тесной органической связи человека с природой. В архаических представлениях наших предков окружающее пространство представляло собой единое целое с наполняющими его объектами – людьми, богами, мифологическими персонажами, растениями, культурными и природными объектами, через которые пространство классифицировалось и семантизировалось. Вместе с тем пространство являлось неоднородным, иерархичным и оценочным, состоящим из фрагментов, которые человек наделял символическими значениями и выстраивал ценностную (аксиологическую) систему в определенной последовательности [Левкиевская Е.Е., 1995-б, с. 304–305].

Наименования населенных пунктов, мотивированные названиями экономико-географических объектов, включают:

а) ойконимы, мотивированные названиями населенных пунктов: *Андреевка* < *Андреево*, *Веремеевка* < *Веремеево*, *Галошевка* < *Галошево*, *Кстовка* < *Ксты*, *Ложаницина* < *Ложане*, *Пересловка* < *Переслово*, *Слободка* < *Слобода* и др. В основах вторичных ойконимов фиксируются лексемы, называющие переселенцев из соответствующих населенных пунктов: *Вайнюнцы* (из дер. *Вайнюны*) (Браславский р-н), *Ковалёвцы* (из дер. *Ковалёво*) (Городокский р-н), *Лукавцы* (из дер. *Лука*) (Полоцкий р-н), *Озеравцы* (из дер. *Озерава*) (Браславский р-н), *Толпинцы* (из дер. *Толпино*) (Чашникский р-н) и др.

Ландшафтный код культуры эксплицируется также при помощи составных ойконимов, атрибутивный компонент которых представляет собой оттопонимное прилагательное (адъектоним): *Браславская* (от ойконима *Браслав*) *Лука* (Браславский р-н), *Городнянский* (от ойконима *Городняны*) *Мох* (Витебский р-н), *Луцк Мосарский* (от ойконима *Мосар*) (Глубокский р-н), *Медынки Домашовские* (от ойконима *Домаши*) (Браславский р-н), *Протасы Кукровские* (от ойконима *Кукры*) (Глубокский р-н), *Протасы Якубенские* (от ойконима *Якубенки*) (Глубокский р-н), *Хуторы Иказненские* (от ойконима *Иказнь*) (Браславский р-н) и др. В названиях населенных мест *Забайкал*, *Закаменка*, *Подолехнишки*,

Подлеоновичи, образованных от ойконимов *Байкал*, *Каменка*, *Олехнишки*, *Леоновичи*, объективируется информация ландшафтного и пространственного кодов, так как в основах данных ойконимных единиц содержится указание на локализацию населенных пунктов *за* или *перед* соответствующими поселениями.

В данную подгруппу включаем ойконимы, мотивированные названиями типов поселений, поскольку, во-первых, подобные наименования фиксируют в основах разнообразные географические термины (*двор*, *деревня*, *погост*, *село*, *слобода* и др.), указывающие на характерные признаки номинируемого объекта, и, во-вторых, выделяют в качестве своеобразного ориентационного центра сам населенный пункт: *Деревня*, *Деревушка*, *Красный Двор*, *Погост* (2), *Сельцо* (2), *Слобода* (33) и др. К приведенным названиям примыкают ойконимы, сформированные на базе терминов, содержащих положительную или отрицательную оценку места поселения, характеризующие судьбу и обстоятельства возникновения населенного пункта: *Венцево* – ст.-бел. *венець* ‘приданое жены, которое ей досталось от родителей при вступлении в брак’, ‘часть собственности, которая по закону принадлежит вдове от мужа’ [Лемцюгова В.П., 2008, с. 92]; *Выгода* – бел. рег. ‘приволье, хорошее, удобное для жизни природное место’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 165]; *Горелое*; *Даровое*; *Добровольск*; *Погорелица* – бел. рег. ‘место, где сгорели дом, постройки’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 459–460], *Погорелое*; *Рай* – ст.-бел. ‘место, где можно счастливо и привольно жить’ [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 2009, вып. 29, с. 481]; *Роскоши*, *Роскошь* – бел. рег. ‘приволье, удобное место для поселения, где близко земля, вода, луг’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 581]; *Хизова* – др.-рус. *хиз* ‘примитивное бедное жильё’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 681] и др.;

б) ойконимы, мотивированные названиями сельскохозяйственных объектов, фиксируют в основах названия хозяйственных построек (*Поставы* – рег. *постав* ‘строение, постройка, здание’ [Рогалев А.Ф., 2008, с. 173]; *Шалаши* – бел. рег. *шалаш* ‘строение для складывания хозяйственных инструментов’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 701]; *Шалашино* (2) и др.) и земельных участков (*Адворня* – др.-рус. *адворня* ‘деланка пахотной земли, которая прилегает к панскому двору, фольварку, имению или крестьянской усадьбе’ [Лемцюгова В.П., 2008, с. 22]; *Лазы* – ст.-бел. *лазь* ‘единица измерения пахотной земли; раскорчеванный участок в лесу, предназначенный для использования под пашню’ [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 1997, вып. 16, с. 280]; *Локти* – ст.-бел. *локоть*, *локоть* ‘мера, которая соответствует длине руки от локтя до конца среднего пальца, равная приблизительно 14 вершкам (45–47 см)’, *локоть Литовский* – ‘мера длины (локоть), принятая в Великом княжестве Литовском’ [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 1998, с. 113]; *Нивки*,

Нивье (2) – бел. рег. ‘обработанный участок земли, пашни; пригодная для земледелия земля’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 453], *Нивьё*; *Оболь* (3) – ст.-укр. *обельная земля* ‘земля, отписанная в вечное владение’ [Лемцюгова В.П., 2008, с. 97]; *Обруб* (2) – ст.-бел. ‘ограниченный целый кусок земельной собственности, который находится в одном месте’ [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 2002, с. 275]; *Поженьки* (2) – бел. рег. *пожанька* ‘небольшое жнивье, маленький сенокос’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 526] и др.).

В данную подгруппу считаем возможным включить ойконимы, сформированные на базе географических терминов, дающих отрицательную оценку качества почвы с точки зрения пригодности для хозяйственного использования: *Глинно* – бел. рег. *глінная* ‘глинистый участок почвы; неплодородная земля’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 200]; *Каменица* – бел. рег. ‘плохое, каменистое, неплодородное поле’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 339]; *Камень* – бел. рег. ‘место, где лежит отдельный валун; где много камней в почве’, ‘сенокос, где каменистая почва’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 337]; *Песковатка* – бел. рег. ‘песчаное поле около бора’, ‘песчаное неплодородное место’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 515]; *Пустоши* (2) – бел. рег. *пусташ* ‘неплодородное поле’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 559]; *Пустынки* – бел. рег. *пустыня* ‘пустая, песчаная, неплодородная земля’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 506] и др. В семантике единичного ойконима *Погнойки* (бел. ‘унавоженная пахотная земля’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 460]) содержится положительная оценка качества земли;

в) ойконимы, мотивированные названиями промышленных объектов: *Беседа*, *Беседное*, *Беседы* (*беседами*, по данным В.П. Лемтюговой, назывались постройки, которые возводились в периоды Великого княжества Литовского и Российской империи в местах охоты для отстрела зверей и организации обедов в честь княжеских, панских и царских гостей [Лемцюгова В.П., 2008, с. 85]); *Глинище* (5) – бел. *глінішча* ‘место, где добывают (или берут) глину для производства кирпича и бетона, глиняный карьер’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 200]; *Глинники* – ст.-бел. *глинникъ* ‘то же, что и глинище’ [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 1985, с. 293]; *Глинница* – бел. рег. ‘яма, где копают глину’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 200]; *Промыслы*, *Рум* – ст.-бел. ‘место погрузки’ [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, 2010, с. 481]; *Румино*, *Румище*, *Стрелище* – бел. рег., рус. рег. ‘место, где учатся стрелять’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 635]; *Ступище* – бел. рег. *ступы* ‘ловушки для лосей’ [Лемцюгова В.П., 2008, с. 356] и др. Названия населенных пунктов *Мыльнище* и *Перно*, отмеченные на территории региона, сформировались на базе соответствующих апеллятивов, имеющих значение ‘место, где стирают белье’. Ойконимы *Заводский* (вариант *Заводской*), *Заготскот*, *Льнозавод*, *Осинторф*, *РТС*, *10-й Блок Пост* появились в советское время;

г) ойконимы, мотивированные названиями транспортных объектов: *Белобродье*, *Газберг* – бел. рег. *газ* ‘очень широкий брод в реке или озере’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 179], *Газьба*, *Моцёны (2)* – бел. рег. *машчонка* ‘место, где была вымощена деревьями древняя дорога на низком месте’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 423]; *Перволока* – ист. *волок* ‘место, где ближе всего сходятся две реки и где перетаскивали суда из одной реки в другую’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 154], *Перволочня*; *Расходно* – бел. рег. *расход* ‘место, где дорога раздваивается; развилка’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 575]; *Столбцы* – бел. *стаўбцы* ‘столбы, которыми отмечали дорогу на местности, где не было заметных ориентиров, и особенно зимой’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 630] и др.;

д) ойконимы, мотивированные названиями культовых объектов, в настоящее время являются немногочисленными: *Белая Церква*, *Богородицкое*, *Воскресенская*, *Воскресенцы*, *Монастырь (2)*, *Преображенка*, *Спасское (3)*, *Церковище*, *Церковляне*, *Церковно (2)*. По замечанию О.Н. Бойцова, топонимы, производные от названий храмов, обладали наибольшей продуктивностью в XVIII–XIX вв., когда хозяева-землевладельцы стремились возводить в своих имениях собственные храмы, названия которых переходили на населенные пункты [Бойцов О.Н., 2003, с. 132]. Популярность подобных номинаций С.А. Никитин объясняет «ведущей ролью, которую играло церковное здание в русском равнинном ландшафте». Кроме того, как отмечает исследователь, храмы, «часто будучи каменными, легче переживали пожары и смену владельцев, от имен которых образовывались традиционные названия селений» [Никитин С.А., 2003, с. 117].

1.3 НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ЭКСПЛИЦИРУЮЩИЕ ИНФОРМАЦИЮ ВРЕМЕННОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Временной код культуры, отражающий специфику человеческого восприятия времени, объективируется в системе названий населенных пунктов Белорусского Поозерья при помощи сложных и составных ойконимов в форме атрибутивных словосочетаний (см. таблицу 1.4).

Атрибутивные словосочетания состоят из двух компонентов – субстантивного (определяемого) и атрибутивного (определяющего). В качестве субстантивного компонента используются лексемы ойконимного уровня, в качестве определяющего – прилагательные, образующие антонимические пары: *великий* – *малый*, *старый* – *новый*, синонимичные им числительные в написании словом или цифрой: *первый* / 1 – *второй* / 2 и т.д. Как отмечают исследователи топонимного ма-

териала (В.П. Лемтюгова, Н.И. Бабушкина, П.С. Будзько), слова *великий* – *малый*, *старый* – *новый*, *первый* – *второй* в составе таких названий объединяются общим устойчивым значением – указанием на относительную хронологию возникновения населенных пунктов. Определительные компоненты *великий*, *старый*, *первый* указывают на более раннее возникновение объектов; *малый*, *новый*, *второй* – более позднее [Лемцюгова В.П., 1970; Бабушкина Н.И., 1981; Будзько П.С., 1985].

Таблица 1.4 – **Наименования населенных пунктов, эксплицирующие информацию временного кода культуры**

Атрибутивные компоненты	Ойконимы	Количество
Числительные (первый / 1, второй / 2 и др.)	<i>Апанасишки 1 – Апанасишки 2, Бортники 1 – Бортники 2, Босянки 2 – Босянки 3, Букарево 1 – Букарево 2, Василькишки 1 – Василькишки 3 – Василькишки 5, Веретеи 1 – Веретеи 2, Гончарово 1 – Гончарово 2, Забелы 1 – Забелы 2, Карманы 1 – Карманы 3, Липово 1 – Липово 2, Межно 1 – Межно 2 – Межно 3 и др.</i>	134
Великий – малый	<i>Великая (Большая) Ведрень – Малая Ведрень, Великая (Большая) Глиновка – Малая Глиновка, Великая (Большая) Переспа – Малая Переспа, Великие (Большие) Дольцы – Малые Дольцы, Великие (Большие) Липовичи – Малые Липовичи, Великие (Большие) Мисники – Малые Мисники, Великие (Большие) Осётки – Малые Осётки, Великие (Большие) Павловичи – Малые Павловичи, Великие (Большие) Плейки – Малые Плейки, Великие (Большие) Пышногоры – Малые Пышногоры, Великие (Большие) Смольянцы – Малые Смольянцы, Великие (Большие) Стайки – Малые Стайки и др.</i>	104
Старый (старо-) – новый (ново-)	<i>Старая Белица – Новая Белица, Старое Лядно – Новое Лядно, Старое Село – Новое Село, Старое Соколино – Новое Соколино, Старые Волосовичи – Новые Волосовичи, Старый Двор – Новый Двор, Старый Погост – Новый Погост и др.</i>	80
Всего		318

Населенные пункты, обозначенные составными названиями с прилагательными *великий – малый, старый – новый* и числительными, располагаются в пределах одного района: *Великие Барсучины – Малые Барсучины* (Толочинский р-н), *Великие Давыдки – Малые Давыдки* (Глубокский р-н), *Великие Лётцы – Малые Лётцы* (Витебский р-н), *Великое Бабино – Малое Бабино* (Оршанский р-н); *Старая Будовка – Новая Будовка* (Толочинский р-н), *Старое Хороброво – Новое Хороброво* (Оршанский р-н), *Старые Крюки – Новые Крюки* (Мёрский р-н), *Старые Лавки – Новые Лавки* (Чашникский р-н), *Старые Шарабаи – Новые Шарабаи* (Глубокский р-н); *Апанасишки 1 – Апанасишки 2* (Браславский р-н), *Зазыбы 1 – Зазыбы 2* (Витебский р-н), *Козловичи 1 – Козловичи 2* (Оршанский р-н), *Липово 1 – Липово 2* (Мёрский р-н) и др. На исследуемой территории отмечены сложные ойконимы с компонентами *старо-* и *ново-*, указывающими на относительную хронологию возникновения поселений: *Стародворище – Новодворище*.

Определенная часть названий (13 ойконимных единиц) с атрибутивными компонентами *великий, старый, первый / 1* в прошлом имела соответствия с ойконимами, включавшими в свой состав компоненты *малый, новый, второй / 2*, зафиксированными в «Словаре названий населенных пунктов Витебской области» Е.Н. Рапановича: *Алашки Великие – Алашки Малые, Великая Ольшанка – Малая Ольшанка, Великие Лежни – Малые Лежни, Олься Великая – Малая Олься, Цирклишки Великие – Малые Цирклишки, Старое Грудиново – Новое Грудиново, Старое Заповолье – Новое Заповолье; Богатырёво 1 – Богатырёво 2, Бурелом 1 – Бурелом 2, Горовые 1 – Горовые 2, Горы 1 – Горы 2, Забелье 1 – Забелье 2, Тупичино 1 – Тупичино 2*. Для составных ойконимов со словами *новый, второй / 2* выявлены утраченные соответствия с компонентами *старый, первый / 1*, отмеченные в словаре Е.Н. Рапановича: *Новая Вёска – Старая Вёска; Горново 2 – Горново 1, Дмитровщина 2 – Дмитровщина 1, Мёрки 2 – Мёрки 1*.

Названия населенных пунктов, которые возникли раньше, не всегда имеют определения *великий, старый, первый / 1*. В таких случаях дифференцирующую функцию выполняют только прилагательные *малый, новый*, числительное *второй / 2*, компонент *ново-* в сложных единицах: *Голыни – Малые Голыни, Иново – Иново Малое, Липки – Малые Липки, Ситцы – Малые Ситцы, Ульяновичи – Малые Ульяновичи; Вилейка – Новая Вилейка, Германовщина – Новая Германовщина, Друцк – Новый Друцк, Оболь – Новая Оболь; Барсуки – Барсуки 2, Бездедовичи – Бездедовичи 2, Боровка – Боровка 2, Слободка – Слободка 2, Углы – Углы 2; Зароново – Новозароново, Куковячино – Новокуковячино (вариант Новое Куковячино), Лукомль – Новолукомль и др.*

В коррелятивных парах *Лепель – Старый Лепель*, *Толочин – Старый Толочин* дифференцирующую функцию выполняет компонент *старый*, указывающий на более продолжительное время существования соответствующих поселений.

Составные названия населенных пунктов с компонентами *старый*, *новый*, для которых не отмечены соответствия с антонимичными прилагательными в пределах одного района, а также сложные наименования с компонентом *старо-*, *ново-*, указывают на время существования населенного пункта (давно существующий или возникший относительно недавно) безотносительно ко времени существования другого поселения: *Завличье Новое*, *Новая Тухинь*, *Новые Ясевичи*, *Новый Болецк*, *Старые Туросы* и др.

Небольшую подгруппу (8 единиц) составляют наименования с атрибутивным компонентом *великий*. Для подобных названий, не имеющих соответствий с компонентом *малый* (*Великая (Большая) Дятель*, *Великая (Большая) Митьковщина*, *Великая (Большая) Черница*, *Великие (Большие) Трухоновичи*, *Великое (Большое) Абабье*, *Великое (Большое) Тхорино*, *Поженьки Великие (Большие)*, *Споры Великие (Большие)*), мотивация значением ‘более крупный, более старый’ исключается, так как она предполагает наличие бинарных оппозиций. Определение *великий* в составе ойконима *Великое Село* (6), по замечанию В.П. Лемтюговой, указывает на принадлежность поселения к владениям великих князей [Лемтюгова В.П., 2008, с. 107–109].

Для ойконимных единиц *Малая Белица*, *Малое Савино* на исследуемой территории не отмечены соответствия с атрибутивным компонентом *великий* и без него, но это не исключает возможности существования подобных наименований в прошлом. В отмеченных названиях прилагательное *малый* может характеризовать размер населенного пункта или указывать на его вторичность по отношению к другому поселению (при условии существования в прошлом соответствий с компонентом *великий*).

На территории региона присутствуют и тройные соответствия, представляющие собой исходный топоним и антонимические пары, сформированные на его основе: *Выдря – Великая (Большая) Выдря – Малая Выдря*, *Ковалевицина – Великая (Большая) Ковалевицина – Малая Ковалевицина*, *Дашки – Дашки Великие – Дашки Малые*, *Водопоево – Старое Водопоево – Новое Водопоево*. В таких составных названиях по атрибутивному компоненту, который служит для дифференциации населенных пунктов, нельзя судить о времени возникновения поселений.

Дифференцирующую функцию выполняют числительные в следующих наименованиях: *Дуброво – Дуброво 1*, *Василькишки 1 – Василькишки 3 – Василькишки 5*, *Замошье – Замошье 1 – Замошье 2*, *Карманы 1 –*

Карманы 3, Коробы – Коробы 1 – Коробы 2, Межно 1 – Межно 2 – Межно 3, Черничка 1 – Черничка 2 – Черничка 3 – Черничка 4 и др.

Антонимические определения *великий – малый (старый – новый, первый – второй)*, по наблюдениям В.П. Лемтюговой, на языке топонимии обозначают ‘первичный, основной’ – ‘вторичный, менее значимый’. Определения *великий, старый, первый* названия населенных пунктов получали тогда, когда из поселений выделялись новые, которым присваивались названия с атрибутивными компонентами *малый, новый, второй* [Лемтюгова В.П., 2008, с. 109]. Так, предположительно, из деревни *Давыдки* Глубокского р-на Витебской области выселились три-четыре двора и основали новую деревню *Малые Давыдки*. При этом базовое поселение *Давыдки* получило название *Великие Давыдки*. В подобной ситуации происходит наложение пространственных отношений на временные, что свидетельствует о связи временного и ландшафтного кодов культуры.

Пространство и время как универсальные онтологические категории, определяющие картину мира и рамки существования в нем человека, тесно связаны в человеческом сознании. В традиционной народной культуре пространство не отделено от времени и образует с ним единый хронотоп, в рамках которого фиксируются и осмысляются события [Беларуская міфалогія, 2004]. Свойственное народной традиции пространственное восприятие времени находит отражение в названиях населенных пунктов исследуемого региона. В ойконимных единицах с определительными компонентами *великий – малый, старый – новый, первый / 1 – второй / 2* объективируется информация как временного, так и ландшафтного кодов.

1.4 НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ЭКСПЛИЦИРУЮЩИЕ ИНФОРМАЦИЮ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Пространственный код культуры связан с членением пространства, в котором «выделяются фрагменты свои и чужие, ближние и дальние, известные и неизвестные, освоенные и неосвоенные, доступные и недоступные, “разрешенные” и “запрещенные”, важные и безразличные» [Кустова Г.И., 2000, с. 48]. Важнейшим свойством пространства является антропоцентричность: «пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» [Гак В.Г., 1998, с. 670]. Одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека является понятие географич-

ческого пространства, которое, возникая в определенных исторических условиях, «получает различные контуры в зависимости от характера общих моделей мира, частью которых оно является» [Лотман Ю.М., 2000, с. 297]. Концепция пространства (места), по мнению Е.Л. Березович, является базовой для топонимической концептосферы и, соответственно, топонимический материал может дать достаточно подробную и целостную трактовку народного восприятия пространства. Для топонимии автор выделяет четыре базовых параметра, необходимых при описании организации пространства: 1) локализация объекта; 2) охват местности; 3) протяженность; 4) обжитость пространства [Березович Е.Л., 2009, с. 84]. Ойконимия как совокупность названий населенных пунктов предполагает описание локализации объекта в пространстве, при котором используются следующие базовые параметры: «ближний – дальний», «правый – левый», «передний – задний», «верх – низ», «стороны света», «начало – конец». Для системы названий населенных пунктов Белорусского Поозерья, как показывает представленная ниже таблица 1.5, актуальными являются 5 из них: «передний – задний», «ближний – дальний», «верх – низ», «начало – конец», «север – юг».

Таблица 1.5 – **Наименования населенных пунктов, эксплицирующие информацию пространственного кода культуры**

Пространственный параметр	Названия населенных пунктов	Количество
«передний – задний»	<i>Забелье, Заборовье, Заборочье, Заборье, Забродье, Загатье, Задорожье, Задубровье, Залозье, Замосточье и др.</i>	83
«ближний – дальний»	<i>Набережный, Надозёрная, Надречье, Подберезье, Подборок, Подгрядье, Подлесье, Подмошье, Подозерье, Полесье и др.; Далёкие, Далёкое.</i>	45
«верх – низ»	<i>Верхнее, Верхоченье, Высокая, Высокие, Высокое, Высоты, Высочаны и др.</i>	27
«начало – конец»	<i>Концевые, Кончане, Кордон, Метта, Рубеж, Рубежница, Украище и др.</i>	15
«север – юг»	<i>Северное Гнездилово – Южное Гнездилово</i>	2
Всего		172

При объективации данных параметров, по замечанию А.М. Мезенко, «очень важна позиция наблюдателя: от нее зависит система координат» [Мезенко А.М., 2010, с. 68]. Названия, служащие реализации пространственных параметров и указывающие на местоположение географических объектов, С.Н. Басик предлагает именовать названиями-ориентирами, или пространственными топонимами [Басик С.Н., 2006, с. 90].

1. ПАРАМЕТР «ПЕРЕДНИЙ – ЗАДНИЙ».

Параметр «передний – задний» в ойконимии региона находит выражение в пространственной модели, реализующей идею *локализации населенного пункта за каким-либо объектом*. Данная идея объективируется при помощи ойконимов, в семантике которых содержится указание на местоположение поселения за соответствующим географическим объектом (*задние* названия): *Заболотье* (18) – бел. *забалацце, забалоцце* ‘то, что расположено за болотом’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 267]; *Заборовье* (2) – бел. *забароўе* ‘местность за бором’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 268]; *Загатье* (3) – бел. *загацце* ‘местность за гатью’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 275]; *Загородье; Загорье* (4) – ст.-бел. *загор’е* ‘место за горами’, бел. рег. ‘пространство по ту сторону горы, холма, возвышенности’, ‘вообще место около подошвы горы’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 277]; *Задорожье* (3) – бел. *задарожжа* ‘местность за дорогой’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 279]; *Залесье* (16); *Залужье* (2); *Залучье* (2) – бел. *залучча* ‘за лукой реки’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 291]; *Замошье* (20) – бел. *замошша* ‘пространство за моховым болотом’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 293]; *Заозерье* (14); *Заполье* (15); *Запрудье* (8); *Заречье* (12) и др. «Основное значение, которое имеют топонимы с предлогом-приставкой *за-*, – пишет Н.В. Подольская, – это указание места, которое находится дальше, по другую сторону объекта (предмета или места), названного в основе топонима» [Подольская Н.В., 1983, с. 43].

На территории Белорусского Поозерья не выявлены *передние* названия, что связано с отражением особенностей субъективной ориентации, где главный тот, кто наблюдает. *Задние* названия присваиваются жителями поселений, для которых номинируемый населенный пункт оказывается расположенным за каким-либо объектом (болото, лес, озеро, поле и др.).

2. ПАРАМЕТР «БЛИЖНИЙ – ДАЛЬНИЙ».

Реализация данного параметра связывается исследователями топонимного материала с попыткой человеческого сознания измерить пространство через расположение объектов относительно друг друга и положения номинатора [Березович Е.Л., 2009; Васильева С.П., 2005]. Названия, реализующие данную пространственную оппозицию в системе наименований населенных пунктов Белорусского Поозерья, делятся на коррелирующие и некоррелирующие. Среди некоррелирующих ой-

конимов преобладают наименования, выражающие идею близости. В семантике таких топонимов содержится указание на локализацию населенного пункта около определенного географического объекта: *Надбережье, Надозерье* (2), *Надречье* (ср. бел. рег. *наднямонне* ‘пространство по обеим сторонам реки Неман’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 443]); *Подбережье* (2), *Подборок, Подвишняк, Подгрядье, Поддубье* (6) – бел. *паддуб’е* ‘место около дубов или под дубами’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 467]; *Подозерье, Поречье, Придворье* (9) – бел. *прыдвор’е* ‘пространство около крестьянского двора или панского населенного пункта’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 550]; *Придорожье, Улесье* – бел. *улессе* ‘место около леса’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 670] и др.

Необходимо отметить, что в семантике ойконимов с префиксом *под-* может содержаться также указание на локализацию населенного пункта перед соответствующим географическим объектом. Так, В.П. Лемтюгова указывает, что при помощи пространственного префикса *под-* в сочетании с суффиксом *-je* образуются существительные среднего рода с общим значением ‘место, которое находится перед чем-нибудь’ [Лемцюгова В.П., 1970, с. 122].

Рассматривая пространственные топонимы Смоленщины с приставками *за-* и *под-*, О.Н. Бойцов отмечает, что они служат источником сведений об окружающем пространстве, являющемся «в первую очередь ориентационным полем человека, который пытается определить местоположение отдельных пространственных объектов, их доступность, удаленность и т.п.» [Бойцов О.Н., 2003, с. 112]. В подобных топонимах фиксируются названия объектов, выступавших в качестве своеобразных ориентиров в процессе имьятворчества, что свидетельствует о значимости данных реалий для человека в прошлом и позволяет сделать вывод о способности пространственных ойконимов объективировать информацию как пространственного, так и ландшафтного кодов культуры.

Идея удаленности объекта выражается при помощи названий населенных пунктов *Далёкие, Далёкое*. Малое количество таких наименований объясняется тем, что простое указание на удаленность населенного пункта оказывается недостаточным, чтобы более или менее точно его локализовать. Противоположная ситуация, по данным А.М. Мезенко, наблюдается в системе названий внутригородских объектов, где модель «ближний – дальний» характеризуется асимметричностью в пользу второго компонента. Наличие значительного количества *дальних* и отсутствие *ближних* названий в белорусском урбанонимиконе исследователь рассматривает как свидетельство значимости для жителей города не дистанционных показателей, а идеи границы поселения, когда наиболее релевантным является признак удаленности внутригородского объекта от центра населенного пункта [Мезенка Г.М., 2013, с. 103].

В пределах исследуемого региона отмечаются только две коррелятивные пары названий: *Буда Ближняя – Буда Дальняя, Близкое Чурилово* (до 1975 г.) – *Чурилово Далёкое*.

В ойконимной системе Белорусского Поозерья находит выражение идея расположения населенного пункта между какими-либо географическими объектами: *Мижлесье* – бел. рег. *міжлессе* ‘голое место между кустов на лугу’, ‘узкая полоса леса между основными лесными массивами’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 428], *Мижречье* – бел. *міжрэчча* ‘пространство между речками’ [Яшкін І.Я., 2005, с. 428].

3. ПАРАМЕТР «ВЕРХ – НИЗ».

Е.Л. Березович выделяет две ситуации функционирования *верхних* и *нижних* названий: 1) «высотную», связанную с пространственной вертикалью; 2) «гидрографическую», обусловленную привязкой к реке [Березович Е.Л., 2009, с. 107].

«Высотная» ориентировка в ойконимии Белорусского Поозерья выражается при помощи следующих названий населенных пунктов: *Высокая, Высокое, Высоты, Горные Ходцы, Горовые Поршни, Верхние Морозы – Нижние Морозы, Высокий Городец – Низкий Городец, Горная Веравойша – Нижняя Веравойша, Жуки Ложные – Жуки Горные*. Символические признаки верха и низа, важные для народной духовной культуры, по замечанию Е.Л. Березович, не находят отражения в топонимии при реализации данного параметра [Березович Е.Л., 2009, с. 109]. Лидерство некоррелирующих *верхних* (*высоких*) и непопулярность *нижних* названий исследователи топонимного материала объясняют большими дистинктивными возможностями признака высотного расположения объекта по сравнению с признаком нахождения объекта в низине.

«Гидрографическая» ориентировка выражается коррелятивными парами *Верхнее Кривино – Нижнее Кривино* (поселения находятся на берегах р. *Кривинка* (левый приток *Западной Двины*)), *Верхнее Хамино* (утраченное название) – *Нижнее Хамино* (на р. *Сарьянка* (правый приток *Западной Двины*)), отражающими относительный признак – расположение объекта выше или ниже другого по течению. Абсолютный признак (расположение объекта в верховьях или низовьях рек) фиксируется при помощи названий *Верховье* (3), *Водва* – бел. рег. *водва* ‘исток реки’ [Березович Е.Л., 2009, с. 151], *Низы, Понизовье* (3), *Понизье, Устье* (6).

4. ПАРАМЕТР «НАЧАЛО – КОНЕЦ».

Данный параметр находит выражение в пространственных моделях, реализующих идею конца пространства. В системе названий насе-

ленных пунктов региона данная идея объективируется с помощью моделей *граница* (*Черты* – бел. рег. *чарта* ‘граница; городская граница’ [Березович Е.Л., 2009, с. 695], *Кордон* (до 1939 г. *Старое Комачино*) – бел. ‘государственная граница’ [Березович Е.Л., 2009, с. 346], *Мета* – бел. рег. ‘граница, пограничный знак, след, линия, след на траве, пашне, маяк; межевая насечка на дереве’ [Березович Е.Л., 2009, с. 427] и др.), *конец* (*Концевые*, *Кончане*), *рубеж* (*Рубеж* (3), *Рубежница* (2)). По мнению Р.А. Агеевой, подобные ойконимы свидетельствуют о действительных границах между деревнями, землями, находящимися у разных владельцев, волостями, уездами, губерниями, и могут служить дополнительным источником исторических сведений об особенностях административного деления и землевладения на территориях исследуемого региона в разные периоды [Агеева Р.А., 2004, с. 62].

Как пишет Л.Б. Лебедева, в отношениях с пространством человеку требуются две опоры: субъект сознания, всегда находящийся в центре идеального пространства, и граница, или границы, противостоящие субъекту и замыкающие пространство вокруг него. «Конец или предел является необходимой психической опорой для восприятия любой данности» [Лебедева Л.Б., 2000, с. 93].

По наблюдениям Е.Л. Березович, популярность идеи конца в топонимическом пространстве обуславливается существованием четких границ между своим / освоенным и чужим / неосвоенным пространством и значимостью самой идеи границы [Березович Е.Л., 2009, с. 122]. В народной духовной культуре особое внимание к пространственным границам проявляется в наличии большого количества запретов и предписаний, кодифицирующих поведение в «пограничном» пространстве, а также в традиции совершать на рубежах и границах ритуальные действия из области медицинской, любовной, охранительной и вредоносной магии [Левкиевская Е.Е., 1995-б, с. 306].

Идея начала не находит отражения в ойконимной системе региона, что связано со спецификой субъективной ориентации, при которой пространственное начало совпадает с номинативным центром (населенным пунктом, относительно которого номинируемое поселение располагается в пограничном пространстве).

5. ПАРАМЕТР «СЕВЕР – ЮГ».

Ориентация по сторонам света, в частности ось «север – юг», нашла отражение в коррелятивной паре *Северное Гнездилово – Южное Гнездилово*. Анализ особенностей расположения объектов, обозначаемых данными топонимами, свидетельствует, что характеристика север-

ного и южного направлений является недиффузной: д. *Северное Гнездилово* находится севернее д. *Южное Гнездилово*. Следует отметить, что оба населенных пункта локализуются севернее д. *Гнездилово*, что указывает на вторичность составных наименований с компонентами *северный* и *южный*.

Некоррелирующие наименования *Восточная* (до 1964 г. *Цуцки*) и *Южная* не отражают пространственных характеристик объектов, так как они возникли в советское время и фиксируют популярную для советской эпохи тенденцию присвоения наименований по связи с абстрактным понятием (*восток, юг*).

Непопулярность названий населенных пунктов, связанных с ориентацией по сторонам света, является специфической чертой ойконимного пространства, в отличие, например, от урбанонимного, где, по данным А.М. Мезенко, параметры «север – юг», «запад – восток» нашли самое широкое воплощение [Мезенко Г.М., 2013, с. 104]. На распространенность названий, отражающих данные пространственные параметры, в топонимических системах Русского Севера, Приенисейской Сибири и Тюменского Приобья указывают Е.Л. Березович, С.П. Васильева, Н.К. Фролов. Ведущим направлением, по наблюдениям топонимистов, является ось «север – юг», при этом отмечается асимметрия в пользу *северных* названий; количество *восточных* и *западных* наименований в топонимных системах регионов невелико [Березович Е.Л., 2009; Васильева С.П., 2005; Фролов Н.К., 1996].

1.5 НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ЭКСПЛИЦИРУЮЩИЕ ИНФОРМАЦИЮ РАСТИТЕЛЬНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Растительный код культуры связан с представлениями человека о мире растений, который разносторонне отражается в сознании людей, в мифологическом творчестве и магическо-ритуальной деятельности [Беларуская міфалогія, 2004, с. 427]. В традиционной культуре растения занимают промежуточное положение между миром «мертвой» природы и миром животных и людей. Они являются объектом мифологической интерпретации и символизации, широко используются в обрядности, народной медицине и магии. Классификация ойконимов, объективирующих растительный код культуры, представлена в таблице 1.6.

Таблица 1.6 – Наименования населенных пунктов, эксплицирующие информацию растительного кода культуры

Ойконимы, соотносительные с названиями деревьев и кустарников	берёза	<i>Березинец, Березница, Березняки, Березнянка, Березово, Берёзки, Берёзно, Берёзовики, Берёзовка, Берёзово</i>	10
	верба	<i>Вербовка</i>	1
	вишня	<i>Вишневец, Вишинёвая, Вишинёвка, Вишинёво, Вишинёвцы, Вишни, Вишня, Вишняк</i>	8
	вяз	<i>Вязище, Вязовая, Вязовки, Вязовцы, Вязовщина, Ильмовики</i>	6
	груша	<i>Грушево, Грушевская</i>	2
	дуб	<i>Дубинец, Дубинки, Дубино, Дубинцы, Дубище, Дубки, Дубники, Дубницы, Дубняки, Дубовик, Дубовики, Дубовка, Дубовое, Дубовцы, Дубовщина, Дубы, Зелёные Дубы, Савин Дуб</i>	18
	ель	<i>Елино, Еловики, Ельно, Ельняки, Хорошая Ель, Яловики</i>	6
	калина	<i>Калинка, Калиновка, Калиново, Калиновое</i>	4
	клён	<i>Кленки, Клены, Клёновка, Клёны</i>	4
	липа	<i>Белая Липа, Липки, Липники, Липницы, Липовая, Липовец, Липовка, Липовки, Липово, Липовцы, Липолаты, Липск</i>	12
	лоза	<i>Лозино, Лозичи, Лозоватка, Лозовики, Лозовка, Лозово, Лозовый, Лозы, Чёрная Лоза</i>	9
	малина	<i>Малиновка</i>	1
	ольха	<i>Ольховец, Ольховик, Ольховики, Ольховка, Ольховцы, Ольшаники, Ольшаны, Лешно, Лешня</i>	9
	орешник	<i>Ореховичи, Орешенка, Орешенки</i>	3
осина	<i>Осинники, Осиновик, Осиновка, Осовец, Осово, Осовок, Осовцы</i>	9	

	рябина	<i>Рябиновка</i>	1
	смородина	<i>Смородино, Смородник</i>	2
	сосна	<i>Соснино, Сосновая, Сосновка, Сосновцы, Сосняги, Сосняки</i>	6
	черёмуха	<i>Черемхово, Черёмуха, Черёмушки, Черёмушкино</i>	4
	яблоня	<i>Яблонка, Яблынка</i>	2
Ойконимы, соотносительные с названиями травянистых и споровых растений	белоус	<i>Кумша</i>	1
	боб	<i>Бобовики, Бобовище, Бобовка, Бобовье</i>	4
	василёк	<i>Васильки</i>	1
	горох	<i>Гороховье</i>	1
	гриб	<i>Грибино</i>	1
	клюква	<i>Клюковка</i>	1
	крапива	<i>Крапивники, Крапивно</i>	2
	мак	<i>Маковье</i>	1
	овёс	<i>Овсище, Овсянка</i>	2
	папоротник	<i>Папоротно</i>	1
	пшеница	<i>Пшеничено</i>	1
	репа	<i>Репище</i>	1
	хвощ	<i>Хвошно, Хвощёво</i>	2
хмель	<i>Хмельник, Хмельники</i>	2	
Всего		138	

Наименования населенных пунктов, соотносительные с названиями деревьев и кустарников, насчитывают 117 единиц, что составляет 85% от общего количества топонимов, объективирующих растительный код культуры: *Березово, Берёзно, Вербовка, Вишнёвая, Вишнёвка, Вишни, Вязовая, Грушево, Дубки (3), Дубовка (5), Дубовое (5), Липки (2), Лозовка (4), Лозовый, Лозы, Осиновка (12), Рябиновка, Смородино, Сосновая, Сосновка (4), Черёмуха* и др. Как отмечают авторы энциклопедического словаря «Белорусская мифология», в древности на территории Беларуси существовал культ деревьев, связанный с культом обожествления природы. Согласно белорусским поверьям, в деревья часто переселялись человеческие души, поэтому деревья «могут ходить, разговаривать, превращаться в человека» [Беларуская міфалогія, 2004, с. 151]. Самыми почитаемыми являлись деревья, которые чаще использовались в обрядах и выполняли в них различные магические функции. К таким деревьям относятся дуб, берёза, липа, ольха.

Одним из главных мифопоэтических образов в народной культуре белорусов является Дерево жизни, воплощающее универсальную концепцию жизни во всех ее проявлениях. Репрезентантами Древа жизни становились растения, которые широко использовались в различных практиках и характеризовались такими качествами, как долговечность и большие размеры. В белорусских народных представлениях такими деревьями являлись дуб, липа, берёза, которые символизировали плодovitость, использовались как средство увеличения жизненной силы, как оберег, способный предохранить человека и его собственность от воздействия деструктивных сил, а также кодировали идею обновления космоса и социума, становились символами рода, связывали мир живых с миром мертвых, микрокосм с макрокосмом. Вместе с тем они связывались и со «злым» началом и воспринимались как локус демонических существ (лешего, русалки, черта и др.) [Беларуская міфалогія, 2004, с. 152]. Значение этих растений в мифологических представлениях белорусов нашло свое отражение в ойконимии исследуемого региона. Наибольшее количество названий населенных пунктов образовано от лексем *дуб, липа, берёза* (13%, 9%, 7% от общего количества ойконимов, образованных от названий растений). На базе лексемы *ольха* сформировано 7% ойконимов (9 единиц), соотносительных с названиями растений. Названное дерево в мифологии и поэзии связано с представлениями о загробном мире, с плачем и опасностью. В то же время ольха используется как оберег от болезней и несчастий [Беларуская міфалогія, 2004, с. 88]. Отметим, что популярность названий поселений, мотивированных лексемами *дуб, липа, берёза, ольха*, В.П. Лемтюгова связывает с высокой урожайностью земли, на которой произрастали данные породы, что имело немаловажное значение при выборе места поселения [Лемцюгова В.П., 2008, с. 8].

Наличие на белорусской земле издревле множество лесов давало основания нашим предкам определить преимущественную породу деревьев, которая часто являлась отличительной чертой той или иной местности, имела важное значение в хозяйственной деятельности, в обрядовой и магической практике, и образовать от нее название своего поселения. Так, известно, что древесина дуба обладает отличными качествами, она крепка, устойчива против гниения, что способствовало широкому использованию дуба для сооружения городских стен и крепостей в средневековье. В традиционной культуре дуб – самое почитаемое дерево, связанное с богом-громовержцем и символизирующее силу, крепость и мужское начало; место совершения религиозных обрядов, объект и локус жертвоприношений [Агапкина Т.А., 1995, с. 141]. Данные факты объясняют частотность соответствующей лексемы в основах названий населенных пунктов.

Наименования населенных пунктов, соотносительные с названиями травянистых и споровых растений, включают 21 наименование, или 15% от общего количества топонимов, соотносительных с названиями растительного мира: *Бобовье, Гороховье, Маковье, Овсище, Пшеничено, Ретище (2), Хвошно, Хмельник (2)* и др.

Среди травянистых растений значительную роль в мифопоэтическом сознании наших предков играли бобовые растения. Так, в народных представлениях белорусов *бобу* и *гороху* приписывались магические свойства, связанные с представлениями о них как о прибежище душ умерших. Вместе с тем характерный признак множественности у бобовых обусловил использование их в ритуалах с продуцирующей семантикой. В народных сказках *боб* (иногда *горох*) может замещать собой Мировое дерево [Беларуская міфалогія, 2004, с. 47–48, 115–116].

Крапива, мак и *хмель* в традиционной культуре выступают как растения-апотропеи благодаря своим специфическим свойствам («агрессивным» у *крапивы*, наркотическим у *мака* и *хмеля*) и мотиву связи с огнем. Кроме того, в мифопоэтической традиции *хмель* связывался со сферой любовных взаимоотношений и во время свадьбы выступал символом жениха [Беларуская міфалогія, 2004, с. 257–258, 300, 534–535].

К споровым растениям относятся грибы и папоротники, представленные в ойконимной системе региона названиями *Грибино, Папоротно*. *Грибам* в традиционной картине мира отводится промежуточное положение между растениями и животными. Неопределенность представлений о природе *грибов* проявляется в наделении их чертами, которые сближают как с небесными (Христом, св. Петром), так и с подземными силами. В народной демонологии *грибы* предстают как живые существа, имеющие дар речи [Беларуская міфалогія, 2004, с. 127].

Особое место в народных представлениях занимает *папоротник*, с цветком (семенем) которого связано множество поверий. Так, по белорусским поверьям, *папоротник* раскрывает человеку, нашедшему его цветок, прошлое и будущее, показывает места спрятанных кладов, наделяет способностью понимать язык животных и растений. Магические свойства растения объясняются мотивом связи его с потусторонним миром и демонической сферой [Беларуская міфалогія, 2004, с. 366].

Необходимо отметить, что для ойконима *Грибино* не исключается мотивация антропонимом *Гриб*, зафиксированным в белорусских памятниках письменности с XVI в. [Бірыла М.В., 1969, с. 118].

В растительном коде культуры находят отражение мифологические представления наших предков, связанные с тотемистическим культом деревьев.

1.6 ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ ДУХОВНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В ОЙКОНИМИИ

Духовный код культуры составляют «нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры» [Красных В.В., 2002, с. 256]. Выделенные нами коды культуры встраиваются в систему кода духовного, представляющего собой абстракцию, которая возникает в результате многократного наложения одного кода культуры на другой. Так, ойконимы, сформированные на базе православных и католических имен и являющиеся репрезентантами антропоморфного кода культуры, выявляют опосредованную связь с христианской религией, нравственные ценности которой составляют неотъемлемую часть культуры белорусского народа. Как пишет А.В. Суперанская во введении к «Словарю русских личных имен», «любая религия как система, отражающая мировоззрение и культуру общества, сопровождается определенным массивом имен. В именах закрепляются и распространяются идеи соответствующей религии и одновременно почитается память лиц предыдущих поколений, сыгравших важную роль в утверждении данной системы взглядов» [Суперанская А.В., 2003, с. 9].

Такие базовые оппозиции культуры, как «добро – зло», «хорошо – плохо», «плюс – минус», находят воплощение в названиях населенных пунктов, сформированных на базе местных географических терминов и объективирующих ландшафтный код культуры. Наиболее продуктивными являются географические термины, обозначающие локусы, выделяемые в традиционной белорусской культуре положительным потенциалом (река, озеро, гора, лес), в то время как апеллятивы, называющие ландшафтные реалии, имеющие отрицательные коннотации (болото, низменности), менее распространены.

Свойственный традиционной культуре антропоцентризм находит выражение в ойконимных единицах, эксплицирующих информацию пространственного кода культуры. Так, наиболее популярными являются *задние* ойконимы, при формировании которых на первый план выходят представления о человеке как наблюдателе.

Духовный код культуры реализуется также при помощи названий, присвоенных в советское время, особенность которых заключается в том, что они не отражают реальных признаков называемых объектов. Основным типом топонимов XX в. становятся названия-посвящения, в то время как традиционные типы мотивации отходят на второй план [Никитин С.А., 2003]. На данный факт указывает В.А. Жучкевич, отмечая, что «в названиях, которые даются тем или иным географическим объектам законодательными актами, находит отражение идеология и политика» [Жучкевич В.А., 1980, с. 73]. Рассматривая мемориальные

названия, исследователь выделяет две группы: а) названия, данные по именам выдающихся исторических личностей, географов-первооткрывателей, государственных деятелей, ученых, поэтов; б) названия, данные в память об исторических событиях, достоверных или легендарных, памятных датах и т.д. [Жучкевич В.А., 1980, с. 74–75].

С.А. Никитин, разрабатывая лексико-семантическую классификацию новых топонимов, отметил, что наибольшей популярностью в советское время пользовались общественно-политические названия двух основных групп: производные от имен деятелей (посвящения) и от слов-символов [Никитин С.А., 2003].

На территории исследуемого региона функционирует 77 названий населенных пунктов, производных от слов-символов идеологического и общечеловеческого характера: *Заря* (2), *Звёздная*, *Зорька* (2), *Искра*, *Новая Жизнь*, *Новый Проект*, *Новый Строй*, *Победа*, *Пролетарий*, *Свобода*, *Труд* и др. Одними из самых частотных топооснов в новой ойконимии являются слова *май* и *октябрь*, получившие в советское время политическое значение. Слово *май* активно участвовало в образовании названий населенных пунктов в значении ‘относящийся к празднику трудящихся, к Первому мая’ (*Майская*, *Первомайск*, *Первомайская* (2), *Первый Май*, *Першемайка*, *Першемайская*), слово *октябрь* – в значении ‘Октябрьская революция’ (*Октябрьская*, *Октябрьский*). В искусственных (декретных) ойконимах, созданных волевым решением, адресная функция уступает место политической и стилистической, так как на первое место в советском топониме выходит семантический аспект, основанный на желании понимать внутреннюю форму онима и осмыслить его в морально-политическом и стилистическом планах.

Популярными в советское время являлись и пожелательные названия, связанные с мечтами человека о счастливой зажиточной жизни [Суперанская А.В., 2009]: *Лучезарная*, *Мирная*, *Отрадная*, *Расцвет*. Отмеченные факты свидетельствуют о том, что отличительной чертой топонимии советского периода становятся названия, производные от слов, обозначающих идеологические понятия.

Ойконимы, присвоенные в советское время, считаем возможным отнести к наименованиям, являющимся выразителями духовного кода культуры, так как они возникли на базе слов, присутствующих в сознании носителей языка как идеологические символы советского общества и культуры.

ГЛАВА 2 НАИМЕНОВАНИЯ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ПРЕДЕЛАХ ПОСЕЛЕНИЯ

Развитие и совершенствование любой научной дисциплины всегда сопровождается трансформацией ее понятийного аппарата: она не может существовать без собственной, строго организованной терминологической системы. Появление новых, ранее не изученных объектов исследования делает необходимым установление особенностей их функционирования, выявление номинативной специфики и др. Так, топонимное пространство условно подразделяют на секторы, выделяемые на основе характера связи имен с именуемыми объектами: гидронимию, ойконимию, оронимию, хоронимию, инсулонимию, некронимию и др. По этому же признаку каждый из секторов в свою очередь подразделяется на более мелкие разряды, в результате чего в пределах гидронимии различают океанонию, потамонию, лимнонимию, гелогимию; в пределах ойконимии – астионию, комонию и т.п.

Но это лишь один из путей развития – дробление объекта анализа. Есть и другой путь, при котором «акцент делается на поиске обобщающего начала для уже существующего корпуса онимов...» [Супрун В.И., 2012, с. 39].

В качестве объекта изучения в данной работе избран сектор топонимного пространства, включающий номинации топографических объектов внутри поселений разного типа.

Исследование этой системы названий важно прежде всего для выявления внутриселенческих процессов, а также для типологических сопоставлений.

Данный сектор топонимов пока не подвергался специальному рассмотрению.

Путем выявления сходств и отличий между урбанонимами, виконимами и хортенсионимами определим статус, важнейшие приметы, типологические особенности системы внутриселенческих номинаций.

В 1965 и 1972 гг. соответственно входят в научный оборот термины *урбанонимия* и *урбаноним* [Суперанская А.В., 2009, с. 167, 187].

В 1991 г. появляется первая диссертационная работа, посвященная исследованию путей формирования и современного состояния урбанонимной системы на примере урбанонимии Беларуси [Мезенко А.М., 1991], в которой был определен статус урбанонима в ономастике; выявлены границы урбанонимного пространства; определены структурные, урбанонимообразовательные, семантические типы урбанонимов и их

ареалы; показаны особенности проявления принципов номинации в разных урбанонимных полях; установлены критерии оценки наименований и переименований городских объектов.

В диссертации Е.А. Сизовой «Лингвокультурологический анализ урбанонимов», защищенной в 2004 г. [Сизова Е.А., 2004], указанные термины использованы при сопоставлении систем названий внутригородских объектов Москвы, Лондона и Парижа.

В это же время система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII – XX в. на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля активно разрабатывается Р.В. Разумовым [Разумов Р.В., 2003].

До первого десятилетия XXI в. неразработанной оставалась такая сфера онимического пространства, как названия внутрисельских объектов. Поэтому впервые предложенный и обоснованный нами в докладе, прочитанном на XV Общепольской ономастической конференции «*Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze*», проходившей в Кракове 21–23 сентября 2006 г. [Мезенко А.М., 2007], вполне закономерно появляется термин *виконим*, под которым мы понимаем собственное имя любого внутрисельского топографического объекта, как ныне существующего, так и использовавшегося в предшествующие эпохи.

К настоящему времени система внутрисельских названий, или виконимия, получила монографическое описание в кандидатской диссертации М.Л. Дорофеевко «Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты» [Дорофеевко М.Л., 2015]. В работе впервые определена номинативная специфика виконимии; в лингвогеографическом плане представлены семантические особенности виконимии; смоделирован фрагмент частной разновидности ономастической картины мира – виконимической; выявлен комплекс кодов культуры, реализуемых виконимией Беларуси.

Существует и еще один тип поселений – садоводческие товарищества, названия объектов которых – большая и не изученная пока область топонимии. Для номинации объектов, расположенных в пределах данного типа поселений, нами в 2014 г. был предложен термин *хортенсионим* – ‘собственное имя любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества’ [Мезенко А.М., 2014]. Полагаем, форма его, образованная от лат. *hortensius* ‘садоводческий’ и греч. ὄνομα – ‘имя’, удачно соответствует описываемому разряду онимов и существующим критериям оценки термина [Подольская Н.В., 1988, с. 11–12].

Каждое из рассмотренных полей внутриселенческих названий объединяет названия разнородных объектов, расположенных в пределах населенных пунктов разного типа: урбанонимы, виконимы, хортенсионимы. С одной стороны, урбанонимия, виконимия, хортенсионимия представляют собой определенным образом организованное единство,

поскольку функционируют внутри населенных пунктов, и с этой точки зрения должны иметь специальный термин, который бы отличал их, скажем, от гидронимии, ойконимии и др. (на наш взгляд, успешно соответствует предъявляемым к образованию нового термина требованиям *конлокационимия* (от лат. *conlocationem* – ‘поселение’), с другой – все они обладают ярко выраженной спецификой. Для подтверждения автономности названных разрядов топонимов следует выявить сходства и различия, существующие между ними.

Выделим несколько параметров, дифференцирующих урбанонимы, виконимы и хортенсионимы.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР

Среди лексико-семантических отличий – несовпадение порядка следования использованных принципов номинации внутригородских, внутрисельских и внутрисадоводческих объектов. Так, в урбанонимии названия, отвечающие разным принципам номинации, имеют следующий диапазон: в 53,7% наименований задействован принцип номинации объекта по отношению к другим объектам (*Витебская ул.*); в 33,6% – принцип номинации объекта по его связи с человеком (*ул. Марка Шагала*); в 6,5% – принцип номинации объекта по его свойствам и качествам (*Луговая ул.*); в 6,2% – принцип номинации объекта по связи с абстрактным понятием (*Социалистическая ул.*).

Виконимия характеризуется иным диапазоном названий, отвечающих разным принципам номинации: 49,1% из них соответствует принципу номинации объекта по его свойствам и качествам (*Полевая ул.*); 29,6% – принципу номинации объекта по отношению к другим объектам (*Брестская ул.*); 11,6% – принципу номинации объекта по его связи с человеком (*ул. Мастрюкова*); 9,7% – принципу номинации объекта по связи с абстрактным понятием (*Советская ул.*).

Хортенсионимии свойствен свой диапазон названий, отвечающих разным принципам номинации: 85,5% названий соотносится с принципом номинации объекта по его свойствам и качествам (*Маленький пер.*); 12,1% – с принципом номинации по тематическому соответствию названий объектов наименованиям конкретного садового товарищества (*Паровозная ул., Тепловожная ул., Электровожная ул.* в садовом товариществе «Локомотив»); 2,9% – принципом номинации объекта по связи с абстрактным понятием (*Радостный пер.*); 1,0% – принципом номинации объекта по отношению к другим объектам (*Шумилинский тупик*); 0,5% – принципом номинации объекта по его связи с человеком (*2-я ул. Мичурина* – садовое товарищество «Мичуринец»).

НОМИНАЦИОННЫЙ ПАРАМЕТР

В рамках номинационных отличий выделяется несовпадение степени продуктивности моделей атрибуции в перечисленных разрядах

внутрипоселенческих наименований. Обусловленные разной грамматической принадлежностью компонентов проприальной части названия, модели первичной атрибуции наиболее широко представлены в урбанонимии и располагаются там в следующем порядке: 1) прилагательное с суффиксом *-ск* + номенклатурный термин (далее НТ): *Кобринская ул.*; 2) прилагательное с суффиксом *-н-* + НТ: *Дальняя ул.*; 3) прилагательное с суффиксом *-ов/-ев* + НТ: *Кленовая ул.*; 4) конфиксальное прилагательное + НТ: *Загородная ул.*; 5) производное прилагательное + НТ: *Узкий пер.*; 6) сложное прилагательное + НТ: *Краснознаменная ул.*

В виконимии на первое место выходит вторая модель (*Северная ул.*), далее следует третья (*Полевая ул.*) и только затем первая модель (*Могилёвская ул.*).

В хортенсионимии поменялись степенью продуктивности первая и вторая урбанонимные модели.

Первичная атрибуция генитивом, так широко представленная в урбанонимии (*ул. П. Бровки*), в виконимии используется в три раза реже (*ул. Я. Купалы*) и почти отсутствует в хортенсионимии (*ул. Мичурина*).

Объясняемые прежде всего размерами поселения, такие модели, как первичная атрибуция номинативом (*ул. Немига*) и порядковым числительным (*Вторая линия*), в пределах виконимии и хортенсионимии распространения не получили.

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, вторичная атрибуция наиболее характерна для урбанонимии и хортенсионимии.

СТРУКТУРНЫЙ ПАРАМЕТР

Из структурных акцентируем внимание на трех отличиях:

1) не совпадает количество самих структурных типов: в урбанонимии в настоящее время задействованы тринадцать; в виконимии активно используются только два простых – атрибутивный и генитивный; в хортенсионимии – из простых – атрибутивный, из сложных – нумеративно-атрибутивный;

2) в хортенсионимии количество сложных единиц в 2,6 раза превышает количество простых; в виконимии – наоборот: количество простых по структуре названий значительно превышает количество сложных; в урбанонимии исследуемое соотношение ближе к хортенсионимии, чем к виконимии;

3) разнится набор номенклатурных терминов. Так, в урбанонимии их задействовано около двадцати, в виконимии десять, в хортенсионимии – преимущественно два – *улица* и *переулок*. Разница объясняется величиной населенных пунктов и соответственно расположенных в них линейных объектов.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР

В рамках грамматических отличий подчеркнем заметное несоответствие в использовании форм существительных в составе проприальной части названий. Так, если в урбанонимии на долю наименований, включающих в свой состав имя существительное, приходится приблизительно 35–37% единиц, то в виконимии – только 7,6%, а в хортенсионимии – всего около 1%.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР

Являясь результатом культурного развития народа, система внутрипоселенческих названий выступает частью ономастической картины мира и отражает восприятие окружающего мира языковой личностью. Среди лингвокультурологических отличий – разница в уровне трансляции информации об окружающем пространстве, культуре и истории народа. Так, в урбанонимии многие внутригородские названия отмечены национальной или планетарной прецедентностью, в то время как в виконимии и хортенсионимии – региональной и даже зональной. По этому параметру виконимия сближается с хортенсионимией, но дистанцируется от урбанонимии.

В разных разрядах внутрипоселенческих названий отмечается несоответствие ориентационных приоритетов. Так, если преимущественными ориентирами в урбанонимии выступают наименования архитектурных сооружений, то в виконимии – земельных территорий, имеющих хозяйственную важность. В хортенсионимии же наиболее многочисленны названия, в которых мотиваторами служат наименования самого садового товарищества.

2.1 НАИМЕНОВАНИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

2.1.1 Роль социальных факторов в формировании и развитии белорусской урбанонимии (XVI – нач. XX в.)

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что имена собственные составляют теснейшим образом связанный с потребностями общества языковой пласт, наиболее активно реагирующий на любые изменения в социуме. Зависимостью имен собственных от внеязыковых факторов объясняется интерес к ономастическим явлениям не только как к источникам лингвистической, но и исторической, культурной и социальной информации. Ею же предопределен взгляд на онимию как на социально обусловленный пласт лексики, находящий отражение в особенностях номинации и функционирования имен в обществе.

Имена собственные, функционирующие в пределах поселений и служащие для именования различных типов объектов, – всегда создание социума, и все они социальны. Особое место среди них занимают урбанонимы, соответствующие ведущему принципу номинации внутригородских объектов – номинации по отношению к другим объектам. Формируют эту категорию названия, указывающие на расположение линейного объекта относительно других объектов и подчеркивающие его связь с ними. В частности, к их числу относятся а) названия, мотивированные наименованиями населенных пунктов (*Клеуцкая ул.* – г. Барановичи, *Невельская ул.* – г.п. Россоны); б) названия, мотивированные наименованиями водных объектов (*Двинская ул.* – г. Витебск, *Свислочская ул.* – г. Минск); в) названия, мотивированные наименованиями улиц (*Берёзовская ул.* – *Берёзовский пер.* – г. Брест); г) названия, мотивированные архитектурными объектами (*ул. Пансионат* – п. Городище Минского р-на). Объектом данной работы выступают названия последней из перечисленных тематических групп.

Цель данной части исследования – выявление роли социальных факторов в истории формирования и развития белорусской урбанонимии, мотивированной наименованиями архитектурных объектов населенного пункта; установление корреляции сохранности традиций урбанонимной номинации.

Одними из первых нашли отражение в белорусской онимии, функционирующей в пределах поселений, такие архитектурные сооружения, как храмы – церкви, костелы, каплицы и другие места совершения обряда. Линейные объекты нередко получали свои названия от наименований церквей и костелов, размещенных на них или в направлении которых они вели, уже в XVI в., демонстрируя яркую социальную особенность населения анализируемых территорий, проявляющуюся в различной конфессиональной принадлежности ее жителей. Например, название *Барбаринская улица* в населенном пункте (далее н.п.) Меледичи Брестского староства, образованное от экклезионима *костел Святой Барбары*, известно с 1566 г. [НИА РБ]. Названия *Воскресенская улица* / *Воскресенский переулок*, восходящие к наименованию *Воскресенская церковь*, в XVIII в. зафиксированы в н.п. Витебск, Дисна, в XIX – нач. XX в. – в Бельске, Каменце Брестского повета, Минске, Могилеве, Новогрудке, Речице [Мезенко А.М., 2003, с. 68–69]. В целом в XVI–XVIII вв. на долю таких названий линейных объектов на исследуемой территории приходилось около 47% от общего числа отэкклезионимных топонимов. В XIX – нач. XX в. их количество еще возросло и составило около 53%.

Заметно реже в белорусской урбанонимии находили отражение наименования служб города – учреждений связи, административных,

транспортных, экстренных и др. Достаточно сказать, что на долю названий внутригородских улиц, переулков, площадей приходилось 23,5% от общего числа топонимов, образованных от наименований сооружений. При этом основная масса их появилась после XVIII в. Так, *Почтовая улица* зарегистрирована в 1783 г. в Витебске [РГАДА]; *Резницкая улица* (название образовано от *резница* ‘бойня, мясные ряды’) существовала в 1708 г. в Липске Гродненской экономии, в 1784 г. в Гродно, в 1796 г. в Слониме. В XIX в. в связи с увеличением объема оказываемых социальных услуг возросло не только количество самих служб, но и число образованных от них названий улиц (выросло в шесть раз), а в XX в. еще раз удвоилось. В городах активно функционировали такие названия, как *Акцизная ул.*, *Банковский пер.*, *Банная ул.*, *Биржевая ул.*, *Богадельная ул.*, *Бойная ул.*, *Вокзальная ул.*, *Гауптвахтская ул.*, *Дворянская ул.* (на ней находилось здание *Дворянской опеки*), *Жандармский пер.*, *Комиссариатский пер.*, *Комендантская ул.*, *Коммерческий пер.*, *Острогская ул.*, *Пожарная ул.*, *Полицейская ул.*, *Полицейский пер.*, *Постоялая ул.*, *Прачечная ул.*, *Приютская ул.*, *Провиантская ул.*, *Сиротская ул.*, *Слесарная ул.* и др.

Третью позицию по активности использования в топонимии населенных пунктов занимают названия объектов социальной структуры, выполняющих образовательную, медицинскую, спортивную, общественную, культурную функции, послуживших базой при образовании названий улиц городов. При этом если в XVI–XVIII вв. широко использовались лишь отдельные из них (*Школьная ул.*, *Замковая ул.*, *Тринитарская ул.*), то в XIX и XX вв. их количество исчисляется десятками, заметно увеличивается и число населенных пунктов, в которых такие названия функционируют. К этой группе можно отнести следующие названия: *Аптечная ул.*, *Бассейная ул.*, *Гимназическая ул.*, *Гимназический пер.*, *Госпитальная ул.*, *Губернаторская ул.*, *Дворцовая ул.*, *Институтская ул.*, *Клубный пер.*, *Лазаретная ул.*, *Магазинная ул.*, *Присутственная ул.* (на ней находилось здание *Присутствия*), *Ратушная пл.*, *Спортивная ул.*, *Театральная ул.* / *Театральная пл.*, *Университетская ул.* и др.

Менее заметная роль в процессе формирования урбанонимии исследуемого региона принадлежит названиям улиц, мотивированным наименованиями производственных объектов социальной инфраструктуры города. В XVI–XVIII вв. такие названия были единичными. Так, *Ветреная улица* (образовано наименование от названия объекта *ветряная мельница*, расположенного на улице или в направлении которого улица вела) числится в списках названий улиц г. Берестья (совр. Бреста) под 1566 г., г. Могилёва под 1626 г., г. Витебска под 1783 г.; *Броварная улица* (бел. *бровар* – рус. *винокурный завод*) – н.п. Высокое Брестской экономии и г. Копыля под 1794 г. Расширяется реестр таких названий

в XIX и XX вв.: *Велосипедная ул., Канатная ул., Каретная ул. / Каретный пер., Кирпичная ул., 1-я Кирпичная ул., 2-я Кирпичная ул., 3-я Кирпичная ул., 4-я Кирпичная ул., 5-я Кирпичная ул., Кожевенная ул., Рычажная ул., Суконная ул., Табачная ул., Фабричная ул. / Фабричный пер.* и др.

Что же касается годонимов, мотивированных наименованиями торговых объектов, то данный тип названий представлен минимальным числом единиц, первые из которых появились в XVII в., в частности, *Рынок* существовала в н.п. Ушполь (1663 г.), Василишки Лидского повета (1764 г.), Видзы (1773 г.), Мядель (1778 г.), Рогачёв (1765 г.), Пружаны (1803 г.), Брест-Литовский (нач. XIX в.), Пинск (1935 г.). В XIX – нач. XX в. эту тематическую группу годонимов пополнили названия *Базарная пл. / Базарная ул. / 3-я Базарная ул. / Базарный пер.*, функционировавшие в десятках белорусских городов – Белостоке, Бобруйске, Борисове, Ветке, Витебске, Гомеле, Гродно, Калининске, Кобрине, Копыле, Лиде, Минске, Мире, Могилёве, Мозыре, Орше, Пинске, Полоцке; *Свечная ул. / Свечной пер.*, мотивированные названием объекта (*свечная лавка*), расположенного в переулке или на улице (Гомель, 1910 г. [Рогалев А.Ф., 2006], Витебск, 1925 г.); *Торговая ул. / Торговый пер.* (Вильна, 1868 г., Лида, 1913 г., Минск, 1925 г.); *Ятковая ул.*, восходящее к *ятка* ‘палатка, торговое место на базаре, рундук под холщовым навесом’ (Вильна, 1870 г.).

В таблице 2.1 приведенные данные выглядят следующим образом.

Таблица 2.1 – Белорусские урбанонимы, мотивированные названиями архитектурных сооружений

Тематическая группа урбанонимов	Количество названий	Процент названий
Мотивированные экклезионимами	103 XVI – 27 XVII – 7 XVIII – 13 XIX – 25 XX – 29	50,2
Мотивированные наименованиями служб города	48 XVI – 6 XVII – XVIII – 2 XIX – 17 XX – 23	23,5

Мотивированные наименованиями образовательных, здравоохранительных, спортивных, общественных сооружений	33 XVI – 4 XVII – 1 XVIII – 4 XIX – 13 XX – 11	16,1
Мотивированные наименованиями производственных и сельскохозяйственных сооружений	14 XVI – 1 XVII – 0 XVIII – 1 XIX – 8 XX – 4	6,8
Мотивированные наименованиями торговых сооружений	7 XVI – 0 XVII – 1 XVIII – 0 XIX – 3 XX – 3	3,4
Итого:	205	100,0

Таким образом, формирование и развитие белорусских урбанонимов как потенциально открытых к внешнему воздействию онимных единиц в XVI – нач. XX в. было обусловлено целым комплексом экстралингвистических факторов общественного характера.

2.1.2 Наименования внутригородских объектов как источник сведений об истории народа и его языке

Существенную часть каждого ономастикона составляет топонимия, в рамках которой отношения «ядро – периферия» обусловлены прежде всего известностью объекта, его величиной и только затем частотностью употребления. В связи с этим названия внутригородских объектов из-за небольшого размера называемого объекта могут быть отнесены к ономастической периферии. Однако и среди них существуют единицы с явными ядерными характеристиками: *Благовещенская церковь* (памятник XII в. Находится на территории, откуда берет начало

Витебск), *Успенский собор* (возле него в 1623 г. витебляне совершили самосуд над униатским архиепископом И. Кунцевичем, за что город был лишен магдебургского права), *Замковая улица* (одна из самых древних улиц города) и др.

Урбанонимия является источником сведений об истории народа и его языке. При изменении государственной подчиненности Витебска урбанонимия часто менялась до неузнаваемости, происходила передача названий со старобелорусского на польский, с польского – на русский, с русского – на современный белорусский язык. Названия перекраивались и приспособлялись к различным идеологическим «лекалам». Учитывая историю витебской земли и связи города с прибалтийскими народами, нельзя не отметить и роль балтских языков в формировании топонимикона города (сравним внутригородской хороним *Лукишки* и подобн.).

В урбанонимах в свернутом виде синтезированы определенные модели восприятия действительности, знания о собственно человеческой картине мира, заложены сохранение и передача от поколения к поколению элементов культуры. Нет сомнения, что между главной мыслью эпохи и именами внутригородских объектов существует определенная связь. Полное развертывание этих свернутых синтагм осуществляется силовым полем свойственных определенной эпохе имен. Так, если «образ» главной улицы в Витебске XVI в. был закреплен за *Великой улицей* (она связывала *Верхний* и *Нижний замки* с основными транспортными магистралями того времени, на ней размещались главные службы города), то в XX и даже в начале XXI в., когда уже изменилась идеологическая парадигма, значение «главная, центральная» приобрела *улица Ленина*, название которой до 1991 г. обязательно существовало в любом, даже самом маленьком, населенном пункте.

Свидетельством тесной связи урбанонимии с историей, политической жизнью, культурой общества могут служить названия как XVI–XVIII вв., так и XXI в., связанные с православием и католицизмом, которые находятся сейчас в состоянии ренессанса: *Богословский посад*, *Францисканская улица* (XVIII в.), *Покровская улица*, *Варваринский переулок* (ведет к костелу *Св. Варвары* – XXI в.).

Когда одна из оппозиций в оценке явлений действительности на шкале «плюс – минус» – противопоставление *своего* и *чужого* – в значении урбанонима в XVI–XVIII вв. подразделяют на два типа: названия, ориентирующие на объекты, находящиеся вне территории города (например, *Смоленская улица*), и на объекты, находящиеся внутри города (например, *Замковая улица*), – то в урбанонимиконе XX в. она нашла свое проявление в подсистеме отантропонимных названий, образованных, с одной стороны, от фамилий *своих*, белорусских просветителей, писателей, ученых, общественных деятелей, участников освобождения

Беларуси и Витебска (ул. Скорины, пер. Я. Купалы, ул. Я. Коласа, ул. Мясникова, проезд Панкова и др.), а с другой стороны, от фамилий чужих, российских, украинских, западноевропейских представителей литературы, науки (ул. Л. Толстого, ул. Ломоносова, бульвар Б. Хмельницкого, ул. Жореса и др.).

Антитезой урбанонимикону XVI–XVIII вв. является свод внутригородских названий Витебска XXI в., как и во многих белорусских городах, и еще по одному показателю. Если номинативные приоритеты жителей города сейчас замыкаются на человеке, то в XVI–XVIII вв. главным направлением номинативной политики витеблян было пространственное определение «туда ведет» или «здесь расположена». Основная примета современного урбанонимикона – антропоцентризм. При этом анализ названий внутригородских объектов показывает, что желание увидеть себя частью окружающего животного мира витеблянам, как и большинству белорусов, не свойственно. В отличие от урбанонимиконов польских городов, в Витебске фаунистических названий, которых так много в разных городах Польши (*Czapla ul.*, *Golebia ul.*, *Kacza ul.* и подобн.), вообще нет и, кстати, никогда не было. В несколько меньшей степени сказанное касается и так называемых флористических наименований типа *Сосновая ул.* и подобн.

Еще одной чертой отличаются урбанонимиконы Витебска и городов Беларуси вообще от болгарских и польских – отсутствием названий внутригородских объектов в честь литературных персонажей. Например, в Зеленой Гуре имена улиц целого квартала – это названия литературных произведений или их персонажей Ю. Словацкого, Я. Лукасевича: *ul. Balladyny*, *ul. Gryfa*, *ul. Grzegorza*, *ul. Lecha*, *ul. Derwida*, *ul. Lili Wenedy*, *ul. Łaury*, *ul. Chochlika*, *ul. Filony*, *ul. Aliny*, *ul. Mazepy*, *ul. Wacława* (из произведений Ю. Словацкого), *ul. O. Zagłoby* (из произведения Я. Лукасевича). В Болгарии, по данным Н.П. Ковачева [Ковачев Н.П., 1970, с. 38], в 1970-х гг. также существовали улицы, названные в честь литературных персонажей, в частности, улица Ульяны Громовой (в честь героини произведения «Молодая гвардия» русского писателя А. Фадеева).

К сожалению, лишен витебский урбанонимикон, в отличие от болгарских и польских, и династических имен белорусских князей и магнатов, покровителей борьбы за религиозное и национальное освобождение, которые много сделали для развития белорусской культуры. В болгарском же ономастиконе (из-за отсутствия современных приведем данные того же источника) названия в честь исторических личностей включали имена царей, ханов и их жен (*Александровска улица*), военачальников (*улица Генерал Антон Ковачев*), бояр, руководителей и их жен (*улица Алеко Богориди*), святых, монахов, священников (*улица*

Апостол Карп), заслуженных чужестранцев (*улица Алабин*), покровителей, ратующих за церковную и духовную независимость (*улица Авксентий Велешки*).

Как показывает анализ отантропонимной части урбанонимикона Витебска последних лет, одинаково важными для витеблян являются имена выдающихся представителей двух культур – белорусской и русской. Основу белорусского текста культуры составляют имена участников освобождения Беларуси, и в частности Витебска, от немецко-фашистских захватчиков, воинов-интернационалистов афганской войны, известных людей мирного времени, уроженцев Витебска и Витебской области: *ул. Азино, Белохвостикова, Горовца, Князева, В. Хоружей, Белицкого, Богдановича, Гуринова, Даниленко, Маврина, Маскаева, Ильинского, Сапунова* и др.

Вторая позиция среди текста родной культуры принадлежит именам белорусских просветителей и писателей: *ул. Скорины, П. Бровки, З. Бедули, Я. Коласа, Я. Купалы, Е. Лось, А. Мовзона*.

К числу особо значимых имен русской культуры витеблянами отнесены прежде всего 17 имен писателей и литературных критиков: *ул. Н. Островского, Белинского, Герцена, Гоголя, М. Горького, Добролюбова, Кольцова, Лажечникова, Лермонтова, Маяковского, Некрасова, Пушкина, Рылеева, Л. Толстого, Тургенева, Чернышевского, Чехова*; 6 имен русских ученых: *ул. Академика Павлова, Жуковского, Королёва, Ломоносова, Мичурина, Сухого*; 5 имен композиторов, музыкальных критиков, художников: *ул. Глинки, Чайковского, Стасова, Серова, Ретина*; 3 имени космонавтов: *ул. Гагарина, Титова, Николаевой-Терешковой*.

Через русский текст культуры попали в витебский урбанонимикон названия, связанные с советской идеологией: *ул. Ленина, набережная Крупской, ул. Бабушкина, Баумана, Володарского, Войкова, Кирова, Красина, Лазо, Ногина, Урицкого, просп. Фрунзе* и др.

В состав русского поля культуры входят также имена военачальников и защитников России и бывшего Советского Союза: *ул. Буденного, Котовского, Кутузова, Суворова, Черняховского* и др.

Отметим, что четко разграничиваются имена, которые принадлежат русской (около 70), белорусской (около 50), немецкой (4), украинской (1), болгарской (1), литовской (1), латышской (1), французской (1) культурам. При этом подчеркнем, что, за исключением первых двух групп, остальные имена вошли в витебский урбанонимикон не без посредничества текста русской культуры.

В этом смысле, в отличие от антропонимикона, свод внутригородских названий характеризуется замкнутостью на двух культурах – русской и родной.

Антропонимное и топонимное субполя – две главные составляющие ономастического поля, конститuentы которых на разных этапах развития города по-разному соотносились между собой. Главным было и остается направление: ядерное (антропонимное) → периферийное (топонимное) субполе. Так образовалось много урбанонимов: *Лапто* (фамилия) → *Лаптовская ул.*, *Снегурёв* (фамилия) → *Снегурёв пер.*, *Ганеев* (фамилия) → *Ганеев ручей*, *Я. Колас* (псевдоним) → *ул. Я. Коласа* и т.п.

Реже во время формирования фамилий приемлемым становилось ядерное субполе, если в качестве фамилиеобразовательной основы применялся топоним, например: населенный пункт *Лида* → *Лидский* (фамилия), *Заполье* → *Запольский* (фамилия).

Таким образом, ономастикон одного славянского города – это зона столкновения различных славянских языков, разных культурных традиций, это образец синтеза восточно-, западно-, южнославянских элементов, оригинальный характер которого с особой отчетливостью выступает только при сравнении одной системы с другими. Голосом культуры в коммуникации можно считать роль инославянских языков в формировании любого из региональных славянских ономастиконов.

2.1.3 Отэклезионимные наименования внутригородских объектов как имена собственные, соотносимые с категорией святости

Вопросы изучения сакральной лексики настолько популярны в последнее десятилетие, что претендуют на одно из ведущих мест в перечне важнейших проблем ономастической и шире лингвистической науки (см. работы О.А. Борисевич, И.В. Бугаевой, А.М. Мезенко, Р.В. Разумова, М.В. Скаб, А.Н. Соловьева и др. [www.philol.msu.ru/~slavmir и др.]).

Активные изменения в укладе жизни бывших социалистических республик СССР находят свое отражение и в урбанонимии и виконимии. Наблюдается пополнение урбанонимикона и виконимикона новыми номинациями внутригородских и внутрисельских объектов по отношению к месту совершения религиозного обряда. Следует отметить, что вообще основной и определяющей особенностью урбанонимии и виконимии прошлого и начала нынешнего века является динамика их лексико-семантической системы.

Коренное изменение официального отношения общества и религии привело и к изменению мотивов, движущих субъектами при выборе имени линейным объектам. Все чаще имена улиц образуются от названий церквей, костелов, монастырей, что является своеобразным показателем изменившихся моральных ценностей номинаторов.

Цель настоящей части работы – выявление особенностей функционирования названий улиц и других линейных объектов, образован-

ных от экклезионимов, включающих в свой состав имена собственные, объединенные значением святости, – имена святых, названия церковных праздников, наименования икон.

Материалом для исследования послужили урбанонимы и виконимы населенных пунктов Беларуси XVI – начала XXI в. Важнейшими источниками материала по современной урбанонимии и виконимии стали данные Национального кадастрового агентства Республики Беларусь, по исторической – документы архивов Беларуси, России, Польши, Литвы.

Принцип создания урбанонимов и виконимов от названий мест поклонения любой религии не нов. Он известен с момента формирования систем внутригородских и внутрисельских названий. Однако в разные периоды у разных народов названиями улиц становились далеко не все наименования существовавших в конкретном населенном пункте церквей, костелов, каплиц и других мест совершения обряда. Сравнительное изучение данной разновидности внутригородских и внутрисельских названий возможно только на базе тщательного исследования урбанонимных и виконимных традиций отдельных народов.

В населенных пунктах Беларуси в начале XXI в. зафиксировано лишь около трех десятков урбанонимов (*Свято-Никифоровская ул.* – г. Брест, *Доминиканская ул.* – г. Гродно и др.) и около одного десятка виконимов (*Церковная ул.* – дер. Мокрово Лунинецкого района Брестской обл., *Спасо-Преображенская ул.* – дер. Смольяны Смольянского сельсовета Витебской обл. и др.), базой для создания которых послужили наименования существующих или существовавших ранее церквей, монастырей или лиц, причисленных к лику святых.

Несмотря на относительную немногочисленность таких названий внутригородских и внутрисельских объектов, они включают в свой состав шесть категорий наименований, среди которых три первые позиции занимают данные **1) по названиям культовых объектов, освященных в честь двенадцатых и других православных праздников** (*Благовещенская ул.* – г.п. Глуск, г. Чериков, *Вознесенская ул.* – г.п. Глуск, *Воскресенская ул.* – г. Орша, *Всехсвятская ул.* – г. Минск, *Колядная ул.* – г. Молодечно, *Малая Троицкая ул.* – г. Гродно, *Рождественская ул.* – г. Буда-Кошелёв, г.п. Глуск, г. Могилёв, *Спасо-Преображенская ул.* – дер. Смольяны Витебской обл., *Спаская ул.* – г. Полоцк, *Троицкая ул.* – г. Новополоцк, *Троицкая набережная* – г. Новополоцк, *Успенская ул.* – г. Брест, г. Полоцк, *Успенско-набережная ул.* – г. Витебск); **2) по названиям культовых объектов, освященных в честь отдельных лиц и лиц, причисленных к лику святых** (*Архиерейский вал Конисского* – г. Могилёв, *ул. Александра Невского* – г. Червень, *ул. Евфросиньи Полоцкой* – г. Полоцк, *ул. Кирилла и Мефодия* – г. Минск, *ул. Ксении Блаженной* – дер. Берники Вороновского сельсовета Витебской обл., *Свя-*

то-Афанасьевская ул., Свято-Никифоровская ул., ул. Серафима Саровского, Татьянанская ул. – г. Брест, ул. Яна Павла II – г.п. Сопецкин); **3) по названиям культовых объектов, принадлежавших разным католическим монашеским орденам** (Доминиканская ул. – г. Гродно, г. Орша, дер. Смольяны Витебской обл.).

Отдельные, чаще всего внутрисельские, линейные объекты носят наименования **4) по названиям культовых объектов без указания на то, в честь какого праздника, святого или иконы они освящены** (Церковная ул. – дер. Мокрово Лунинецкого района Брестской обл., Церковный пер. – дер. Конковичи Петриковского района Гомельской обл.), поскольку в сельских населенных пунктах существует по одному такому объекту и надобность в дифференциаторах отсутствует; **5) по названиям других географических объектов (города, озера), включающим сему святости** (Иерусалимская ул. – г. Минск, Святая ул. – дер. Войтово Вымнянского района Витебской обл.); **6) по названиям лиц по вероисповеданию, поселившихся на данной улице** (Староверская ул. – дер. Петровичи Камайского сельсовета Витебской обл.).

В отличие от российских городов, в центральных частях которых нередко от одного экклезионима создавались целые урбанонимные ансамбли (ср.: Ильинская пл., Ильинская ул., Ильинский пер. ← церковь Ильи Пророка – г. Ярославль) [Разумов Р.В., 2009, с. 310], в современных городах Беларуси подобные ансамбли названий не сохранились, хотя в досоветский период существовали во многих населенных пунктах. Например, на плане Витебска 1783 г. находим Петровскую, Верхне-Петровскую, Нижне-Петровскую, Поперечно-Петровскую, Почтовую Петровскую улицы. До 1927 г. в этом городе функционировал целый ряд отэкклезионимных ансамблей внутригородских названий: Ильинская пл., Ильинская ул., Великая Ильинская ул., Поперечно-Ильинская ул., 1-й Ильинский пер., 2-й Ильинский пер.; Семеновская ул., Семеновский пер., Семеновский спуск; Духовская пл., Духовская ул., Духовской овраг и др. Довольно богатые ансамбли названий, возникшие на базе экклезионимов, наблюдаем в это время и в других городах: в Полоцке – Борисоглебская ул., Верхняя Борисоглебская ул., Нижняя Борисоглебская ул., Борисоглебский пер., Верхний Борисоглебский пер., Нижний Борисоглебский пер.; в Минске – Екатерининская ул., Екатерининский пер.; в Могилёве – Вознесенская ул., Вознесенский пер.; в Мозыре – Пятницкая ул., Пятницкий пер. и т.д.

Ранжируя области по количеству отэкклезионимных урбанонимов и виконимов, функционирующих в конце XX – начале XXI в. в населенных пунктах этих территориально-административных единиц, мы можем расположить первые в следующем порядке: Витебская область (83 названия), Минская (66), Брестская (56), Могилевская (39), Гроднен-

ская (32), Гомельская (31), что позволяет отметить почти двукратное преобладание таких названий внутригородских и внутрисельских объектов в восточных областях по сравнению с западными. Объясняется это прежде всего тем, что на территориях, воссоединенных с восточной Белоруссией в 1939 г., с конца XIX в. не строилось новых церквей и костелов, а поэтому не было и прецедента к наименованию новых линейных объектов именами мест совершения обряда.

Сравнение уровня репрезентации экклезионимов в названиях внутригородских и внутрисельских объектов по векам позволяет отметить постепенное увеличение последних, особенно начиная с XVIII в. Так, если в архивных документах XVI–XVII вв., касающихся изучаемого региона (населенные пункты *Берестье (совр. Брест), Мелетичи, Пинск, Кобрин, Каменец, Городец, Мотоль, Витебск, Полоцк, Горки, Минск, Бобруйск, Несвиж, Новогрудок, Слоним, Слуцк, Могилев, Гродно*), нами зафиксировано около двух с половиной десятка названий улиц, переулков и площадей, образованных от наименований церквей, храмов, костелов, монастырей, то XVIII в. – уже пятьдесят (кроме перечисленных, также *Высокое, Десна, Мядель, Вилейка, Гомель, Речица, Чечерск*), XIX в. – 64 (кроме перечисленных, также *Белосток, Бельск, Липск, Пружань, Динабург, Бобруйск, Борисов, Логойск, Мир, Зельва, Мозырь, Вильна*), начала XX в. – 129 (кроме перечисленных, также *Калининск, Лунинец, Малорита, Ветка, дер. Шиновица Поставского сельсовета Витебской обл., Орша*). В 1980-х гг. – первом десятилетии XXI в. их уже насчитывается 311 единиц. Резкое увеличение их количества объясняется несколькими причинами. Во-первых, изменением отношений государства и религии. Во-вторых, расширением строительства новых храмовых комплексов. В-третьих, обращением к национальным корням, духовным в их числе. В-четвертых, возвращением отдельным внутригородским объектам их исторических названий, в том числе образованных от наименований церквей, костелов и других мест совершения обряда. Например, в 2001 г. в Витебске *1-й улице Жореса* (название появилось в результате переименования и дано было в честь деятеля французского и международного социалистического движения, борца против милитаризма и войны, историка, профессора философии (1883)) в связи с открытием для посещений дома-музея художника М. Шагала, семья которого проживала на данной улице, частично возвращено ее историческое название. До 1925 г. эта улица называлась *Великой Покровской* – теперь она именуется *Покровской улицей*.

Рейтинг самих населенных пунктов по количеству зафиксированных в их урбанонимиконах и виконимиконах XVI–XXI вв. от экклезионимных наименований выглядит следующим образом: Витебск – 48, Минск – 35, Могилёв – 35, Пинск – 25, Полоцк – 22, Слуцк – 17,

Гродно – 16, Брест – 12, Гомель – 11, Мозырь – 11, Новогрудок – 8, Борисов – 7, Речица – 7, Орша – 6, Несвиж – 4, Бобруйск – 4, Белосток – 4, Бельск – 4, Динабург – 3, Слоним – 3, Вильна – 3, Каменец – 3, Десна – 2, Лунинец – 2, Ошмяны – 2, Пружаны – 1, Горки – 1, Мелетичи – 1, Городец – 1, Мотоль – 1, Высокое – 1, Малорита – 1, Липск – 1, Зельва – 1, Черчерск – 1, Ветка – 1, Вилейка – 1, Логойск – 1, Мядель – 1, Мир – 1, Калининск – 1, Кобрин – 1, – что свидетельствует о более высокой степени их концентрации в восточном и центральном регионах по сравнению с западным, объясняемой экстралингвистическими факторами. Проведенный анализ позволяет констатировать, что урбанонимия и виконимия, соотносимые с категорией святости и содержащие в себе, кроме идеологической, также географическую составляющую, до XX в. оставались в большей степени топоцентричными. Благодаря значимости церквей, костелов и других мест совершения обряда, от названий которых они образованы, наименования линейных объектов служили прекрасными ориентирами в городах и селах. Реноминация внутригородских объектов, ставшая визитной карточкой советской эпохи, характеризовалась иным набором мотивов, а урбанонимия и частично виконимия – сменой топоцентричности антропоцентричностью. При этом если у современных отантропонимных урбанонимов «прямое идеологическое значение утрачивается, и они воспринимаются как отражение конкретной исторической эпохи» [Соловьев А.Н., 2010, с. 60], то у внутригородских и внутрисельских названий, соотносимых с категорией святости, идеологичность сохраняется, а связь с конкретной исторической эпохой определить не представляется возможным. Они вневременные.

2.1.4 Частотность годонимов как экспонент культурно-исторической информации

Присвоение одного и того же имени двум и более объектам одного класса вызывает особый интерес в наши дни. Примеры этого явления хорошо известны в антропонимии, ойконимии и особенно в урбанонимии и виконимии. Так, например, самые распространенные имена *Мария* и *Анна* носят тысячи представительниц женского пола во всем мире, название населенного пункта *Париж* существует во Франции и в Свердловской области, ул. *Т. Костюшко* известна в 719 городах Польши и 12 населенных пунктах Беларуси и т.д. Функционирование имен внутригородских и внутрисельских объектов в региональной или исторической перспективе тесно связано с динамикой частотности употребления и встречаемости тех или иных онимов. Феномен повторяемости онимов по целому ряду причин недостаточно изучен до настоящего времени в урбанонимике и виконимике.

Исследование частотности употребления того или иного годонима, начатое польскими исследователями, в частности К. Скворнек, еще в 1994 г. [Skowronek K., 1996], частично продолженное Э. Борисьяк [Borysiak E., 2007], белорусскими (см. работы А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеев [Мезенка Г.М., 2008, Мезенко А.М., 2003; Дорофеев М.Л., 2013]) и русскими учеными (см. публикации Р.В. Разумова, А.Н. Соловьева [Разумов Р.В., 2010, 2013; Соловьев А.Н., 2010, 2016]), лишь начинается. Интерес, возникающий к исследованию феномена повторяемости внутригородских и внутрисельских названий, не случаен. Изучение частотности годонимов и других названий внутригородских и внутрисельских объектов, закономерностей их функционирования и тенденций возникновения и развития, процессов взаимодействия разноязычных урбанонимных и виконимных систем позволяет определить особенности заселения и освоения региона, языкового и этнического прошлого и настоящего. Фреквентативный анализ названий улиц имеет основания открыть определенные закономерности формирования урбанонимной и виконимной систем конкретного народа и стать основой для лингвокультурологических и этнолингвистических построений.

Цель данной части исследования – установление региональной распространенности и сущности повторяемости урбанонимов и виконимов как источника культурно-исторической информации.

Базой исследования послужили материалы наших монографий [Мезенка Г.М., 2008, Мезенко А.М., 2003], статьи Эльжбеты Борисьяк [Borysiak E., 2007], данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь.

Для анализа данного материала были использованы дескриптивный, сравнительно-сопоставительный методы, элементы метода количественных подсчетов.

Несмотря на то, что в целом урбанонимная история восточных славян начинается с XI–XII вв., первые письменные упоминания о годонимах – названиях линейных объектов (улиц, переулков, трактов и т.п.) – относятся к XV–XVI вв. За шесть столетий изменилось многое, в том числе и самое понятие города. Не был однородным по своей частотности и годонимикон. При этом хотя древние населенные пункты и не отличались большим количеством линейных объектов, уже тогда регистрируется такое явление, как повторяемость годонимных единиц. Например, улицы с названием *Виленская* (*ulica Wileńska*), восходящим к наименованию г. Вильна, в направлении которого линейные объекты вели, в XVI–XVIII вв. зарегистрированы в 35-ти поселениях, в частности в Клецке Клецкого княжества (1552 г.), Гродно (1560 г.), Василишках Лидского повета (1563 г.), Новогрудке (1563 г.), Койданове (1669 г.), Ошмянах (1637 г.), Долятычах Лидского повета (1657 г.), Кругеле (1669 г.),

Несвиже (1637 г.), Сморгони (1622 г.) и др. [см.: Мезенко А.М., 2003, с. 55–57].

Следует отметить, что в те времена заметной частотностью отличались и другие отойконимные годонимы: так, *Гродненская улица* зафиксирована в 13-ти населенных пунктах (Бержниках, Липске, Лунна, Мостах, Новом Дворе Гродненской экономии, Василькове Гродненского повета, Зельве, Белостоке, Динабурге, Лиде, Новогрудке, Острине и Новом Дворе Лидского повета); *Могилёвская улица* – в 9-ти; *Минская улица* – в 9-ти; *Кобринская улица* – в 7-ми и т.п.

Несколько уступала этой группе частотность названий улиц, мотивированных национальностью жителей: *Жидовская* (в XIX–XX вв. *Еврейская*) *улица* (Берестье – совр. Брест, Гродно, Кобрин, Новогрудок, Пинск, Слоним, Слуцк, Белосток, Вильно, Бельск, Динабург, Барановичи, Минск, Витебск); *Немецкая улица* (Ляды, Вильно, Белосток, Гомель, Гродно, Орша и др.).

Наконец, частотными в XVI–XVIII вв. были также годонимы, образованные от наименований наиболее важных для ориентации в городе точечных объектов, прежде всего замков, церквей, костелов и других мест совершения обряда, как то: *Николаевская / Никольская улица / Николаевский переулочек / Никольский заулочек / Микольский заулочек / Николаевская площадь* (Белосток, Бобруйск, Брест-Литовск, Борисов, Гомель, Гродно, Динабург, Минск, Могилёв, Мозырь, Пинск, Полоцк и др.); *Замковая улица / Замковый переулочек / Замковая Верхняя улица / Замковая Могилевская улица / Замковый мост* (Бельск, Вильна, Витебск, Гомель, Гродно, Мозырь, Каменец-Литовск, Кругель, Логойск, Минск, Могилёв, Мядель, Несвиж, Пинск, Полоцк, Рогачёв, Слоним); *Школьная улица* (*школой* в означенный период называли также синагогу; Бобруйск, Витебск, Гродно, Игумен, Новогрудок, Пинск и др.); *Школьно-Жидовская улица* (Гродно); *Школьно-Слободская улица* (Витебск); *Школьный переулочек* (Витебск, Лида, Минск); *Костельная улица* (Бержники, Новый Двор, Сморгонь, Васильков Гродненского повета, Берёза Брестского повета, Каменец-Литовск, Дрогичин, Зельва, Пинск), *Костельный переулочек* (Белосток, Орша), *1-й Костельный переулочек*, *2-й Костельный переулочек*, *3-й Костельный переулочек*, *4-й Костельный переулочек* (Витебск).

Проанализированный материал позволяет говорить о том, что особая частотность годонимов, образованных от названий городов, в направлении которых они ведут, национальности жителей и важнейших объектов населенного пункта, может свидетельствовать об определенном историческом периоде и определенных культурных ценностях.

Обоснованность данного тезиса поддерживается также тем, что в начале XXI в. наблюдаем совершенно иные направления частотности названий внутригородских и внутрисельских объектов.

Частотность современных белорусских топонимов, представленных в урбанонимиконах и виконимиконах северной, средней, южной, западной и восточной частей Беларуси, нашла отражение в таблице 2.2.

Таблица 2.2 – Наиболее частотные современные белорусские топонимы

Ранг	Топоним	Количество линейных объектов
1	Молодёжная улица	754
2	Садовая улица	730
3	Советская улица	622
4	Школьная улица	557
5	Лесная улица	544
6	Центральная улица	437
7	Полевая улица	415
8	Луговая улица	361
9	Зелёная улица	296
10	Первомайская улица	281
11	Заречная улица	280
12	Набережная улица	237
13	Комсомольская улица	227
14	Улица Мира	215
15	Улица Ленина	177

Как видно из приведенных данных, ассортименты частотных названий улиц XXI и XVI–XVIII вв. пересекаются только в одном названии – *Школьная улица*, – но даже и это совпадение, учитывая изменения, произошедшие в семантике производящего слова, не идеально. При этом общее направление волны частотности кардинально изменилось – от названий, мотивированных конкретными объектами (городами, замками, храмами; национальностью конкретных людей, проживающих на данной улице, переулке и т.п.), до наименований, мотивированных в каком-то смысле образом пространства миниатюрного мира (ср.: *Садовая ул.*, *Зелёная ул.*), элементами ландшафтного кода традиционной белорусской модели мира, которые вместе с другими элементами этого кода (ср.: *Полевая ул.*, *Луговая ул.*, *Лесная ул.*, *Заречная ул.*, *Набережная ул.*) по-своему структурируют пространство этого мира.

На первый план выходят социальные (*Молодёжная ул.*) и идеологические (*Советская ул.*, *Комсомольская ул.*, *ул. Ленина*, *Первомайская ул.*) параметры, выступающие экспонентами «своей» исторической эпохи и определенного уровня культуры.

Показательно, что в разных регионах Беларуси набор частотных наименований внутригородских и внутрисельских объектов также несколько разнится.

Региональная распространенность наиболее частотных белорусских урбанонимов и виконимов представлена в таблице 2.3.

Таблица 2.3 – **Наиболее частотные названия улиц в населенных пунктах Беларуси**

Ранг	Годонимы Витебской области	Годонимы Гомельской области	Годонимы Гродненской области
1	Центральная ул. / Центральная пл., Центральный пер., 1-й Центральный пер. (437 н.п.)	Советская ул. (397 н.п.)	Молодёжная ул. (232 н.п.)
2	Садовая ул. / 1-я–8-я Садовая ул., Садовый пер., 1-й–2-й Садовый пер., Садовый проезд (295 н.п.)	Садовая ул. (300 н.п.)	Новая ул. (157 н.п.)
3	Молодёжная ул. / 1-я–2-я Молодёжная ул. / Молодёжный пер. / Молодёжный бульвар (233 н.п.)	Молодёжная ул. (289 н.п.)	Школьная ул. (152 н.п.)
4	Полевая ул. / 1-я–2-я Полевая ул., Полевой пер. (202 н.п.)	Лесная ул. (249 н.п.)	Садовая ул. (135 н.п.)
5	Лесная ул. / 1-я–9-я Лесная ул. / Лесной пер. / 2-й–9-й Лесной пер. (189 н.п.)	Школьная ул. (248 н.п.)	Лесная ул. (106 н.п.)
6	Школьная ул. / 2-я Школьная ул., Школьный пер., 1-й–2-й Школьный пер. (157 н.п.)	Новая ул. (164 н.п.)	Зелёная ул. (101 н.п.)
7	Советская ул. / 1-я– 2-я Советская ул., Советский пер., 1-й–4-й Советский пер. (139 н.п.)	Луговая ул. (159 н.п.)	Луговая ул. (86 н.п.)

Продолжение таблицы 2.3

Ранг	Годонимы Витебской области	Годонимы Гомельской области	Годонимы Гродненской области
8	Луговая ул. / 1-я–9-я Луговая ул. / Луговой пер. / 1-й–2-й Луговой пер. (116 н.п.)	Полевая ул. (159 н.п.)	Советская ул. (86 н.п.)
9	Озёрная ул. / Озёрный пер., 1-й–3-й Озёрный пер. (108 н.п.)	Октябрьская ул. (158 н.п.)	Заречная ул. (80 н.п.)
10	Заречная ул. / 1-я–3-я Заречная ул. / Зареч- ный пер. / 1-й–3-й За- речный пер. (106 н.п.)	Колхозная ул. (148 н.п.)	Первомайская ул. (61 н.п.)
11	Зелёная ул. / Зелёный пер., Зелёный тупик (97 н.п.)	Первомайская ул. (145 н.п.)	Полевая ул. (54)
12	Первомайская ул. / 1-я–3-я Первомайская ул., Первомайский пер., 1-й–6-й Перво- майский пер., ул. 1 Мая (75 н.п.)	Набережная ул. (139 н.п.)	Юбилейная ул. (53 н.п.)
13	Солнечная ул. / 1-я– 2-я Солнечная ул., Солнечный пер. (73 н.п.)	Комсомольская ул. (132 н.п.)	ул. Мира (50 н.п.)
14	Ул. Мира / 1-я–3-я ул. Мира / пер. Мира / 1-й–2-й пер. Мира / Мирная ул. / Мирный пер. / 1-й–2-й Мирный пер. (72 н.п.)	ул. Гагарина (98 н.п.)	Октябрьская ул. (46 н.п.)
15	Набережная ул. / 1-я– 3-я Набережная ул., Набережный пер. / 1-й–2-й Набережный пер. (68 н.п.)	Зелёная ул. (98 н.п.)	ул. Гагарина (41 н.п.)

Ранг	Годонимы Витебской области	Годонимы Гомельской области	Годонимы Гродненской области
16	Восточная ул., 1-я–3-я Восточная ул., Вос- точный пер., 2-й–3-й Восточный пер., Вос- точный проезд, 1-й– 2-й Восточный тракт (66 н.п.)	ул. Ленина (95 н.п.)	Озёрная ул. (38 н.п.)
17	Комсомольская ул. / Комсомольский пер. / Комсомольская пл. / 1-й–2-й Комсомоль- ский пер. (64 н.п.)	Юбилейная ул. (95 н.п.)	Комсомольская ул. (31 н.п.)
18	Парковая ул. / Парко- вый пер. /1-й–6-й Пар- ковый пер. (62 н.п.)	Заречная ул. (94 н.п.)	Парковая ул. (31 н.п.)
19	Железнодорожная ул., 1-я–3-я Железно- дорожная ул., Желез- нодорожный пер., 2-й Железнодорожный пер. (61 н.п.)	ул. Мира (93 н.п.)	Набережная ул. (30 н.п.)
20	Ул. Ленина / пер. Ле- нина, пл. Ленина / Ле- нинская ул. / Ленин- ский пер. / 1-й–2-й Ле- нинский пер. (58 н.п.)	Пролетарская ул. (89 н.п.)	ул. Ленина (24 н.п.)

Привлечение данных трех областей – северной, западной и юго-восточной позволяет установить сходство их фреквентативных характеристик на 70%. Так, из первых двух десятков наиболее частотных годонимов только 14 зарегистрировано в каждой из анализируемых областей: *Молодёжная ул., Садовая ул., Советская ул., Школьная ул., Лесная ул., Полевая ул., Луговая ул., Зелёная ул., Первомайская ул., Заречная ул., Набережная ул., Комсомольская ул., ул. Мира, ул. Ленина.*

Заметнее отличается своим набором частотных названий улиц годонимикон Витебщины, включающий четыре названия, отсутствующие среди частотных в Гомельской и Гродненской областях: *Центральная*

ул., Восточная ул., Железнодорожная ул., Солнечная ул. Меньше отличных от других областей частотных названий на Гомельщине – всего два: Колхозная ул., Пролетарская ул. Что же касается Гродненщины, то на этой территории, где зафиксировано наименьшее число годонимов, нет не повторяющихся в других областях.

Еще нагляднее в отношении репрезентации культурной и исторической информации сопоставление наиболее частотных годонимов Беларуси и Польши (таблица 2.4).

Таблица 2.4 – Наиболее частотные названия улиц в населенных пунктах Польши и Беларуси

Ранг	Годоним Польши	Количество линейных объектов	Годоним Беларуси	Количество линейных объектов	Ранг
1	Ul. T. Kostiuszki	719	Ул. Т. Костюшки	11	46
2	Ul. Polna	714	Ул. Полевая	415	7
3	Ul. A. Mickiewicza	693	Ул. Мицкевича	51	26
4	Ul. Ogradowa	677	Ул. Садовая	730	2
5	Ul. Sloneczna	603	Ул. Солнечная	73	20
6	Ul. Krótka	597	Ул. Короткая	53	25
7	Ul. Słowackiego	567	Ул. Словацкого	1	53
8	Ul. Leśna	565	Ул. Лесная	544	5
9	Ul. Szkolna	557	Ул. Школьная	557	4
10	Ul. Sienkiewicza	527	Ул. Сенкевича	1	53
11	Rynek	509	–	–	–
12	Ul. Konopnickiej	502	Ул. Конопницкой	1	53
13	Ul. Kolejowa	485	Ул. Железнодорожная	61	23
14	Ul. Wojska Polskiego	466	–	–	–
15	Ul. Lipowa	464	Ул. Липовая	4	51
16	Ul. Kopernika	447	Ул. Коперника	53	25
17	Ul. Kwiatowa	444	Ул. Цветочная	43	27
18	Ul. Kościelna	436	Ул. Костельная	1	53
19	Ul. Żeromskiego	434	–	–	–
20	Ul. Zielona	424	Ул. Зелёная	296	9

Данные Э. Борисяк по польским населенным пунктам [Borysiak E., 2007] и наши подсчеты по указанным поселениям Беларуси свидетельствуют, что в целом наборы названий внутригородских и внутрисельских объектов качественно похожи. Различие же приведенных годонимиконов состоит в дисбалансе ранговых показателей названий. Так, лидирующее в Польше наименование – *Ul. T. Kostiuszki* – в белорусском наборе самых частотных годонимов занимает лишь 46-ю позицию; название *Ul. A. Mickiewicza*, имеющее третий ранг в польском списке, у белорусов отмечено только 26-м рангом; польские названия *Ul. Słowackiego*, *Ul. Sienkiewicza*, имеющие 7-й и 10-й ранги соответственно, в белорусском наборе занимают 53-ю позицию.

Разнятся и первые десятки белорусских и польских самых частотных годонимов. Относительно близки ранговые показатели лишь четырех из них: *Полевая ул.* (7-й ранг) – *Ul. Polna* (2-й ранг), *Садовая ул.* (2-й) – *Ul. Ogradowa* (4-й), *Лесная ул.* (5-й) – *Ul. Leśna* (8-й), *Школьная ул.* (4-й) – *Ul. Szkolna* (9-й).

Годонимы *Ul. Sloneczna*, *Ul. Krótka*, занимающие 5-ю и 6-ю позиции, у белорусов формируют вторую и третью десятки наиболее частотных наименований – *Солнечная ул.* (20-й ранг), *Короткая ул.* (25-й).

Показательно, что из двадцати наиболее частотных польских названий улиц девять имеют отношение к памятным именам, связанным с историей Польши (*Ul. T. Kostiuszki*, *Ul. Wojska Polskiego*), духовным наследием (*Ul. Kościelna*), наукой (*Ul. Kopernika*), литературой и искусством (*Ul. A. Mickiewicza*, *Ul. Słowackiego*, *Ul. Sienkiewicza*, *Ul. Konopnickiej*, *Ul. Żeromskiego*).

Таким образом, полученные нами результаты сопоставления частотности внутригородских и внутрисельских годонимов подтверждают тезис о региональной распространенности одних и тех же наименований линейных объектов. При этом сходные номинативные процессы, происходящие в годонимиконах разных территорий, нельзя признать константными, поскольку в каждом конкретном регионе может существовать своя «мода» на названия улиц, определяющая их территориальную частотность.

Имена внутригородских и внутрисельских объектов в ономастическом пространстве являются средством познания культурных особенностей их творцов. Они входят в систему мировоззрения народа, через которое осмысливаются и выражаются важнейшие для него категории бытия.

2.2 НАИМЕНОВАНИЯ ВНУТРИСЕЛЬСКИХ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

2.2.1 Наименования внутрисельских объектов как фрагмент ономастической картины мира

Наименования внутрисельских топографических объектов, или виконимия, тесно связана с окружающей действительностью. В системе названий внутрисельских объектов мир репрезентируется с позиций его видения человеком, воплощаются национально-культурные и культурно-исторические сведения.

Виконимная картина мира как частная разновидность ономастической картины мира структурируется при помощи трех взаимосвязанных составляющих: географической, исторической и культурной.

2.2.2 Теоретические основания лингвокультурологического исследования виконимов

Рассмотрение имени собственного в лингвокультурологическом аспекте подразумевает изучение лингвистической и культурологической составляющих названия. Для исследования и понимания наименования на этом уровне реципиенту необходимо обладать широким кругозором и определенной базой фоновых знаний, важных для интерпретации имени собственного. Истолкование названия может требовать привлечения этимологического анализа слова в том случае, если связь формы со значением непонятна носителям языка. Расшифровке имени собственного способствует диалектология, которая выстраивает исследование на синтезе фонетических, грамматических, семантических особенностей конкретной, географически зафиксированной языковой единицы. Рассматривая наименование как составляющую языка культуры, необходимо учитывать национальную ментальность и культурно-исторические традиции, обусловившие появление имени собственного.

На начало XXI в. приходится наибольшее количество диссертационных исследований, выполненных в лингвокультурологическом ключе. Объектом изучения становятся различные разряды онимов. Одним из ключевых понятий лингвокультурологии, как и многих других гуманитарных наук, является картина мира.

По мнению Л.А. Климковой, «компонентом языковой картины мира является онимическая картина мира, а в ее составе – топонимическая как система всех топонимов в языке, участвующих в вербализации ККМ» [Климкова Л.А., 2008, с. 13]. В рамках топонимической картины мира возможно выделение частных картин мира, к примеру, виконими-

ческой как исторически сложившейся системы представлений о мире, отразившейся в совокупности названий внутрисельских объектов, сформировавшихся на определенной территории, в конкретной языковой среде, отражающих региональные особенности языка, культуры и истории. Как мы отметили выше, фоновые знания, сопровождающие имя собственное, аккумулируют несколько слоев информации, связанной с географией, историей, национальными и культурными особенностями этноса, поэтому полагаем, что целесообразно говорить о ВКМ как о совокупности трех базовых составляющих – географической, исторической, культурной. Данные элементы ВКМ взаимообусловлены, взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга:

1) все именуемые линейные объекты имеют свою локализацию в пространстве и, даже ввиду отсутствия в их составе викооснов с пространственным значением, выполняют адресную функцию, в результате чего ВКМ немислима без географической составляющей;

2) все названия в широком понимании историчны, так как обладают своей уникальной историей, формировались в разные периоды развития этноса, содержат информацию об основных исторических и социальных событиях;

3) все виконимы обладают огромным культуроведческим потенциалом, кодируют информацию о восприятии человеком окружающего его мира.

В настоящее время появляются многочисленные научные труды, в которых ономастический материал анализируется с позиций лингвокультурологии, этнолингвистики, лингвострановедения, когнитивистики. В связи с этим конструирование ВКМ следует осуществлять с интеграцией опыта, накопленного по результатам развития вышеперечисленных дисциплин. Виконим как этнокультурный, лингвистический, культурологический и когнитивный знак служит для номинации географических объектов, а моделирование ВКМ – один из системообразующих способов вербализации действительности, отражающих корреляцию историко-культурных, этнокультурных, социальных, языковых аспектов развития народа.

В ономастике одной из наиболее разработанных картин мира является топонимическая. В процессе конструирования ВКМ мы будем обращаться к теоретическим и практическим основаниям моделирования ТКМ, так как виконимы являются разрядом топонимов. Виконимия имеет тесную связь с окружающей действительностью и человеком, его сознанием, духовно-практической деятельностью. Л.А. Климкова считает, что «отражаемый мир, общий для всех представителей сельского социума, определяет общую для них, инвариантную картину мира. И в то же время каждый человек, член социума, имеет свою, индивидуаль-

ную картину мира в соответствии с опытом, кругозором, креативным потенциалом» [Климкова Л.А., 2008, с. 13–14].

Л.М. Дмитриева полагает, что «топонимическая картина мира манифестирует существование на определенной территории определенной совокупности географических названий, сформировавшихся в региональной языковой среде и, следовательно, отражающей особенности языка, языковой региональной системы; с другой стороны – зафиксировавшей все объективные и субъективные элементы системы, спроецированные языковым сознанием (коллективным и индивидуальным)» [Дмитриева Л.М., 2002, с. 77–78].

Моделированию ТКМ посвящены работы Е.Л. Березович [Березович Е.Л., 2007, 2009], Л.М. Дмитриевой [Дмитриева Л.М., 2002], Л.А. Климковой [Климкова Л.А., 2008], Е.Ф. Ковлакас [Ковлакас Е.Ф., 2009, 2011], С.П. Васильевой [Васильева С.П., 2005], Т.Ю. Васильевой [Васильева Т.Ю., 2013, 2014]. Ономастикон как фрагмент и отражение языковой картины мира рассматривают Т.Б. Кузнецова (на материале антропонимов, топонимов и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов Ставропольского края) [Кузнецова Т.Б., 2005], А.С. Щербак (на базе изучения принципов топонимических исследований в России) [Щербак А.С., 2004, 2013, 2014], Е.М. Костюченкова (на основе анализа онимов субэтноса казаков в контексте национально-культурной ценностной системы) [Костюченкова Е.М., 2009], А.В. Правдикова (на примере микротопонимии в английской литературе XIX–XX вв.) [Правдикова А.В., 2009], Л.В. Окунева (на материале антропонимии как источника изучения региональной ЯКМ) [Окунева Л.В., 2010], Н.Л. Глазачева, Д.В. Кувардина (на материале макротопонимии китайского языка) [Глазачева Н.Л., 2013], Н.Л. Глазачева (на основе изучения культурных особенностей китайских топонимов) [Глазачева Н.Л., 2010], А.Ю. Ильина (на примере гетерогенности топонимических номинаций англоязычных провинций Канады) [Ильина А.Ю., 2013]. В большинстве случаев в данном контексте объектом изучения становятся русские топонимы, однако, как показывает обзор существующих работ, имеются исследования, в которых представлен анализ имен собственных других стран.

2.2.3 Географическая составляющая виконимной картины мира

Географическая составляющая ВКМ является одной из важнейших, так как взаимосвязана с первостепенной локализирующей, конкретно географической функцией поселений (служить местом жительства, обозначить объект как географическую точку) и линейных объектов, в них расположенных (быть адресом). Поскольку информация о про-

странстве – базовая для топонимии, а восприятие этого пространства – одна из важнейших частей этнической модели мира, выявление концептуальных основ топонимической версии различных моделей географического пространства осуществляется в рамках этнолингвистических и когнитивных исследований. ТКМ, являясь фрагментом глобального образа мира, соотносится с «одной из базовых гносеологических категорий “пространство” и существует в двух планах: необъективированном, идеальном как элемент сознания, воли и жизнедеятельности, а также объективированном – выраженном в знаковых формах, топонимических контекстах ее фиксирующих» [Макарова Е.В., 2004, с. 9], и воспринимается как совокупность миропредставлений о пространстве.

Е.В. Макарова рассматривает восприятие пространства с позиций региональной топонимической личности. Отношение человека к окружающему его пространству определяется языком, историей, культурой региона, закрепляется в картине мира и эксплицируется в процессе именования географических объектов, поэтому ученый считает рациональным введение категории *региональная топонимическая личность* (Е.В. Макарова [Макарова Е.В., 2004]), представляющей собой «сложное динамическое системное образование, структура и функционирование которого определяется деятельностью языкового сознания, приводящего во взаимодействие конвенциональные модели и нормы языковой и топонимической системы с личностно-индивидуальными языковыми и познавательными потенциями человека» [Макарова Е.В., 2004, с. 8].

В настоящее время существует несколько направлений анализа смыслового поля «пространство» на топонимном материале:

1. «Пространство» – лингвокультурный концепт (Е.В. Макарова [Макарова Е.В., 2004], М.В. Голомидова [Голомидова М.В., 1998], Л.М. Дмитриева [Дмитриева Л.М., 2002], Л.А. Климова [Климова Л.А., 2008]), ядерный в топонимической картине мира, доминирующий и основополагающий в ТКМ как фрагменте сознания топонимической личности.

Тесную связь ТКМ с пространственным концептом подтверждает Л.М. Дмитриева, по мнению которой пространственная реальность, представленная в языковом сознании и оформленная как концепт «Место», может быть интерпретирована как ТКМ [Дмитриева Л.М., 2002, с. 81]. Е.В. Макарова разделяет концепт «Пространство» на две полярные смысловые области «пространство обитания» и «пространство-универсум» [Макарова Е.В., 2004, с. 11].

Однако данный концепт не является единственным в ТКМ. Л.А. Климова, анализируя микротопонию Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья как фрагмент региональной ЯКМ, описывает вербальное выражение четырех концептов – «Пространство»,

«Время», «Человек», «Число. Сакральность». Первый из них конструируется по различным пространственным параметрам: 1) местонахождению, степени удаленности; 2) направлению, векторности; 3) размеру, протяженности; 4) форме, конфигурации; а также в соответствии с микротопонимическими средствами выражения [Климкова Л.А., 2008, с. 27]. Ученый полагает, что микротопонимия – это «поле в составе проприального сектора регионального фрагмента ЯКМ: ядро (ядерная зона) – наименования объектов в самом населенном пункте (с точкой отсчета от его центра), центр (ближний дистанционный пояс) – наименования объектов, находящихся вблизи села, недалеко от него, периферия – дальняя (за линией горизонта) и отдаленная (за пределами соседних населенных пунктов)» [Климкова Л.А., 2008, с. 28].

Е.Ф. Ковлакас, исследуя топонимию полиэтнических регионов Краснодарского края (Кубани) и Республики Адыгея, анализирует построение ТКМ в лексико-прагматическом и этнокультурном аспектах. Автор полагает, что топонимы как номинационные знаки выполняют функцию объективации «кардинальной философской категории бытия – Пространство-Время» [Ковлакас Е.Ф., 2009, с. 8] – и называет значимые этнокультурные концепты: «Человек», «Имя», «Земля», «Вода», «Река», «Гора», «Пространство», «Время», «Движение». Ученый считает концепт «Человек» связующим звеном концептосферы, формирующей картину мира, полагая, что вокруг этого «ментального стержня» выстраиваются представления о пространственно-временных отношениях, имеющих бытийную ценность [Ковлакас Е.Ф., 2009, с. 46].

По мнению А.В. Правдиковой, «микротопонимия является одним из способов языковой реализации концептов пространства, места и предмета» [Правдикова А.В., 2009, с. 4]. Учитывая степень известности микротопонимов, автор подразделяет их на интернационально-значимые, национально-значимые, местно-значимые и индивидуально-значимые [Правдикова А.В., 2009, с. 8–9]. Кроме того, ученый, опираясь на исследования В.А. Никонова и В.Д. Беленькой, рассматривает три уровня значения микротопонима: «дотопонимический (т.е. этимологическое значение слов, составляющих основу наименования), топонимический (обозначение объекта) и посттопонимический (ассоциации и коннотации, которые возникают при употреблении наименования в общении)» [Правдикова А.В., 2009, с. 10].

2. «Пространство» – ментальный образ (С.П. Васильева, Т.Ю. Васильева).

С.П. Васильева при описании топонимической системы Приенисейской Сибири впервые применяет метод реконструкции картины мира путем структурирования ментальных образов Человека, Пространства и Реки, выявляет ментальные стереотипы восприятия и осмысления гео-

графических реалий. Ментальный образ автор понимает как «сложную единицу ментального уровня, структурированную на основе апперцепции и обобщения впечатлений человека от объектов реальной действительности, выраженных в топонимах и типизированных в номинативных и семантических моделях» [Васильева С.П., 2005, с. 14], а процесс его моделирования выглядит следующим образом: идеографическое поле (понятийная сторона воспринимающего сознания) → семантическое поле (уровень языкового значения, внутри которого выделяются номинативные и семантические модели и их разновидности, выявленные в результате анализа конкретных онимов). «Основной структурой, представляющей собой переход между языком (топонимом) и сознанием (картиной мира) является ментальный образ» [Васильева С.П., 2005, с. 14]. В исследовании С.П. Васильевой ментальный образ пространства конструируется различными семантическими и идеографическими полями: «стороны горизонта» (север – юг, восток – запад), «локализация в пространстве» (дальний – ближний, центр – край), «размер» (большой – малый, долгий (длинный) – короткий, широкий – узкий), «форма» (круг, прямой – не прямой (косой, кривой)), «верх – низ» (положительные формы рельефа – нейтральные формы рельефа – отрицательные формы рельефа).

По мнению Т.Ю. Васильевой, ментальный образ места поселения в ойконимии Белорусского Поозерья моделируется при помощи семантических полей «местожительство» и «местонахождение». В пределах последнего «выделяются две семантические модели, отражающие различные способы восприятия места поселения: как объекта, включенного в определенное пространство («вмещаемое»), как отдельного участка, вмещающего определенный объект («вместилище»)» [Васильева Т.Ю., 2014, с. 9]. Структурирование ментального образа осуществляется по модели: ойконим → семантическая модель → семантическое поле → ментальный образ [Васильева Т.Ю., 2013, с. 187].

3. Семантическое пространство топонимии – совокупность отдельных семантических полей (Е.Л. Березович). Для извлечения из топонимии этнокультурной информации об окружающем человека пространстве Е.Л. Березович применяет методы семантической реконструкции, концептуального анализа, осуществляет исследование семантических полей, идеографический анализ, задействует статистические методики и приемы лексикографического описания [Березович Е.Л., 2009].

Е.Л. Березович акцентирует внимание на том, что наиболее целостно топонимия транслирует этнокультурную информацию о пространстве и предлагает следующую иерархическую цепочку, представляющую структуру семантического пространства топонимии: семантика отдельного топонима → семантическая модель → семантическое поле. Ученый объединяет эксплицируемые в топонимии пространственные

представления о локализации объекта, охвате местности, протяженности и обжитости пространства человеком в понятийную сетку. Это базовые показатели описания пространства, при этом первый из них позволяет установить точку зрения субъекта номинации по отношению к пространственным объектам, так как локализация всегда осуществляется с учетом определенной системы координат, второй и третий характеризуют поле зрения номинатора, а четвертый дает характеристику по параметру освоенности или неосвоенности пространства человеком [Березович Е.Л., 2009, с. 84].

Анализируя топонимию Западного Полесья, Т.Н. Олиферчик выделяет объектные приоритеты в ландшафтной модели пространства (среди них лес, болото, водоем (река, озеро), а также иные термины, употребляющиеся для обозначения разновидностей указанных географических реалий) и непосредственно пространственные параметры топонимии региона (выделенные на основе исследования организации пространственных отношений в вертикальном направлении, локализации и конфигурации объекта в пространстве, репрезентации семантической оппозиции *свой – чужой*) [Аліферчык Т.М., 2013].

По результатам исследования урбанонимного и виконимного материала выявлены базовые параметры, по которым осуществляется локализация объекта в пространстве: «близкий – дальний», «верх – низ», «запад – восток», «север – юг», «начало – конец», «правый – левый», «передний – задний». Анализ названных оппозиций свидетельствует о разных ориентационных предпочтениях в урбанонимии и виконимии [Мезенко А.М., 2010, с. 68].

Исследования по реконструкции ТКМ осуществлены преимущественно в русле этнолингвистики и когнитивистики. Основными конструктами безусловно выступают концепт или ментальный образ «Пространство». Однако ученые не ограничивают моделирование ТКМ лишь важностью пространственного фактора, а рассматривают его во взаимосвязи с языковой личностью (человеком как «ментальным стержнем», вокруг которого и выстраиваются представления о специфике локализации), физико-географическими особенностями местности, выявляют смыслообразующие природные объектные ориентиры.

Географическая составляющая ВКМ моделируется при помощи семантических полей «локализация», «стороны света», «величина», которые, в свою очередь, объединяют несколько семантических моделей, представленных бинарными оппозициями. Учитывая опыт исследования пространства Е.Л. Березович, применяем следующую последовательность анализа: виконим → семантическая модель → семантическое поле → географическая составляющая ВКМ. Следует отметить, что полевый подход к анализу материала в современных исследовательских

работах имеет различные интерпретации и применения. Выделяют лексико-семантические, лексические, лексико-фразеологические, лексико-грамматические, функционально-семантические, семантические, лингвокультурологические поля. К методу поля обращаются многие ученые: Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко Н.Ф., 2007], Б.Ю. Городецкий [Городецкий Б.Ю., 1969], В.И. Супрун [Супрун В.И., 2000], А.А. Уфимцева [Серебренников Б.А., 1988], Г.С. Щур [Щур Г.С., 1974] и др. В русской лингвистике большая заслуга в разработке концепции поля принадлежит Ю.Н. Караулову, который рассматривает существующие определения поля, описывает принципы его построения, состав и структурирование [Караулов Ю.Н., 1976].

Полевая модель подтверждает представление о языке как системе подсистем, взаимодействующих и дополняющих друг друга. Существует много определений понятия *семантическое поле*. Так, Б.Ю. Городецкий полагает, что семантическое поле – «это совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-либо семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями» [Городецкий Б.Ю., 1969, с. 173]. Ученый выделяет сигнификативный, денотативный, экспрессивный, синтаксический слои, в каждом из которых имеются семантические поля. По Ю.С. Маслову, семантическое поле обозначает «большее или меньшее множество слов, точнее – их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности» [Маслов Ю.С., 1998, с. 96]. С точки зрения Н.Ф. Алефиренко, лексико-семантическое поле – «это иерархически организованная система лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и представляющих в языке определенную понятийную сферу» [Алефиренко Н.Ф., 2007, с. 239]. В настоящее время типология моделирования полей остается достаточно дискуссионным вопросом. Ученые сходятся во мнении, что поле представляет собой класс слов, характеризующихся определенной семантической общностью. Поле объединяет множество единиц, обладает строгой структурой. Как отмечает В.В. Воробьев, в семантическом поле «не только отражается иерархическая структура фрагментов лексико-семантической системы, но и взаимосвязано представлены отношения частных традиционных языковых категорий (синонимия, антонимия, конверсия и др.)» [Воробьев В.В., 2008, с. 58]. Слова, значения которых входят в поле, формируют тематические группы, в рамках последних выделяются различные семантические связи и корреляции. Семантическое поле, как и лексико-семантическое, обладает определенными свойствами, к которым относят системность, непрерывность, целостность, историчность.

Полевой подход активно применяется и в ономастике: В.И. Супрун разрабатывает теорию ономастического поля в общем

[Супрун В.И., 2000], Е.Л. Березович, определяя концептуальные основы топонимической версии различных моделей пространства, выделяет семантические поля, которые трактует как «диапазон моделей, выражающих сходные характеристики объекта» [Березович Е.Л., 2009, с. 43].

Семантические поля, выделяемые в рамках географической составляющей ВКМ, имеют следующую структуру:

- ядро поля и его инвариантный смысл;
- околядерное пространство;
- периферия (ближняя, дальняя, крайняя зоны).

Конституенты семантического поля вступают в категориальные отношения, что обеспечивает его системность, единство и целостность. Рассматривая структуру семантического поля, Б.Ю. Городецкий выделяет внутрисистемные корреляции: гипонимические, синонимические, антонимические, корреляции несовместимости, следования, конверсивные, агентивные и т.д. [Городецкий Б.Ю., 1969, с. 202].

Конституенты семантических полей, конструирующих географическую составляющую ВКМ, находятся в гиперо-гипонимических отношениях, т.е. наблюдается связь, основанная на родовидовой концептуальной общности элементов поля. Иерархия строится на отношениях между гиперонимом (обозначением более широкого множества – более общего, родового понятия) и гипонимом (обозначением подчиненных ему видовых понятий). Так, гиперониму *локализация* подчинены гипонимы, выделяемые в рамках семантических моделей «начало – конец», «верх – низ», «передний – задний», «близкий – дальний», «параллельный – перпендикулярный», «правый – левый» – *Начальная ул., Центральная ул., Нижняя ул.* и т.д.; гиперониму *стороны света* подчинены гипонимы, выделяемые в рамках семантических моделей «запад – восток», «север – юг» – *Западная ул., Восточная ул., Северная ул.* и т.д.; гиперониму *величина* подчинены гипонимы, выделяемые в рамках семантических моделей «малый – большой», «длинный – короткий», «высокий – низкий», «широкий – узкий», «симметричный – асимметричный» – *Высокая ул., Параллельная ул., Низкая ул.* и т.д.

Семантические модели представлены бинарными оппозициями, что подтверждает факт существования антонимических корреляций в рамках семантических полей: *Широкая ул. – Узкая ул., Длинная ул. – Короткая ул.*

Синонимические внутрисистемные корреляции проявляются в примерах типа: *Конечная ул. – Концевая ул. – Крайняя ул., Граничная ул. – Межеевая ул., Длинная ул. – Долгая ул.*

Кроме того, можно привести несколько единиц, состоящих в градуальных отношениях: *Верхняя ул. – Средняя ул. – Нижняя ул.*

Использование полевого метода в процессе моделирования фрагмента онимической картины мира признается эффективным различны-

ми учеными, ведь, по мнению А.А. Уфимцевой, семантические поля – это компоненты ЯКМ и представляют собой «лексико-семантические группировки (парадигмы), структуры конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия» [Серебренников Б.А., 1988, с. 138]. Ю.Н. Караулов полагает, что в основе картины мира лежит принцип отражения, слово же является способом выражения, тогда как способом отражения – поле [Караулов Ю.Н., 1976, с. 268–269].

Историческая составляющая ВКМ, на наш взгляд, включает сельские топонимы, объединенные исторической тематикой. Нельзя не согласиться с Г.П. Смолицкой и М.В. Горбаневским, что «особое место среди топонимов занимают названия внутригородских объектов – улиц, площадей, микрорайонов, в которых отражена история города, его жителей, в широком смысле – история народа» [Смолицкая Г.П., 1982, с. 3]. Избранная нами методика установления элементов исторической составляющей ВКМ близка к лингвострановедческому и лингвокраеведческому подходам, которые предполагают выявление и интерпретацию фоновых знаний, связанных с именем собственным. Близкими данным способам изучения топонимов являются исследования, посвященные установлению ассоциативно-культурного фона (Н.А. Максимчук [Максимчук Н.А., 2010], Н.В. Бубновой [Бубнова Н.В., 2011]). Лингвострановедческие и лингвокраеведческие фоновые знания, сопровождающие названия, приобретаются различными способами в результате знакомства с историей и культурой региона (СМИ, путешествия, уроки и факультативы в учебных заведениях). Фоновое знание по О.С. Ахмановой – «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Ахманова О.С., 2014, с. 498].

Анализируя белорусские топонимы в контексте современной культуры, А.М. Мезенко рассматривает их как носители культурной памяти народа. Важным является вопрос о восприятии и воздействии на воображение человека бытующего национального топонима. Автор считает, что необходимо применять метод культурно-исторической диагностики по отношению к внутрисельским и внутригородским названиям [Мезенко А.М., 2006].

М.В. Горбаневский высказывает гипотезу о том, что топоним является свернутым текстом, который состоит из нескольких логико-информационных модулей, среди которых функционирует историко-культурный, формирующийся как знаниями о самом названии, так и знаниями, представлениями, ассоциациями об объекте. В процессе развертывания текста вычленяется лингвистическая информация о топониме, а также экстралингвистические знания. Топоним нельзя рассматривать как сугубо лингвистический феномен, ведь за каждой единицей стоит объемное информационное поле [Горбаневский М.В., 1994].

Лингвострановедческий подход Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова дидактичен и направлен на обучение иностранных студентов. Исследователи полагают, что «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 1980, с. 170]. Семантические доли лексического фона имени собственного, с одной стороны, обобщают его, а с другой – индивидуализируют, наделяя неповторимым обликом. Виконимы передают страноведческую информацию, являются ее прямым источником.

Как отмечают С.В. Руднев и В.И. Супрун, краеведение – составная часть страноведения [Руднев С.В., 1986, с. 80], однако «взаимоотношения страноведения и краеведения не ограничиваются отношениями целого и части» [Руднев С.В., 1986, с. 80]. Ученые полагают, что краеведческие явления отличаются степенью известности: одни знакомы всем представителям социума и являются сведениями как страноведческого, так и краеведческого характера, другие более тяготеют к краеведению и известны в основном узким специалистам (историкам, этнографам, географам и др.), третьи – только местным жителям и составляют основу краеведческого материала [Руднев С.В., 1986, с. 80]. Важность историко-культурной информации и краеведения подчеркивают В.П. Нерознак и М.В. Горбаневский, анализируя советский «новояз» на географической карте [Нерознак В.П., Горбаневский М.В., 1991, с. 60]. Лингвокраеведение – один из способов изучения истории края через факты языка. Как полагает Н.В. Бубнова, региональные онимы, ввиду своей непосредственной близости к воспринимающему субъекту, могут иметь большее значение для формирования конкретной языковой личности, чем имена собственные более высоких уровней [Бубнова Н.В., 2011, с. 4].

Опираясь на исследования в области лингвострановедения и краеведения, полагаем, что виконимы, транслирующие сведения общемирового и национального планов, известны многим жителям страны и относятся к страноведческим данным. Отражая локальную историю, названия внутрисельских линейных объектов становятся носителями краеведческой информации. При этом многие названия функционируют на территории населенного пункта и известны узкому кругу лиц.

Теория информационного поля в лингвистике фактически не разработана. Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев, выявляя языковые особенности средств массовой информации, определяют информационное поле как «информационное пространство, охватывающее тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленное репертуаром тем» [Культура русской речи, 2009, с. 241]. Применительно к ономастическому материалу можно сформулировать следующее определение информационного поля – иерархизированная система онимных единиц,

объединенных общностью фонового значения. Помимо речевой и языковой разновидностей информации, присущих имени собственному, в данном плане особо следует отметить энциклопедическую, так как она экстралингвистична и не может существовать без имени или вне его пределов. Это знания об объекте, доступные каждому члену общества, пользующемуся данным именем. К энциклопедической информации относят не только комплекс сведений, который появляется у говорящего в результате знакомства с объектом, но и информацию об объекте, полученную предварительно.

Структурирование исторической составляющей ВКМ осуществляется по следующей модели: виконим → тематическая группа → семантическое поле → историческая составляющая ВКМ.

Как полагает Н.Ф. Алефиренко, тематическая группа – «это совокупность слов, обозначающих определенную предметную область» [Алефиренко Н.Ф., 2007, с. 231], а отличительным признаком является экстралингвистическая (внеязыковая) обусловленность отношений между словами, ее составляющими [Алефиренко Н.Ф., 2007, с. 231]. Названия, входящие в тематическую группу, объединяются одной темой.

Историческое поле имеет такую же структуру, как и семантическое:

- ядро поля и его инвариантный смысл;
- околоядерное пространство;
- периферия (ближняя, дальняя, крайняя зоны).

Информационное поле имеет свою специфику, поскольку в процессе анализа его единиц учитывается несколько факторов: собственно лингвистическая и экстралингвистическая разновидности информации. Для того чтобы раскодировать (развернуть) информацию конституента информационного поля, необходимо обладать определенными фоновыми знаниями.

Конституенты информационного поля также вступают в категориальные отношения. Однако им свойственны иные виды внутрисистемных корреляций, так как онимы, являющиеся основой для образования названий, в основном мотивированы геортонимами, антропонимами, некоторыми апеллятивами.

Основными, конечно же, выступают гиперо-гипонимические отношения. Так, гиперониму *историческая память* подчинены гипонимы, выделяемые в рамках тематических групп «*участники Отечественной войны 1812 г.*», «*участники Гражданской войны*», «*участники борьбы за утверждение советской власти*» и т.д. – ул. Барского, ул. Баумана, ул. Довнара, ул. Луговского, ул. Притыцкого, ул. Харламова; гиперониму *историческое время* подчинены гипонимы, выделяемые в рамках тематических групп «*юбилеи*», «*государственные праздники*», «*исторические значимые даты*» и т.д. – ул. 60 лет Советской Власти, ул. 50 лет БССР; гиперониму *историческая эпоха* подчинены гипонимы, выделяемые в рамках

семантических моделей «*символы эпохи*» и «*деятели эпохи*» – ул. *Инсарова*, ул. *Крупской*, ул. *Хацкевича*, ул. *Червякова*, ул. *Пролетарская Победа*.

В рамках анализируемых информационных полей не наблюдаются синонимические и антонимические корреляции, что объясняется спецификой лексических единиц, формирующих тематические группы (невозможно подобрать синонимы или антонимы к фамилиям, датам и т.д.). Исключение составляет лишь одна синонимическая пара – ул. *9 Мая* – ул. *Победы*.

Зафиксировано несколько примеров градуальных отношений в рамках тематической группы «*историческое время*» – ул. *10 лет БССР*, ул. *20 лет БССР*, ул. *40 лет БССР*; вариативности – ул. *Октября* – *Октябрьская ул.*, ул. *1 Мая* – ул. *Первомайская*, ул. *Гагарина* – ул. *Ю. Гагарина* и т.д.

Культурная составляющая ВКМ смоделирована на основе установления кодов культуры, свойственных системе названий внутрисельских линейных объектов. Виконимы, помимо выполнения своей основной функции, обретают добавочную – знаковую, при помощи которой реализуется ценностно-смысловая и культурно маркированная информация.

Код – понятие, изначально используемое в семиотике для раскрытия смысла сообщения и получившее распространение в лингвокультурологии. В белорусской мифологии код трактуется как «система обозначений для передачи, обработки и сохранения информации в форме концептуальных образований, как корпус знаков, определенный словарь и система отношений (синтаксис)...» [Міфалогія беларусаў, 2011, с. 557].

Начало лингвокультурологическому пониманию кодов культуры положено в научных исследованиях Н.И. Толстого, С.М. Толстой [Толстой Н.И., Толстая С.М., 1995], В.Н. Телия [Телия В.Н., 1999], В.В. Красных [Красных В.В., 2002], Д.Б. Гудкова [Гудков Д.Б., 2007], М.Л. Ковшовой [Ковшова М.Л., 2012]. Однако объем понятия *код культуры* в современных лингвистических исследованиях различается.

Культура, по мнению Н.И. Толстого и С.М. Толстой, – иерархическая система различных кодов, т.е. «вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к “картине мира”, к мировоззрению данного социума...» [Толстой Н.И., Толстая С.М., 1995, с. 7].

Как считает В.Н. Телия, «код культуры – это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [Телия В.Н., 1999, с. 20–21].

Коды культуры, по определению В.В. Красных, представляют собой «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных В.В., 2002, с. 232]. Как полагает Д.Б. Гудков, имена, называющие объекты окружающего нас мира, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые и называются кодами (соматическим, зооморфным, природно-ландшафтным и др.) национальной культуры [Гудков Д.Б., 2007, с. 39], культурные коды представляют собой систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов [Гудков Д.Б., 2007, с. 9].

Приведенные определения кодов культуры дополняют друг друга, в процессе их анализа можно обнаружить как общие, так и дифференциальные характеристики. Некоторые расхождения в определении данного термина обусловили существование различных подходов к его пониманию, которые, на наш взгляд, формулируются следующим образом:

1) код культуры – вторичная знаковая, семиотическая система, используемая для кодирования содержания, сводимого к картине мира (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова);

2) код культуры – совокупность окультуренных представлений о картине мира (В.Н. Телия);

3) код культуры – «продукт» культуры, «матрица», при помощи которой происходит категоризация мира (В.В. Красных).

Мы полагаем, что коды культуры являются структурообразующими компонентами национального культурного пространства, а сама культура при этом выступает как совокупность различных кодов. Ценностно-смысловая и культурно маркированная информация реализуется с помощью различных знаковых систем в процессе вербальной и невербальной коммуникации. Правила толкования знаков, расшифровки кодов обусловлены лингвокультурой, в которой они будут прочтены, определенным культурным хронотопом, фоновыми знаниями интерпретатора. Коды культуры выражают национальную специфику языка, поэтому их соотношение в различных лингвокультурах неодинаково.

Первоначально теория кодов культуры развивается на основе исследования апеллятивного материала. Ученые определяют ключевые коды различных лингвокультур. Так, В.В. Красных выделяет базовые коды, соотносящиеся с архетипическими представлениями русской культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [Красных В.В., 2002, с. 233]. Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова, развивая концепцию кодов культуры В.Н. Телия, пишут о существовании следующих видов культурных кодов: антропного, зооморфного, растительного, природного, артефактно-вещного, вещно-костюмного, гастрономического, архитектурного, ду-

ховно / религиозно-антропоморфного, религиозно-артефактивного, временного, пространственного, количественного, цветового, телесного [Гудков Д.Б., Ковшова М.Л., 2007, с. 96–99]. Авторы «*Мифологии белорусов*» выстраивают свой энциклопедический словарь на классификации материала сообразно с системой кодов, характерных для традиционной белорусской культуры: персонажного, космографического, ландшафтно-топографического, календарно-хронологического, астрономического, метеорологического, соматического, животного, растительного, вещественно-элементного, предметного, гастрономического, числового, операционного, атрибутивного [Міфалогія беларусаў, 2011, с. 7–8]. Появляются работы, посвященные реализации отдельных кодов: А.С. Самигуллина рассматривает пространственный код культуры и его смысловые проекции [Самигуллина А.С., 2007], В.А. Маслова исследует представление духовного кода в языке и культуре [Маслова В.А., 2012-б], числового кода в коммуникации (на примере лингвокультурного образа числа «семь») [Маслова В.А., 2012-а], Н.А. Устинова в этнолингвистическом аспекте анализирует пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья [Устинова Н.А., 2011], Е.В. Капелюшник изучает проявление кулинарного кода культуры в семантике образных средств языка [Капелюшник Е.В., 2012].

Код культуры представляет собой исторически сложившуюся ценностную знаковую систему, содержащую информацию о мире, и проявляется в процессах категоризации действительности. Различные фрагменты мира, среди которых и имена собственные, становятся основой кодов культуры, описывающих мир с позиций человека. Именно культурные коды отражают традиции нации, специфические черты определенной культуры, неотъемлемой частью которых являются онимы.

В начале XXI в. в контексте кодов культуры начинают изучаться и имена собственные. А.М. Мезенко устанавливает комплекс кодов, реализации которых служит урбанонимия: топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический (или ботанический), фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, темпоральный [Мезенко А.М., 2011-б, с. 391]. Рассматривая современный провинциальный урбанонимикон на примере города Ганцевичи Брестской области Беларуси, ученый изучает названия, явившиеся выразителями отдельных вышеназванных кодов, а также социального, пространственного и духовного [Мезенко А.М., 2012].

В 2007 г. появляется диссертационное исследование Е.И. Сьяновой «Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья)», по мнению которой ономастический код – «совокупность знаков и система определенных правил, при помощи которых в контексте народной ономастики

представлена (закодирована) культурная информация» [Сьянова Е.И., 2007, с. 10]. В системе ономастического кода, с точки зрения ученого, представлено три его вида: антропонимический, микротопонимический, зоонимический [Сьянова Е.И., 2007, с. 6]. Поскольку наша работа посвящена сельским топонимам, составляющим часть топонимного пространства, назовем выделяемые исследователем разновидности микротопонимического кода: геофизический (природно-ландшафтный), зооморфный, фитоморфный, локативный, антропоморфный, цветовой, темпоральный, историко-социальный и этноморфный, кванторный коды [Сьянова Е.И., 2007, с. 16–19].

В 2014 г. Т.Ю. Васильева устанавливает комплекс кодов культуры, свойственных ойконимии Белорусского Поозерья: антропоморфный, ландшафтный, временной, пространственный, растительный, духовный [Васильева Т.Ю., 2014, с. 11–13]. По мнению ученого, ойконимы – хранители и экспликатеры передаваемого различными кодами культурного содержания, выявление которого позволяет определить специфику ойконимикона как фрагмента ЯКМ [Васильева Т.Ю., 2014, с. 7].

Таким образом, в настоящее время приобретает актуальность лингвокультурологический аспект исследования имен собственных, что обусловлено содержанием в них богатейшей исторической, культурной, этнографической информации.

Можно выделить несколько направлений анализа ономастического материала в лингвокультурологическом плане:

1) моделирование онимической картины мира. Наибольший успех достигнут в конструировании ТКМ, базирующейся на важнейших пространственных представлениях;

2) национально-культурный аспект изучения онимов, который основывается на лингвострановедческом и краеведческом подходах в исследовании различных разрядов имен собственных;

3) установление комплекса кодов культуры, реализации которых служат различные онимные явления.

С учетом опыта, накопленного в сфере лингвокультурологического исследования онимов и анализа основных его направлений, полагаем, что ВКМ конструируется тремя составляющими: географической, исторической и культурной.

Внутрисельский линейный объект обладает точными географическими координатами, а его название эксплицирует экстралингвистическую информацию, базирующуюся на пространственных характеристиках. В таком случае виконим несет в себе сведения, уточняющие местонахождение и особенности местоположения одного объекта реальной действительности относительно других. Иными словами, виконимия является транслятором информации об освоении, прежде всего, геогра-

фического пространства. Непосредственно *пространство* определяется как 1) одна из основных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом; 2) неограниченная протяженность во всех направлениях; трехмерное протяжение над землей; 3) промежуток между чем-либо; место, где что-либо вмещается или способно вместиться; 4) большая площадь чего-либо на земной поверхности [ССРЛЯ, т. 11, с. 1406–1407]. Наиболее близким виконимии является третий вариант понимания пространства. В свою очередь, *географическое пространство*, или *геопространство*, – «форма существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки; совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени» [Географическое пространство, 1988, с. 56].

Являясь особым разрядом топонимов, названия внутрисельских линейных объектов кодируют информацию о восприятии человеком окружающего географического пространства, структурирование которого в виконимии осуществляется при помощи семантических полей: «*локализация*», «*стороны света*», «*величина*». Каждое из них образовано при помощи семантических моделей, представленных бинарными оппозициями.

2.2.3.1 Семантическое поле «локализация». Согласно «Словарю современного русского литературного языка», *локализация* – это «отнесение чего-либо к определенному месту; ограничение действия того или иного явления известными пространственными пределами» [ССРЛЯ, 1957, т. 6, с. 336].

Семантическое поле «*локализация*» образуют следующие семантические модели: «*начало / конец*», «*передний / задний*», «*верх / низ*», «*близкий / дальний*», «*параллельный / перпендикулярный*», «*правый / левый*».

В виконимии реализуется только второй компонент бинарной пространственной оппозиции «*начало / конец*» (*Конечная ул.* – дер. Мунцевичи Пост. р-на). Однако данная модель расширяется за счет элемента «*центральный*» (*Центральная ул.* – аг. Адаменки Лёзн. р-на), репрезентирующего соотношение центра и периферии. Второй компонент оппозиции выражен при помощи виконимов *Пограничная ул.* / *Пограничный пер.* Данный элемент шире представлен в урбанонимии и ойконимии, чем в виконимии [Мезенка Г.М., 2013, с. 103; Березович Е.Л., 2009, с. 122–127].

Асимметрия в сторону компонента *конечный* обусловлена невысокой информативностью виконимов, образованных от компонента *начальный*, и «существованием четких границ между своим / освоенным и

чужим / неосвоенным пространством, а также важностью самой идеи границы» [Березович Е.Л., 2009, с. 122].

Наиболее активным компонентом представленной оппозиции выступает виконим *Центральная ул.*, являющийся самым частотным в каждой области – 1176 н.п.

Семантическая модель «*передний / задний*» в виконимии реализуется частично. Полностью отсутствуют названия, содержащие собственно виколексемы *передний, задний*. Кроме того, из данной бинарной оппозиции в виконимии Беларуси репрезентируется только второй компонент (при помощи префикса за-): *Загорная ул.* – п. Липовцы Вт. р-на, *Задорожная ул.* – дер. Авселево Вт. р-на, *Запрудная ул.* – дер. Вязовщина Пост. р-на, *Заозёрная ул.* – аг. Ореховно Уш. р-на. Подобные виконимы могут употребляться в ситуации, «когда номинатор находится не между, а перед соответствующими объектами, – так, что *передний* объект наиболее приближен к нему, а *задний* – удален» [Березович Е.Л., 2009, с. 105]. Широкий спектр мотивирующих основ, задействованных в номинации. Это обозначения географических объектов (*Заболотная ул., Залесная ул., Заозёрная ул., Запрудная ул., Заречная ул.*). Второй компонент оппозиции «*передний / задний*» демонстрирует высокую продуктивность и в ойконимии Белорусского Поозерья [Васильева Т.Ю., 2014, с. 15].

Модель «*верх / низ*» в виконимии Беларуси включает непроемкие названия с корнями *верх-* / *ниж-*. Наименования могут образовывать коррелятивные пары: *Верхняя ул.* и *Нижняя ул.* – дер. Тросница Пол. р-на.

В топонимии возникновение *верхних* и *нижних* названий может быть связано с размещением населенного пункта вблизи водного объекта, например, в верховьях или низовьях рек, а также выше или ниже другого объекта по течению. Виконимии Беларуси такая мотивация не свойственна.

Виколексемы *верх, низ* нередко выступают элементом составного наименования. В таких случаях появляется второстепенный признак либо характеристики относительно иного линейного или топографического объекта: *ул. Нижний Посёлок* – дер. Ухвище Пол. р-на.

Оппозиция «*верх / низ*» может выражаться внутрисельскими названиями, образованными при помощи префиксов *над-* (на-), *под-*: *Набережная ул.* – аг. Бочейково Беш. р-на, *Нагорная ул.* – дер. Балабанщина В.-дв. р-на, *Подгорная ул.* – дер. Дыманово Вт. р-на. В данном случае реализация в виконимии параллели «*верх / низ*» связана с пространственной вертикалью. При номинации учитывается местоположение линейного объекта по отношению к другому природному объекту (горе, лесу, озеру, реке). Это значит, в качестве ориентиров, относительно которых происходит номинация, выбираются в большинстве случаев природные объекты.

При помощи семантической модели «*близкий / дальний*» реализуется либо идея *близости / отдаленности* линейного объекта по отношению к наблюдателю, либо идея *близости / отдаленности* линейного объекта по отношению к другому объекту. В первом случае речь идет о названиях, содержащих непосредственно виноклексемы *близкий / дальний*: *Дальняя ул.* – аг. Никитиха Шум. р-на. Название *Дальняя ул.* зарегистрировано в 16 н.п. Белорусского Поозерья, а названия внутрисельских и внутригородских объектов, образованные от основы *близкий*, на территории страны не зафиксированы. Отсутствие таких наименований связано с их невысокой информативностью. Располагающихся рядом объектов больше, чем отдаленных, и для их различения необходимо использовать другие способы, отличные от указания на местонахождение относительно позиции наблюдателя.

Если в качестве точки отсчета выбрана позиция наблюдателя, то для виконимии и урбанонимии характерна количественная асимметрия в сторону *дальних* наименований. Так, в системе названий внутригородских объектов улицы, мотивированные этим понятием, встречаются в 47 поселениях [Мезенка Г.М., 2013, с. 103]. Исследователи топонимии говорят о преобладании *дальних* наименований, которые в большинстве случаев формируют коррелятивные пары с *близкими* названиями [Березович Е.Л., 2009, с. 86]. При этом простые в структурном отношении единицы «определяют зону хозяйственно освоенного пространства, являясь не столько дистанционными показателями, сколько обозначением рубежа, границы между “своими”, включенными в хозяйственный процесс объектами, и неосвоенным пространством» [Березович Е.Л., 2009, с. 86]. В ойконимии Белорусского Поозерья, напротив, идея удаленности объекта выражена единичными наименованиями [Васильева Т.Ю., 2014, с. 16].

В реализации идеи *близости / отдаленности* линейного объекта по отношению к другому объекту участвуют названия, образованные конфиксальным способом в результате добавления префикса при- и суффикса -н-: *Прибрежная ул.* – дер. Селец Чашн. р-на, *Привокзальная ул.* – п. Выдрей Лёзн. р-на, *Пригородная ул.* – аг. Ольгово Вт. р-на. Эти наименования реализуют компонент *близкий*. Приставка при- вносит значение присоединительности, наибольшей пространственной близости к архитектурному (*Придорожная ул., Присанаторная ул., Прифермская ул.*) либо природному объекту (*Прибрежная ул., Приозёрная ул., Приречная ул.*). В Белорусском Поозерье данный элемент бинарной оппозиции реализуется в частотных названиях, мотивированных потамо-нимии: *Придвинская ул. / Придвинский пер.* (Вт. обл. – 5 н.п.). В виконимии анализируемого региона наблюдается количественная асимметрия в сторону названий, выражающих идею близости линейного объекта к другому объекту, либо принадлежащему к сфере социальной ин-

фраструктуры, либо являющемуся важным географическим объектом, что и обуславливает его выбор в качестве мотивирующей основы.

Оппозиция *«параллельный / перпендикулярный»* представлена названиями, содержащими указание на особенности размещения линейного объекта без конкретизации положения наблюдателя или отношения к другому объекту: *Параллельная ул.* – дер. Протасы-Кукровские Глуб. р-на, *Поперечная ул.* – дер. Жебентяи Вг. р-на, *Угловая ул.* – дер. Барсуки Лёзн. р-на. Данная модель не является продуктивной и реализуется лишь тремя названиями с невысоким индексом частотности: *Угловая ул.* – 3 н.п., *Параллельная ул.* – 2 н.п., *Поперечная ул.* – 1 н.п.

В виконимии Белорусского Поозерья названия, включающие в свой состав компоненты бинарной оппозиции *«правый / левый»*, зафиксированы в шести населенных пунктах. При этом представлены они только четырьмя наименованиями: *Правая ул.*, *Правобереговая ул.*, *Правобережная ул.*, *Левобережная ул.* Только одно название является непроизводным по структуре – *Правая ул.* – дер. Ламти Глуб. р-на. Четыре названия разводятся по коррелятивным парам: *Левобережная ул.* и *Правобережная ул.* – дер. Клётов Двор Мёр. р-на, дер. Рымки Орш. р-на. Виколексемы *правый*, *левый* функционируют в составе сложных внутрисельских названий, употребляются для дополнительной дифференциации объектов и используются для характеристики расположения внутрисельского линейного объекта относительно гидрообъекта. В топонимии, как и в виконимии, данные компоненты также редки и в большинстве случаев являются частью составных топонимов, используются для обозначения локализации полей, покосов, населенных пунктов [Березович Е.Л., 2009, с. 96].

Таким образом, *ядро* (свыше 100–50 употреблений) семантического поля *«локализация»* формируют следующие виконимы, функционирующие на территории Белорусского Поозерья, – *Центральная ул.* (1176), *Заречная ул.* (202), *Набережная ул.* (119). *Околоядерное пространство* (50–10 употреблений) представлено названиями *Приозёрная ул.* (65), *Придорожная ул.* (20), *Дальняя ул.* (16), *Подгорная ул.* (11), *Заозёрная ул.* (11). Наименования с индексом частотности менее девяти входят в периферийную зону семантического поля. В процессе номинации не все компоненты рассмотренных оппозиций бывают задействованы, различаются они также наполняемостью и частотностью употребления. Анализ содержания ядерного и околоядерного пространств семантического поля *«локализация»* свидетельствует о фреквентативной активности конститuentов следующих семантических моделей: *«близкий / дальний»*, *«верх / низ»*, *«передний / задний»*, *«начало / конец»* – 3, 2, 2 и 1 виконим соответственно. При этом *ядро* сформировано виконимами, реализующими модели *«начало / конец»*, *«передний / задний»*, *«верх /*

низ». В системе внутрисельских названий Белорусского Поозерья общими основами для образования виконимов-конституентов как ядра, так и периферии семантического поля «*локализация*» выступают апеллятивы *гора, озеро, река*, т.е. названия природных объектов.

Необходимо отметить, что в виконимии Беларуси семантическое поле «*локализация*» структурировано следующим образом: *ядро* (свыше 100–50 употреблений) семантического поля «*локализация*» формируют виконимы *Центральная ул.* (4238), *Заречная ул.* (849), *Набережная ул.* (581), *Приозёрная ул.* (182), *Подлесная ул.* (129), *Подгорная ул.* (82), *Придорожная ул.* (59). *Околоядерное пространство* (50–10 употреблений) представлено названиями *Нагорная ул.* (41), *Привокзальная ул.* (41), *Пограничная ул.* (36), *Заозёрная ул.* (33), *Надречная ул.* (32), *Дальняя ул. / Дальний пер.* (31), *Приречная ул.* (23), *Нижняя ул.* (20), *Приречная ул.* (23), *Пригородная ул.* (20), *Верхняя ул.* (18), *Заболотная ул.* (10), *Поперечная ул.* (10), *Прибрежная ул.* (10). Частотными элементами как на территории Белорусского Поозерья, так и на территории всей Беларуси являются компоненты семантических моделей «*близкий / дальний*», «*верх / низ*», «*передний / задний*», «*начало / конец*», однако полевое распределение в двух системах не совпадает, а в белорусской виконимии высоким индексом частотности отмечена и модель «*параллельный / перпендикулярный*». Для образования виконимов Беларуси, формирующих ядро, мотивирующими основами являются названия природных объектов, в то время как в образовании внутрисельских наименований, составляющих периферию, кроме них участвуют и названия значимых архитектурных и географических объектов.

2.2.3.2 Семантическое поле «стороны света». Ориентация в пространстве по четырем сторонам света в виконимии Белорусского Поозерья реализована двумя бинарными оппозициями – «*запад / восток*» и «*север / юг*». Указанные модели реализуются в простых по составу названиях, образованных непосредственно от виноклексем *запад, восток, север, юг*: *Западная ул.* – дер. Бычково Глуб. р-на, *Восточная ул.* – аг. Калиновка Дубр. р-на, *Северная ул.* – аг. Комоски Беш. р-на, *Южная ул.* – аг. Бабиничи Орш. р-на. Следует отметить, что в виконимии других регионов Беларуси данное семантическое поле расширяется за счет двух сложных виконимов: *Северо-Западная ул.* – дер. Именин Кобр. р-на Бр. обл., *Юго-Западная ул.* – дер. Подыще Иван. р-на Бр. обл.; и четырех транслитерированных наименований: *Заходняя ул.* – дер. Теребейное Столбц. р-на Мн. обл., *Павднёвая ул.* и *Павночная ул.* – аг. Поляниновичи Бых. р-на Мг. обл., *Усходняя ул.* – дер. Искань Бых. р-на Мг. обл.

В Витебской области предпочтение отдается названиям улиц с основной *восточной* ориентации. Менее частотными оказались названия, имеющие в основе западное направление. На территории Белорусского Поозерья приоритет отдается наименованиям *Восточная ул.*, *Северная ул.*, за ними с небольшим отрывом следует виконим *Южная ул.*, а на четвертом месте находится название *Западная ул.* (таблица 2.5), в то время как в белорусской виконимии наблюдается тенденция к преобладанию названий *Восточная ул.* и *Южная ул.*, соотношение которых паритетно, а наименования *Северная ул.* и *Западная ул.* занимают третью и четвертую позиции соответственно. В белорусской культуре восток (а иногда вместе в паре с ним юг) наделяется положительной символикой и противопоставляется западу [Філіпенка У., 2011, с. 486]. В мифологии белорусов север получает отрицательное значение и символизирует холод, беду, несчастье [Швед І., 2011-б, с. 368], в отличие от юга, несущего позитивную символику и ассоциирующегося с расцветом жизненных сил природы, молодостью человека, летом [Філіпенка У., 2011, с. 367].

Таблица 2.5 – **Фреквентативные особенности виконимов, образующих семантическое поле «стороны света»**

	Бр. обл.	Вг. обл.	Гм. обл.	Гр. обл.	Мг. обл.	Мн. обл.	Всего
<i>Южная ул. / Южный пер.</i>	84	54	33	12	69	79	331
<i>Восточная ул. / Восточный пер.</i>	77	79	22	15	57	75	325
<i>Северная ул. / Северный пер.</i>	76	60	22	6	42	59	265
<i>Западная ул. / Западный пер.</i>	58	21	6	11	26	37	159

В русской мифологии оппозиции «*восток / запад*», «*север / юг*» несут ту же коннотацию, что и в белорусской. Противопоставление «*восток / запад*» определяется соотношением «*хороший / плохой*». Восток, таким образом, наделяется смысловой символикой святости, праведности, справедливости, благополучия, изобилия, жизненности, изначальности, а Запад – нечистоты, неправедности, бедствия, смертности, завершенности [Толстой Н.И., 1995, с. 445].

Русские ученые В.В. Иванов и В.Н. Топоров также считают, что восток и юг являются носителями положительного значения в славян-

ском фольклоре и ритуале, связывая компонент *юг* с солнцем, днем, летом, теплом [Иванов В.В., Топоров В.Н., 1965, с. 112]. Если в виконимии Беларуси наиболее частотны названия, мотивированные понятиями *восток* и *юг*, что подтверждает устоявшуюся в мифологии и этнолингвистике систему интерпретаций сторон света, то, по данным Е.Л. Березович, в русской топонимии преобладают *северные* названия [Березович Е.Л., 2009, с. 111], а количество *восточных* и *западных* весьма невелико [Березович Е.Л., 2009, с. 114]. В виконимии же Белорусского Поозерья название *Северная ул.* занимает вторую позицию из четырех, а в системе внутрисельских названий Беларуси – третью.

Компоненты, входящие в семантическое поле «*стороны света*», взаимодействуют как в рамках одной модели, образуя коррелятивные пары (*Восточная ул. – Западная ул.* – дер. Зуи Лёзн. р-на, дер. Неклюдово Тол. р-на; *Северная ул. – Южная ул.* – дер. Красный Двор Вт. р-на, аг. Глыбочка Уш. р-на), так и в рамках двух, создавая пространственную диаду (*Южная ул. – Восточная ул.* – аг. Октябрьская Вт. р-на, дер. Огородники Вт. р-на; *Восточная ул. – Северная ул.* – аг. Верховье Беш. р-на, дер. Заречье Вт. р-на, п. Липовцы Вт. р-на; *Западная ул. – Северная ул.* – дер. Емельяново Лёзн. р-на). В границах сельского населенного пункта встречаются и трехкомпонентные ряды названий: *Северная ул. – Восточная ул. – Южная ул.* – дер. Дреколье Вт. р-на, дер. Сокольники Вт. р-на, дер. Лозичи Глуб. р-на.

Деревни, как правило, занимают небольшую площадь, поэтому представляется актуальной параметризация пространства по сторонам света. Этот признак нивелируется в урбанонимии, так как возможность ориентации в городской среде по названиям, мотивированным наименованиями сторон света, ослаблена в результате того, что город, по сравнению с деревней, занимает большее географическое пространство. Превалирование некоррелятивных пар и трехкомпонентных рядов является спецификой виконимии. Сельские населенные пункты проецируются с учетом географического своеобразия местности, ее рельефных и ландшафтных особенностей.

Таким образом, семантическое поле «*стороны света*» конструируется при помощи двух моделей: «*запад / восток*», «*север / юг*». В первой преобладают названия, имеющие в составе виколексему *восток*, во второй – *север*. Они и образуют *ядро* семантического поля – *Восточная ул.* (79), *Северная ул.* (60). Околоядерное пространство формируют внутрисельские названия *Южная ул.* (54), *Западная ул.* (21). Однако следует отметить, что соотношение виконимов *Северная ул.* и *Южная ул.* незначительно разнится. Остальные названия, употребленные единично (к примеру, числовые виконимы, содержащие добавочное временное или пространственное значение, – *1-я Южная ул.*, *2-я Юж-*

ная ул. – дер. Новые Волосовичи Леп. р-на), составляют периферийную зону. В виконимии же Беларуси **ядро** семантического поля образовано виконимами *Южная ул.* (331), *Восточная ул.* (325), а **околядерное пространство** – внутрисельскими названиями *Северная ул.* (265), *Западная ул.* (159).

2.2.3.3 Семантическое поле «величина». Пространство трехмерно, то есть имеет длину, высоту, ширину. Понятие *величина* имеет несколько определений: 1) размер, объем, протяжение чего-либо; 2) все, что можно измерить или исчислить [ССРЛЯ, 1951, т. 2, с. 151–152]. Ввиду этого, данное поле в виконимии Белорусского Поозерья конструируется при помощи моделей *«широкий / узкий»*, *«малый / большой»*, *«высокий / низкий»*, *«длинный / короткий»*. По нашим данным, в системе внутрисельских названий Беларуси функционирует еще одна модель, не получившая распространения в виконимии анализируемого региона, – *«симметричный / асимметричный»*.

Бинарная оппозиция *«широкий / узкий»* реализуется при помощи трех виконимов, частотность которых достигает девяти употреблений: *Широкая ул. – дер. Пуца 1 Пост. р-на*, *Узкая ул. – аг. Друя Брасл. р-на* и *Просторная ул. – дер. Гвоздовичи Пост. р-на*. Последнее название восходит к лексеме *простор*, что значит 1) свободное, ничем не стесненное пространство; 2) (*перен.*) отсутствие каких-либо ограничений, стесненный в чем-либо; свобода, раздолье [ССРЛЯ, 1961, т. 11, с. 1400–1401]. Для виконимии прерогативным является первое значение, соотносимое с пространственными характеристиками. Наиболее распространен виконим *Широкая ул. – 6 н.п.*

Бинарная пространственная оппозиция *«малый / большой»* апеллирует к размеру внутрисельского линейного объекта (*Малая ул. – дер. Дегтяри Докш. р-на*) и представлена в виконимии Белорусского Поозерья названиями, мотивированными первым компонентом оппозиции. Общее количество конститuentов, составляющих данную антонимическую пару, – 5 виконимных единиц. *Малая ул. / Малый пер.* зафиксированы в трех населенных пунктах. Данная семантическая модель эксплицируется в сложных названиях, проприальная часть которых включает два прилагательных или прилагательное и существительное: *ул. Мало-Набережная – дер. Придвинье Беш. р-на*, *ул. Малые Панкры – дер. Панкры Гор. р-на*. В двухкомпонентных виконимах собрано несколько мотивировочных признаков и пространственный в данном случае является вторичным.

Если в виконимии Беларуси количественно названия, мотивированные виноклексемами *высокий*, *низкий*, образующие соответствующую пространственную семантическую модель, соотносятся приблизительно как 3:1 (26 и 8 единиц) (*Низкая ул. – дер. Валерьяново Мн. р-на*

Мн. обл.), то в системе внутрисельских названий Белорусского Поозерья реализуется лишь первый компонент бинарной оппозиции. В рамках противопоставления «*высокий / низкий*» описывается протяженность линейного объекта по вертикали: *высокий* – значит «обладающий значительной высотой, большой протяженностью от низу до верху; значительно возвышающийся над уровнем моря (противопологается низкому)» [ССРЛЯ, 1951, т. 2, с. 1228], *низкий*, в противоположность, – «имеющий небольшую протяженность от низа до верха; малый по высоте; находящийся, расположенный на небольшой высоте от земли, от поверхности чего-либо» [ССРЛЯ, 1958, т. 7, с. 1295–1296]. В ойконимии, равно как и в виконимии, название присваивается объекту с учетом его исключительных характеристик. Принимая во внимание этот факт, мы можем ответить на вопрос, почему большее распространение получил именно первый компонент оппозиции: для Беларуси в целом характерен равнинный, то есть нейтральный, рельеф, на фоне которого выступают возвышенные участки земли. Необычность рельефа местности, на которой расположен сельский населенный пункт и сам линейный объект, служит важнейшим мотивировочным признаком.

Семантическую модель «*длинный / короткий*» представляют названия *Долгая ул.* – аг. Николаево Мёр. р-на и *Короткая ул.* – дер. Васнево Орш. р-на. Общее количество единиц, ее реализующих, – 3. *Длинный* определяется как «имеющий большую длину или протяжение» [ССРЛЯ, 1954, т. 3, с. 819]. Виконим *Долгая ул.*, вмещающая идею продолжительности, длительности, способен выражать признак формы или времени. Основное значение слова *долгий* – «длящийся в течение значительного времени; продолжительный» [ССРЛЯ, 1954, т. 3, с. 931], однако есть устаревшее значение, которое может употребляться в просторечии – «имеющий большое протяжение, длинный» [ССРЛЯ, 1954, т. 3, с. 932]. *Длинные* и *короткие* виконимы конкретизируют протяженность линейного объекта по горизонтали и не образуют соотносительных рядов. В топонимии Русского Севера, по данным Е.Л. Березович, реализация протяженности может осуществляться и метрологическим путем (с указанием длины объекта или расстояния от исходной точки до него) [Березович Е.Л., 2009, с. 178].

В виконимии Беларуси получает распространение еще одна модель, не реализованная в системе внутрисельских названий Белорусского Поозерья – антонимическое сочетание «*симметричный / асимметричный*». Данную оппозицию формируют наименования *Прямая ул.* – дер. Субочи Вил. р-на Мн. обл., *Ровная ул.* – дер. Коробчицы Гр. р-на Гр. обл., *Косой пер.* – п. Пионер Гм. р-на Гм. обл., *Кривой пер.* – дер. Нижний Теребежов Стол. р-на Бр. обл., *Наклонная ул.* – дер. Осташково Вил. р-на Мн. обл. Данная группа названий немногочисленна (количе-

ство фиксаций – 19). Преобладают виконимы, соотносимые с категорией симметричности (*Прямая ул.*, *Ровная ул.*). Из них наиболее распространен виконим *Прямая ул.* – 14 н.п. Основные характеристики симметрии – однородность и изотропность пространства. Использование *симметричных* названий объясняется стремлением указать на особый, соразмерный в расположении частей характер ландшафта, *асимметричных* – на природный рельеф сельской местности, над которым не осуществлялись никакие преобразования и которому свойственна неоднородность.

В виконимии Белорусского Поозерья семантическое поле «*величина*» конструируется следующим образом: *ядро* формирует конститuent *Широкая ул.* (6), а околядерное пространство – названия *Высокая ул.* (4), *Малая ул.* (3). В виконимии Беларуси наблюдается такая же тенденция, а околядерное пространство расширяется за счет двух наименований: *ядро* – виконим *Широкая ул. / Широкий пер.* (58), а *околядерное пространство* – названия *Короткая ул. / Короткий пер.* (39), *Высокая ул. / Высокий пер.* (26), *Малая ул. / Малый пер.* (21), *Прямая ул.* (14).

Таким образом, применительно к территории Белорусского Поозерья можно говорить о том, что географическую составляющую ВКМ образуют три семантических поля: «*локализация*», «*стороны света*», «*величина*». Ономастическое поле «*локализация*» является наиболее семантически наполненным и реализуется пятью моделями. Из них, по нашим данным, наиболее продуктивны следующие: «*близкий / дальний*», «*верх / низ*», «*передний / задний*», «*начало / конец*». Принимая за точку отсчета в сельском населенном пункте позицию номинатора, делаем вывод о том, что наибольшую этнокультурную ценность несут названия, имеющие в составе виколексему *центральный*. Идея близости слабо актуализирована в виконимном пространстве в связи с относительно низкими различительными возможностями близлежащих объектов, которых больше, чем отдаленных. Если пунктом отсчета выступает значимый архитектурный или природный объект, на первый план выдвигаются виконимы, представляющие компоненты *задний*, *близкий*, *верхний*, *нижний*, детерминируя местоположение линейного объекта относительно другого, естественно или искусственно созданного.

Семантическое поле «*стороны света*» представлено двумя семантическими моделями. Виконимии Беларуси присущи *южные* и *северные* названия, образованные от соответствующих сторон света.

Виконимы, включающиеся в семантическое поле «*величина*», обладают наименьшими фреквентативными характеристиками как на территории Белорусского Поозерья, так и на территории Беларуси и наименьшим количеством конститuentов. Модели «*малый / большой*», «*длинный / короткий*», «*высокий / низкий*», «*широкий / узкий*», представляющие данное поле, малопродуктивны по сравнению с моделями семантических по-

лей «локализация» и «стороны света». В некоторых бинарных оппозициях основой для образования виконимов выступает только один из компонентов (малый в модели «*малый / большой*» и высокий в модели «*высокий / низкий*»), а бинарная оппозиция «*симметричный / асимметричный*», реализуясь в виконимии Беларуси, не репрезентирована в системе внутрисельских названий Белорусского Поозерья.

2.2.4 Историческая составляющая виконимической картины мира

Виконимы обладают богатым информационным потенциалом. Поселения и улицы, находящиеся на их территории, могут выступать объектами историко-культурного наследия, а их названия транслируют важную информацию о событиях прошлого и настоящего.

Многие ученые подчеркивали историческую значимость наименований объектов. Л.М. Лыч писал, что названия городских и сельских улиц являются эффективным средством сохранения исторического и духовного наследия нашего народа [Лыч Л.М., 1994, с. 87]. Важнейшими хранителями истории города считает наименования внутригородских линейных и территориальных объектов А.М. Мезенко [Мезенко Г.М., 2008-а, с. 3]. Названия многих улиц и площадей, как отмечал В.А. Жучкевич, говорят об истории города, событиях и людях [Жучкевич В.А., 1979]. На конференции «Исторические названия – памятники культуры», проведенной в 1991 г. в Москве, академик Д.С. Лихачёв выступил с докладом «Достоинство имени», в котором обратил внимание на то, что «имя человека, имена мест, его окружающих, неразрывно связаны с его историей и культурой» [Лихачёв Д.Н., 1991, с. 2]. По его мнению, «памятниками духовной культуры особого рода являются исторические географические названия – имена градов и весей, улиц и площадей, застав и слобод» [Лихачёв Д.Н., 1991, с. 2].

Историческая составляющая виконимической картины мира моделируется на основе названий внутрисельских линейных объектов, формирующих информационные поля «*историческая память*», «*историческое время*», «*историческая эпоха*».

2.2.4.1 Информационное поле «историческая память». В современной науке активно разрабатывается теория *исторической памяти*. Следует заметить, что память – это ментальное явление, превращающееся в социально-ментальное или социокультурное, «когда речь идет о социологическом анализе, который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о прошлом» [История и память, 2006, с. 20]. По определению Л.П. Репиной, историческая память – «одно из измерений индивидуаль-

ной и коллективной / социальной памяти, это память об историческом прошлом или, вернее, его символическая репрезентация» [История и память, 2006, с. 23]. Она передает сведения о прошлом и является важным элементом самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом.

Французский социолог М. Хальбвакс, основатель теории исторической памяти [Хальбвакс М., 2005], подчеркивает важность мест памяти или мнемонических мест. Концепцию мест памяти продолжает историк П. Нора. Под его руководством создается одноименный коллективный труд «Les lieux de mémoire», в написании которого приняли участие более ста известных ученых [Франция-память, 1999]. Книга «Франция-память» представляет собой первый перевод на русский язык основных текстов данного 7-томного издания [Франция-память, 1999]. Мнемонические места вызывают воспоминания о прошлом. Однако эти воспоминания создаются в результате интеграции специфических образов, созданных в настоящем и отождествляющихся с прошлым.

В одной из своих публикаций П. Нора утверждает, что мы живем в эпоху всемирного торжества памяти. Изменение отношения к прошлому выразилось в проявлении повышенного интереса к культуре корней, развитию генеалогических изысканий, увеличении числа музеев и т.д. [Нора П., 2005, с. 202].

Многие виконимы возникают как названия-посвящения, выполняя меморативную функцию, то есть функцию сохранения памяти о великих людях, участниках исторических событий. Герои, именами которых названы наши улицы, проявили смелость, мужество, героизм в боях за Родину. Выбор имени в качестве основы не является случайным. Учитываются меморативные интенции номинатора, базирующиеся на аксиологических характеристиках антропонимного образования, выступающего мотивирующей основой.

В виконимии Беларуси информационное поле *«историческая память»* сформировано при помощи названий, образованных от фамилий участников исторических событий. Данное поле состоит из следующих тематических групп: *«участники Отечественной войны 1812 г.»*, *«участники Великой Отечественной войны»*, *«участники Афганской войны»*. Вышеуказанные группы неоднородны по составу и фреквентативным показателям конститuentов и выделены на основе таких признаков, как семантическая общность компонентов, прецедентность имени, индекс частотности.

В виконимии Белорусского Поозерья функционируют единичные названия, апеллирующие и к другим историческим событиям, как правило, XIII–XVIII вв.

Так, о событиях *XIII в.* напоминает название *ул. А. Невского* (1 н.п.) – государственного деятеля и полководца Древней Руси, новгородского князя и великого князя владимирского [Их именами названы, 1987, с. 26].

Зафиксированы и виконимы, мотивированные фамилией участника исторических событий *XVI–XVIII вв.*:

1) *ул. Сапеги* (Вт. обл. – 2 н.п.). Линейный объект получил название по фамилии белорусского государственного деятеля Великого княжества Литовского Льва Ивановича Сапеги, уроженца населенного пункта Островно Бешенковичского района Витебской области [Энциклопедия гісторыі Беларусі, 2001, т. 6, с. 222], где расположена улица, названная в его честь;

2) *ул. Суворова* (Вт. обл. – 4 н.п.) – аг. Светлосельский Шум. р-на.

Тематическую группу «*участники Отечественной войны 1812 г.*» составляют виконимы, основой для возникновения которых послужили фамилии участников события: *ул. Кульнева* – дер. Азино Пол. р-на Вт. обл. (в честь Героя Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенанта Кульнева Якова Петровича [Их именами названы, 1987, с. 337]), *ул. Кутузова* – дер. Городец Шарк. р-на, *ул. Сеславина* (по фамилии Александра Никитича Сеславина, Героя Отечественной войны 1812 г., участника Русско-французской и Русско-турецкой войн [Мезенка Г.М., 2008, ч. 2, с. 175]) – аг. Крулевщина Докш. р-на Вт. обл.

Нашли отражение в виконимии Белорусского Поозерья и события революций начала *XX в.* Фамилиями русских революционеров названы *ул. Буйко* – аг. Германовичи Шарк. р-на, *ул. Свердлова* – аг. Лукомль Чашн. р-на.

На территории Белорусского Поозерья зарегистрирован виконим, восходящий к фамилии участника Гражданской войны – *ул. Чапаева* – дер. Леонполь Мёр. р-на Вт. обл.

Самым трагическим событием в истории *XX в.* стала Великая Отечественная война. Фамилии советских военачальников, партизан и подпольщиков, действовавших на территории нашей страны, участников освобождения Беларуси увековечены в названиях *ул. М.А. Анискина* (по фамилии Анискина Михаила Александровича, участника освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза [Их именами названы, 1987, с. 32]) – аг. Студенка Сен. р-на, *ул. Бельской* (по имени Бельской Анастасии Давыдовны, участницы партизанского движения на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны [Их именами названы, 1987, с. 63]) – аг. Лужки Шарк. р-на, *ул. Данукалова* (по фамилии Данукалова Алексея Фёдоровича, одного из организаторов и руководителей партизанского движения на территории Витебской об-

ласти в годы Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза [Их именами названы, 1987, с. 177–178]) – аг. Великие Дольцы Уш. р-на.

Группа *«участники Великой Отечественной войны»* – наиболее наполненная во всех областях. В виконимии в качестве основы для образования наименований линейных объектов используются фамилии местных жителей, участников события, либо людей из другой местности, сражавшихся на территории населенного пункта.

Последнюю группу *«участники Афганской войны»* формируют виконимы, мотивированные фамилиями воинов-интернационалистов: ул. *А. Сухвала* (по фамилии Александра Михайловича Сухвала, заместителя командира взвода, младшего сержанта, уроженца Бешенковичского района [Республиканская книга Памяти воинов-интернационалистов, 1999, с. 616]) – аг. Верхнее Кривино Беш. р-на Вт. обл. В качестве основы для номинации используются имена местных жителей.

В виконимии Беларуси данное информационное поле расширяется за счет следующих названий, восходящих к фамилиям деятелей *XVI–XVIII вв.*:

1) ул. *Б. Хмельницкого* (Гм. обл. – 1 н.п.). Наименование присвоено в честь Хмельницкого Богдана (Зиновия) Михайловича, украинского государственного и военного деятеля, полководца, гетмана Украины, родители которого являются выходцами из Беларуси [Их именами названы, 1987, с. 647];

2) ул. *Разина* / ул. *С. Разина* (Бр. обл. – 2 н.п.), названная по фамилии Разина Степана Тимофеевича, предводителя Крестьянской войны 1670–1671 гг. [Их именами названы, 1987, с. 509];

3) ул. *Костюшко* / ул. *Т. Костюшко* (Бр. обл. – 4 н.п., Мг. обл. – 1 н.п.). Название присвоено в честь Костюшко Андрея Тадеуша Бонавентуры, политического и военного деятеля Речи Посполитой, руководителя национально-освободительного восстания 1794 г. в Польше, Беларуси, Литве [Их именами названы, 1987, с. 309]. В Могилёвской области деревня Трегубово, где расположена ул. *Т. Костюшко*, переименована в Костюшково. В Брестской области, уроженцем которой является Т. Костюшко, зафиксировано больше всего названий, данных в его честь (аг. Остромечево Бр. р-на, дер. Галево Пинск. р-на, дер. Малые Сехновичи Жаб. р-на, дер. Новосёлки Берёз. р-на). С некоторыми населёнными пунктами непосредственно связана судьба деятеля. Так, в деревне Малые Сехновичи, которая была владением семьи Костюшко, Тадеуш провел детские годы, здесь же он жил после возвращения из США в течение 1785–1789 гг. В деревне ему поставлен памятник, с 2002 г. функционирует мемориальная комната [Гарады і вёскі, 2006, т. 3, кн. 1, с. 333–334]. Его именем названы «самая высокая гора Австралии, один из округов штата Индиана, город в штате Миссисипи, острова на Аляске» [Регионы Беларуси, 2009, т. 1, с. 505].

Каждое историческое событие указанного временного периода представлено в виконимии Беларуси именем только одного участника, поэтому данные названия не формируют отдельных тематических групп. Стоит отметить, что виконимы *ул. Сапеги*, *ул. Костюшко* / *ул. Т. Костюшко* непосредственно связаны с историей населенного пункта, в котором расположены.

В виконимии Беларуси нашло отражение еще одно событие *XIX в. – восстание 1863–1864 гг. в Беларуси и Литве*. В честь его руководителя Кастуся Калиновского (Константина Викентия Семёновича), белорусского революционера-демократа и мыслителя [Их именами названы, 1987, с. 253], названа *ул. Калиновского* / *ул. К. Калиновского* (Бр. обл. – 1 н.п., Гр. обл. – 4 н.п., Мг. обл. – 1 н.п., Мн. обл. – 3 н.п.). Деревня Миловиды Барановичского района Брестской области, где расположена *ул. Калиновского*, была одним из центров восстания 1863–1864 гг. А 20 мая 1863 г. К. Калиновский посетил Миловидский лагерь [Гарады і вёскі, 2006, т. 3, кн 1, с. 61].

На *XIX в.* приходится деятельность государственного деятеля, коллекционера, нумизмата Эмерика Карловича Чапского, а также его сына Кароля Эмериковича Чапского – с 1882 г. администратора владений в Станькове, а с 1890 г. губернатора Минска – *ул. Чапского* / *ул. Графа Чапского* (Мн. обл. – 2 н.п.). Деревня Станьково Дзержинского района Минской области, в которой находится *улица Чапского*, является их родиной. В 1860-е гг. владелец имения Э. Чапский создал тут музей, который перевез в 1894 г. в Краков [Валаханович А.И., 1986, с. 187].

Один внутрисельский линейный объект получил наименование в честь уроженца Копыльского района Толпеко Кузьмы Антоновича, участника антивоенного движения на фронте в годы Первой мировой войны [Их именами названы, 1987, с. 607]: *ул. Толпеко* – аг. Грозово Коп. р-на Мн. обл.

В виконимии Беларуси может быть выделена тематическая группа *«участники борьбы за утверждение советской власти»*, не репрезентированная в виконимии Белорусского Поозерья. Она включает виконимы, образованные от имен участников борьбы за утверждение советской власти, революционного и национально-освободительного движения в Западной Беларуси: *ул. С. Богданчука* (в честь Богданчука Сергея Ефимовича, деятеля революционного движения в Западной Беларуси, уроженца населенного пункта [Их именами названы, 1987, с. 79]) – аг. Костени Сл. р-на Гр. обл., *ул. Бритова* (по фамилии Бритова Егора Артёмовича, участника борьбы за утверждение Советской власти на территории Гомельской области, уроженца населенного пункта [Их именами названы, 1987, с. 89–90]) – аг. Малые Немки Ветк. р-на Гм. обл., *ул. Самойловича* (в честь Самойловича Дмитрия Степановича, участни-

ка борьбы за утверждение Советской власти в западных областях Беларуси, уроженца населенного пункта [Их именами названы, 1987, с. 531–532]) – аг. Хорева Пруж. р-на Бр. обл.

В деревне Турцевичи Калининковского района Гомельской области зарегистрирована ул. *Турцевича* (Гм. обл. – 1 н.п.). Название линейному объекту присвоено в честь участника советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Турцевича Николая Фёдоровича [Герои Советского Союза, 1987, т. 1, с. 611].

Таким образом, конституенты информационного поля «*историческая память*», функционирующие на территории Белорусского Поозерья, характеризуются невысоким индексом частотности. **Ядро** поля формирует название ул. *Заслонова* (7), **околоядерное пространство** – ул. *Шмырёва* (5), ул. *Кирова* (4), ул. *Королёва* (4), ул. *Сильницкого* (4), ул. *Суворова* (4); **ближняя периферия**: ул. *Данукалова* (3), ул. *Доватора* (3), ул. *Кульнева* / ул. *имени Генерала Кульнева* (3), ул. *Кутузова* (3), ул. *Смирнова* (3); **дальняя периферия**: ул. *Калинина* (2), ул. *Крупской* (2), ул. *Луговского* (2), ул. *Машерова* / ул. *П.М. Машерова* (2), ул. *Рудыка* (2), ул. *Угловского* (2), ул. *Фрунзе* (2).

В виконимии Беларуси информационное поле «*историческая память*» имеет следующую структуру: **ядерное пространство** (100–50 употреблений) формируют виконимы ул. *Чапаева* (80), ул. *Заслонова* (53); **околоядерное пространство** (49–10 употреблений) занимают названия – ул. *Суворова* (46), ул. *Гастелло* (25), ул. *Будённого* (23), ул. *Матросова* (23), ул. *Кутузова* (15), ул. *Щорса* (15), ул. *Доватора* (12), ул. *Жукова* (12), ул. *Космодемьянской* / ул. *З. Космодемьянской* / ул. *Зои Космодемьянской* (12); в **ближнюю периферию** (9–2 употребления) включены названия ул. *М. Казея* / ул. *Марата Казея* (9), ул. *Калиновского* / ул. *К. Калиновского* (9), ул. *Черняховского* (5), ул. *Костюшко* / ул. *Т. Костюшко* (5), ул. *Невского* / ул. *А. Невского* (3), ул. *Разина* / ул. *С. Разина* (2), ул. *Сапеги* (2), ул. *Чапского* / ул. *Графа Чапского* (2); в **дальнюю** – наименования, встречающиеся единично. Однако принадлежность онима к периферийной зоне информационного поля ни в коем случае не влияет на его аксиологические характеристики.

Так, высокие фреквентативные показатели виконима свидетельствуют о высоком уровне прецедентности имени собственного, положенного в основу. Напротив, единично зафиксированные названия «ближе» к истории региона и являются регионально прецедентными. Спецификой виконимии в сравнении с урбанонимией является преобладание названий, основой для образования которых выступили фамилии местных жителей или уроженцев района.

Информационное поле «*историческая память*» формируют пять групп, из числа которых наибольшим количеством конституентов отме-

чена группа *«участники Великой Отечественной войны»*. Виконимы, как и урбанонимы, служат «ориентирами» во временном пространстве истории, создают при этом историко-культурный облик страны.

2.2.4.2 Информационное поле «историческое время». Наряду с общим историческим процессом каждый регион переживает свою историю. Даты ее событий фиксируются в названиях внутрисельских линейных объектов.

Первоначально лингвистика изучала время как грамматическую категорию. Относительно недавно его стали рассматривать в качестве элемента языковой картины мира. «Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность как понимание времени. В нем воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам», – писал А.Я. Гуревич [Гуревич А.Я., 1984, с. 103]. «Время и пространство – определяющие параметры существования мира, основополагающие формы человеческого опыта» [Гуревич А.Я., 1984, с. 43]. По мнению Л.Н. Михеевой, циклическая и линейная модели времени «отражают два восприятия жизни, обусловленные типами сознания – космологическим и историческим» [Михеева Л.Н., 2006, с. 34]. Автор полагает, что в данных моделях категория времени предстает как концептуальная и языковая, а шире – как «лингвокультурологическая, то есть языковыми средствами выражающая представления о времени, сформировавшиеся в сознании человека и в культуре» [Михеева Л.Н., 2006, с. 34].

Ученые выделяют различные виды времени (концептуальное, перцептуальное, природное, биологическое, социальное и т.д.). В виконимах, анализируемых в данном параграфе, экспонируется историческое время, представленное в календарно-событийной форме. Данные внутрисельские наименования целесообразно рассматривать в рамках поля *«историческое время»*, так как в основе названия – дата события.

Информационное поле *«историческое время»* представлено тематическими группами *«юбилеи»*, *«государственные праздники и общереспубликанские праздничные дни»*, *«исторические значимые события»*, *«религиозные праздники»*.

По количеству конститuentов тематическая группа *«юбилеи»* является наибольшей. В названиях, ее формирующих, запечатлены юбилейные даты годовщин Октябрьской революции, Победы в Великой Отечественной войне, организации колхозов, иными словами, событий советского периода: *ул. 70 лет Октября* – аг. Бабиничи Орш. р-на, *ул. 60 лет Колхоза* – аг. Черейщина Леп. р-на, *ул. 40 лет Победы* – аг. Камаи, Мосты Пост. р-на. По мнению А.М. Мезенко, главное в таких

названиях – «проекция «нового» восприятия на его “старые” идеи и возникающая вследствие этого переключки смыслов» [Мезенко А.М., 2011-а, с. 349]. Данные наименования и «связывают» события прошлого с настоящим, и носят меморативный характер. К этой же группе условно относится виконим *Юбилейная ул.*, зарегистрированный в 54 сельских населенных пунктах Белорусского Поозерья. Основой для образования внутрисельского названия послужила лексема *юбилей*. Однако указание на конкретное событие или дату в наименовании не содержится, ввиду чего можно говорить о том, что данное название обладает невысокой информативностью.

Стоит заметить, что в виконимии Беларуси находим названия, свидетельствующие об образовании БССР, СССР, организации Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи: *ул. 40 лет БССР* – аг. Стодоличи Лельч. р-на Гм. обл., *ул. 60 лет СССР* – аг. Ореховка Клич. р-на Мг. обл., *ул. 70 лет ВЛКСМ* – дер. Романовичи Гм. р-на Гм. обл.

В системе внутрисельских названий Белорусского Поозерья преобладают наименования, знаменующие 60-летие события: *ул. 60 лет Октября* (2 н.п.), *ул. 60 лет Победы* (2), *ул. 60 лет Колхоза* (1); зафиксированы онимы, данные в честь 40- и 70-летия события: *ул. 40 лет Победы* (3 н.п.), *ул. 70 лет Октября* (2).

В белорусской же виконимии функционируют наименования, основой для образования которых послужили годовщины, кратные десяти, за исключением одного названия: *ул. 55 лет Победы* – аг. Ерёмно Гм. р-на Гм. обл. В основном это юбилеи в честь 40-, 50-, 60-, 70-летия события: *ул. 40 лет ЛКСМБ* – дер. Тумаши Лях. р-на Бр. обл., *ул. 50 лет СССР* – аг. Заширье Ельск. р-на Гм. обл., *ул. 60 лет Октября* – аг. Рованичи Черв. р-на Мн. обл., *ул. 70 лет Беларуси* – дер. Теплухи Осип. р-на Мг. обл. Только четыре названия приурочены к 10-, 20-, 30-летиям: *ул. 10 лет БССР* – аг. Сосны Люб. р-на Мн. обл. (основой для образования виконима могло выступить наименование совхоза «Десятилетие БССР», центр которого располагался в указанном населенном пункте), *ул. 20 лет БССР* – аг. Оздятичи Борис. р-на Мн. обл., *ул. 30 лет Освобождения БССР* – аг. Козловка Светлог. р-на Гм. обл., *ул. 30 лет Победы* – дер. Микитск Дрог. р-на Бр. обл., дер. Первомайск Солиг. р-на Мн. обл. По данным российского ученого А.Н. Соловьёва, в урбанонимии Смоленской области фигурируют *ул. 12 лет Октября* – г. Смоленск, *ул. 14 лет Октября* – г. Рудня [Соловьёв А.Н., 2013, с. 269]. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала подтвердил, что количество юбилейных внутрисельских названий увеличивается по мере хронологического удаления от исторического события (см. таблицу 2.6).

Таблица 2.6 – Фреквентативные особенности виконимов, составляющих тематическую группу «юбилей»

	Бр. обл.	Вт. обл.	Гм. обл.	Гр. обл.	Мг. обл.	Мн. обл.	Всего
<i>Ул. 70 лет Октября</i>	17	2	12	4	5	6	46
<i>Ул. 60 лет Октября</i>	24	2	5	7	1	5	44
<i>Ул. 40 лет Победы</i>	11	3	13	6	2	6	41
<i>Ул. 60 лет Победы</i>	13	2	1	2	2	2	22
<i>Ул. 60 лет БССР</i>	8	–	3	1	1	–	13
<i>Ул. 50 лет БССР</i>	–	–	6	3	–	2	11

В виконимии Белорусского Поозерья с *государственными праздниками и общереспубликанскими памятные днями* связаны следующие названия, представленные точным календарным временем: *Первомайская ул.* – дер. Дыманово Вт. р-на, *ул. 3-го Июля* – дер. Гурбы Глуб. р-на, *ул. 8 Марта* – аг. Крулевщина Докш. р-на, *ул. Победы* – аг. Стаи Леп. р-на.

Праздники 1-е Мая (День Труда), 8-е Марта (Международный женский день), 9-е Мая (День Победы) получили мировое признание и стали международными. «Впервые день международной солидарности трудящихся был отмечен в 1890 году в Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Дании, Испании, Италии, США, Норвегии, Франции, Швеции и некоторых других странах» [Праздник Труда]. Первомай некоторое время был символом революции. В настоящее время этот праздник отмечается в 142 странах мира первого мая или в первый понедельник мая [Праздник Труда]. В виконимии Белорусского Поозерья зафиксировано название атрибутивного типа – *Первомайская ул.*, – а в виконимии Беларуси функционируют еще номинативная и генитивные формы: *ул. 1 Мая ул.*, *ул. 1-го Мая*, *ул. Первомай.*

Предпосылки зарождения праздника 8-е Марта возникают в середине XIX в., идея его проведения – в начале XX в., а в 1910 г. в Копенгагене на второй Международной конференции работающих женщин «лидер женской группы социал-демократической партии Германии Клара Цеткин выдвинула идею празднования Международного женского дня» [Международный женский день]. Название улицы, мотивированное наименованием данного праздника, в виконимии Белорусского Поозерья представлено номинативной формой, а в виконимии Беларуси еще генитивной: *ул. 8 Марта*, *ул. 8-го Марта*.

День Октябрьской революции (7-е Ноября) до сих пор отмечается в некоторых странах, входивших в состав СССР, и с ним в виконимии Белорусского Поозерья ассоциируются названия *Октябрьская ул.* – аг. Козяны Брасл. р-на, *ул. Октября* – аг. Опса Брасл. р-на. На территории Беларуси встречаются названия *ул. Октябрьской Революции* – дер. Березняки Кам. р-на Бр. обл., *ул. 7 Ноября* – аг. Войская Кам. р-на Бр. обл.

День Победы (9-е Мая) – один из самых важных и почитаемых праздников, который отмечается в бывших советских республиках и во многих странах Европы. В виконимии Белорусского Поозерья он представлен непосредственно наименованием самого праздника: *ул. Победы* (14 н.п.), в то время как в системе внутрисельских названий Беларуси зарегистрированы номинативная и генитивная формы названия, восходящие к дате события: *ул. 9 Мая* / *ул. 9-го Мая* (14 н.п.).

Белорусским национальным считается праздник 3-го Июля. В этот день отмечается День Независимости Республики Беларусь. Выбор даты обусловлен тем, что 3 июля 1944 г. Минск был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В виконимии Белорусского Поозерья праздник представлен внутрисельскими названиями генитивной формы: *ул. 3-го Июля*, а в сельской годонимии Беларуси зарегистрирована и номинативная форма *ул. 3 Июля*.

Тематическая группа *«исторические значимые события»* в виконимии Белорусского Поозерья представлена лишь одним названием – *ул. 17 Сентября* – аг. Лужки Шарк. р-на.

Дата *17-е Сентября* национально значима, так как знаменует присоединение Западной Беларуси к восточной части БССР. Виконим *ул. 17 Сентября* является наиболее частотным в данной тематической группе. Высокие количественные показатели зафиксированы в Брестской, Минской и Гродненской областях.

Стоит заметить, что данная тематическая группа *«исторические значимые события»* немногочисленна и на территории Беларуси, ее формируют такие названия, как *ул. 9-й Пятилетки* – дер. Ольпень Стол. р-на Бр. обл., *ул. 12 Апреля* – аг. Красное Гм. р-на Гм. обл.

В одном сельском населенном пункте зарегистрирована *ул. 12 Апреля*, получившая название в честь Всемирного Дня авиации и космонавтики. Именно в этот день в 1961 г. Ю.А. Гагарин совершил первый полет в космическое пространство.

Единичной фиксацией отмечено название *ул. 9-й Пятилетки*, отсылающее к периоду 1971–1975 гг. Главная задача пятилетки заключалась в обеспечении значительного подъема «материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности и ускорения роста производительности труда» [Большая советская энциклопедия, 1975, т. 21, с. 289].

В виконимии Белорусского Поозерья находим и отдельные названия, образованные от экклезионимов, мотивированных наименованиями церковных праздников: *Покровская ул. (Церковь Покрова Пресвятой Богородицы)* – дер. Ланенка Дубр. р-на, *Спасо-Преображенская ул. (Спасо-Преображенская церковь)* – аг. Смольяны Орш. р-на.

«По данным экклезионимии, на территории Беларуси особой популярностью пользовались три праздника в честь Девы Марии: Покров, Рождество и Успение Богородицы» [Борисевич О.А., 2012, с. 11], что частично отражается и в виконимии. Наименование *Успенская ул.* зарегистрировано в Минской области и мотивировано экклезионимом, в основе которого название двенадцатого праздника – Успения Пресвятой Богородицы. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы установлен «в память о видении блаженному Андрею и его ученику св. Епифанию во время богослужения в константинопольском Влахернском храме Пресвятой Богородицы со святыми и ангелами, стоящей на воздухе и простирающей Покров над молящимся народом» [Православные праздники, 2009, с. 230]. Внутрисельское название *Покровская ул.* зафиксировано на территории трех областей (Бр. обл., Вт. обл., Гм. обл.).

На территории Белорусского Поозерья зафиксирован только один виконим, сформированный на базе названий народных праздников: *Купальская ул.* – дер. Шитики Глуб. р-на, а на территории Минской области функционирует название *Колядная ул.* – дер. Носилово Мол. р-на. Купалье – «один из древнейших народных праздников, посвященных солнцу и расцвету земли» [Купалье в Беларуси]. В нем сливаются языческая обрядность и христианская традиция, так как изначально Купалье связано со временем летнего солнцестояния, однако после принятия христианства его празднование приурочили ко дню Рождества Иоанна Крестителя. *Купальская ул.* зарегистрирована в Витебской области (3 н.п.), *ул. Купалье* – в Минской (1 н.п.). Коляды – зимний праздник, связанный с зимним солнцестоянием, началом нового солнечного, а значит и сельскохозяйственного года. Виконимы *Колядная ул. / ул. Калядная* (от бел. «каляды») зафиксированы в Минской области (2 н.п.).

Таким образом, информационное поле «*историческое время*» включает тематические группы «*юбилеи*», «*государственные праздники и общереспубликанские праздничные дни*», «*исторические значимые события*», «*религиозные праздники*». Праздничные названия могут быть представлены точным календарным временем, в частности датой или названием самого праздника.

Ядро поля формируют следующие виконимы, функционирующие на территории Белорусского Поозерья: *Юбилейная ул.* (54); *околоядерное пространство* – *Октябрьская ул. / ул. Октября* (46), *Первомайская ул. / ул. 1 Мая / ул. 1-го Мая* (46); *ближнюю периферию* – *ул. 8 Марта /*

ул. 8-е Марта (3), ул. 40 лет Победы (3), Купальская ул. (3), Олимпийская ул. (3).

На территории Беларуси **ядро поля** составляют виконимы *Первомайская ул. / ул. 1 Мая / ул. 1-го Мая / пер. 1 Мая* (660), *Октябрьская ул. / ул. Октябрьской Революции / ул. Октября* (575), *Юбилейная ул.* (424), *ул. / пер. Победы / ул. 9 Мая / ул. 9-го Мая* (234), *ул. 8 Марта / ул. 8-го Марта* (138); **околоядерное пространство** – ул. 17 Сентября / ул. 17-го Сентября (73); **ближнюю периферию** – ул. 70 лет Октября (46), ул. 60 лет Октября (44), ул. 40 лет Победы (41), ул. 60 лет Победы (22), ул. 50 лет Октября (15), ул. 60 лет БССР (13), ул. 50 лет БССР (11). Все остальные названия формируют **дальнюю зону периферии**.

Как на территории Белорусского Поозерья, так и на территории Беларуси ядерное и околоядерное пространство поля заполнено конститuentами тематических групп **«юбилеи»** и **«государственные праздники и общереспубликанские праздничные дни»**. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала свидетельствует о том, что наиболее частотны наименования, восходящие к апеллятиву *юбилей*, названиям международных праздников, которые появились в период, охватывающий конец XIX – середину XX в., и приобрели впоследствии статус государственных праздников или общереспубликанских праздничных дней.

Рассмотренные виконимы апеллируют в основном к событиям XX в., в частности советской эпохи – Октябрьской революции, Победе советского народа в Великой Отечественной войне, которые прочно вошли в сознание носителя языка, а затем реализовались в названиях окружающих его линейных объектов. Искусственный характер данных названий свидетельствует об их мемориальной и идеологической функциях: виконимы-коммеморативы увековечивают память об исторических событиях, повлиявших на общий ход истории.

2.2.4.3 Информационное поле «историческая эпоха». *Эпоха историческая* – «единица периодизации исторического процесса, выделяющая качественно специфический период развития человечества» [Эпоха историческая]. Однозначной периодизации истории по эпохам не существует. Эпоха – длительный период времени, выделение которого обусловлено процессами, явлениями, событиями, происходящими в конкретный период.

Информационное поле **«историческая эпоха»** формируют тематические группы **«символы эпохи»** и **«деятели эпохи»**.

Первая из них объединяет названия, связанные с символами, понятиями социалистической эпохи, ее идеологемами: *Коммунистическая ул. – дер. Узречье Рос. р-на, ул. Советов – дер. Бухово Рос. р-на.*

Эти наименования появились в советский период и обладают высоким индексом частотности, так как присваивались массово с целью прославления существовавшего строя и политики государства. Особенно велико количество фиксаций на территориях Гомельской и Брестской областей.

В качестве основы для номинации задействованы одни и те же понятия, характеризующие социалистическую эпоху. Однако, несмотря на искусственный характер номинации, они несут в себе экстралингвистическую информацию об истории государства и выступают символами событий, происходивших в течение периода, составившего 69 лет.

Во вторую тематическую группу входят названия, также представляющие советский текст культуры. Наиболее многочисленны наименования, восходящие к фамилиям участников **исторических событий**: ул. *А.И. Каминского* – аг. Мошканы Сен. р-на Вт. обл., ул. *Карбышева* – аг. Ольшаны Стол. р-на Бр. обл. Частотными являются виконимы, мотивированные фамилиями **советских государственных и партийных деятелей**: ул. *Кирова* – аг. Друя Брасл. р-на. В меньшей степени в качестве мотивирующей основы используются имена представителей **науки**: ул. *Мичурина* – аг. Ахремowцы Брасл. р-на. Однако именно такие виконимы более привязаны к местности, так как названы в честь представителей эпохи, уроженцев конкретного населенного пункта. В советское время начинается освоение космоса, осуществляются первые полеты. Так, название ул. *Гагарина*, присвоенное в честь советского летчика-космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, совершившего 12 апреля 1961 г. полет в космическое пространство, обладает высокими фреквентативными показателями, – зафиксировано оно в 375 н.п. Беларуси и 16 н.п. Белорусского Поозерья.

В виконимии Белорусского Поозерья **ядро** поля образует название *Советская ул.* (123); **околоядерное пространство** – ул. / пер. *Мира / Мирная ул. / Мирный пер.* (86), *Колхозная ул.* (57), ул. *Дружбы / Дружная ул.* (37), *Комсомольская ул.* (33), ул. *Ленина / Ленинская ул.* (26), ул. *Победы* (14), *Трудовая ул. / ул. Труда* (11), *Коммунистическая ул.* (11), *Пролетарская ул.* (11); **ближнюю периферию** – ул. *Доватора* (3), ул. *К. Маркса* (2), ул. *Энгельса* (3).

В системе внутрисельских названий Беларуси **ядро** информационного поля «*историческая эпоха*» составляют виконимы *Советская ул.* (1246), *Колхозная ул.* (549), ул. *Мира / пер. Мира / Мирная ул. / Мирный пер.* (537), ул. *Ленина / Ленинская ул.* (449), ул. *Гагарина* (375), *Комсомольская ул.* (471), *Пролетарская ул.* (231), ул. *Дружбы / Дружная ул.* (173), *Совхозная ул.* (140), *Интернациональная ул.* (121), ул. *Кирова* (120), *Коммунистическая ул.* (101). **Околоядерное пространство** – ул. *Чапаева* (80), ул. *Калинина* (72), ул. *Дзержинского* (66), ул. *Маркса* (36), ул. *Маше-*

рова (34), ул. Фрунзе (21), ул. Энгельса (19). Лексемы *советы*, *мир* и *дружба*, выступающие мотивирующими основами для образования виконимов, являются главными ориентирами советской эпохи. Так, по свидетельству И.В. Гостевой, изучившей материалы газет советского периода (около 40 изданий), «Комсомольской правды» и «Советской индустрии» 1980–1984 гг., наиболее актуальными были концепты *долг*, *дружба*, *жизнь*, *мир*, *сотрудничество*, *счастье*, *труд* [Гостева И.В., 2008, с. 38]. В ядро рассматриваемого нами поля вошли и виконимы, сформированные на базе названий форм хозяйствования на селе, общественного и экономического строя, социального класса, молодежной организации, государственной символики Советского Союза. Среди имен-ориентиров эпохи выделяются названия, данные в честь известных во всем мире создателя социалистического государства и советского летчика-космонавта. Периферия же в основном представлена отантропонимными виконимами, мотивированными именами известных советских партийных и государственных деятелей.

Данное поле содержит наибольшее количество конститuentов с высокими фреквентативными показателями. Стремление укрепить идеологические ориентиры эпохи, прославить важнейших представителей нации приводит к тому, что линейные объекты получают свои названия путем искусственной номинации.

Таким образом, историческая составляющая виконимической картины мира представлена тремя информационными полями: «*историческая память*», «*историческое время*», «*историческая эпоха*».

Первое поле образуют несколько тематических групп, из которых самой многочисленной является группа «*участники Великой Отечественной войны*». Данное событие интенсивно представлено в виконимии именами партизан, подпольщиков и участников освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Конститuentы восходят преимущественно к фамилиям людей, связанных с историей края, что свидетельствует о стремлении сельского жителя сохранить в первую очередь *местную* историю.

Второе поле формируют названия, мотивированные геортонимами. Количественные характеристики высоки у виконимов, составляющих поле «*государственные праздники*», и у некоторых наименований-годовщин. Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о преимущественном отражении в названиях внутрисельских линейных объектов таких исторических событий, как Октябрьская революция, Победа советского народа в Великой Отечественной войне, образование БССР, СССР.

Третье поле репрезентируют виконимы, соотносимые с названиями символов социалистической эпохи и с именами ее представителей.

Ядро формируют ключевые для советской эпохи понятия: *советы, мир, дружба, комсомол, пролетариат, коммунизм* и т.д. Как отапеллятивные, так и отантропонимные виконимы, структурирующие данное поле, обладают высоким индексом частотности, являются национально или планетарно прецедентными, значимы для истории белорусского народа.

2.2.5 Культурная составляющая виконимической картины мира

Виконимы наделены богатой национально-культурной информацией. Специфика интерпретации внутрисельского названия заключается в том, что для уточнения его семантики недостаточно общих лингвострановедческих знаний, необходимо привлечение данных из других источников – мифологии, истории, регионального краеведения.

Культурная составляющая ВКМ моделируется при помощи различных кодов культуры: топоморфного, антропоморфного, ландшафтного, флористического, пространственного, духовного и т.д.

2.2.5.1 Репрезентация топоморфного и антропоморфного кодов культуры

Топоморфный код культуры объективируется при помощи отапеллятивных и отонимных названий, указывающих на другой линейный или природный объект, относительно которого происходит номинация.

Виконимы, репрезентирующие топоморфный код культуры, могут рассматриваться в рамках оппозиции «*свой / чужой*». Как полагают В.В. Иванов и В.Н. Топоров, противопоставление «*свой / чужой*» в древней славянской системе реализуется в трех планах [Иванов В.В., Топоров В.Н., 1965, с. 156]. Из них для виконимии актуален первый, когда «речь может идти о социальной интерпретации этого противопоставления, когда первый член его (свой) означает принадлежность к данной социальной группе, тогда как второй член означает принадлежность преимущественно к иной социальной группе, которая, однако, так или иначе соотнесена с первой группой. Точнее, под чужим в этом плане понимается то, что не является исключительным или преимущественным символом данной группы» [Иванов В.В., Топоров В.Н., 1965, с. 156].

Компонент «*свой*» транслируют наименования, восходящие к названиям:

1) *архитектурных объектов, расположенных в населенном пункте*: *Гостеприимная ул.* – дер. Юрцево Орш. р-на, *Льнозаводская ул.* – дер. Силивоновка Гор. р-на, *Леспромхозная ул.* – дер. Дымовщина Вт. р-на, *Музейная ул.* – дер. Ровное Поле Рос. р-на, *Усадебная ул.* – х. Малость Глуб. р-на. Однако названия, эксплицирующие топоморфный код, не только формально указывают на вид сооружения, но и на-

делены информативностью, то есть они на лингвистическом и культурном уровнях выделяют данный объект среди себе подобных, подчеркивая его исключительность. Вышеприведенные названия могут быть рассмотрены в рамках *архитектурного кода*, ввиду их мотивированности наименованиями архитектурных объектов. По утверждению У. Эко, «когда речь заходит об архитектурных кодах, чаще всего имеют в виду типологические коды (откровенно семантические), подчеркивая, что в архитектуре есть такие конфигурации, которые открыто указывают на свое значение: церковь, вокзал и т.д.» [Эко У.]. К примеру, в рамках архитектурных выделяют семантические коды, где сооружения классифицируются по типам. Так, одной из разновидностей являются социальные учреждения: больница, дача, школа, замок, дворец, вокзал и т.д. Названия именно этих единиц и выступают основами для номинации в виконимии Беларуси;

2) *других линейных и природных объектов, расположенных в населенном пункте:*

- *улиц и переулков:* Докшицкая ул. и Докшицкий пер. – дер. Сорочи Глуб. р-на, Радужная ул. и Радужный пер. – аг. Новоселье Шарк. р-на, Слободская ул. и 1-й, 2-й, 3-й Слободской пер. – аг. Ляды Дубр. р-на, Трудовая ул. и Трудовой пер. – дер. Дачная Орш. р-на;

- *рек, озер, урочищ:* Днепровская ул. (*река Днепр*) – аг. Лариновка Орш. р-на, ул. Крижовка (*по названию урочища*) – дер. Дашки Малые Пост. р-на, Луческая ул. – дер. Большие Калиновичи Лёзн. р-на.

На основании рассмотрения одной из этногенетических легенд авторы энциклопедического словаря «Мифология белорусов» делают вывод о том, что этническое пространство белорусов определяется двумя реками – Двиной и Днепром [Дучыц Л., 2011-г, с. 398]. В виконимии распространены названия, сформированные на базе данных наименований, однако зафиксированы они только в областях, где эти реки протекают: Двинская ул. (Вт. обл. – 13 н.п.), Днепровская ул. (Вт. обл. – 11 н.п., Гм. обл. – 15 н.п., Мг. обл. – 11 н.п.). Согласно материалам нашего исследования в виконимии Белорусского Поозерья также зарегистрированы наименования, основой для образования которых послужили названия других рек: Луческая ул. / пер. Лучёса (Вт. обл. – 5 н.п.);

3) *поселения, в котором размещен линейный объект:* Ждановская ул. – дер. Жданы Пост. р-на, Карасёвская ул. – дер. Караси Глуб. р-на, Репешская ул. – дер. Репешки Пост. р-на, Хорошковская ул. – дер. Хорошки Докш. р-на;

4) *другого сельского типа поселения (агрозгородка, деревни, поселка, хутора):* Барсеевская ул. – дер. Мальково Лёзн. р-на, Блошниковская ул. – х. Новинки Глуб. р-на, Газьбинская ул. – дер. Мартыненки Гор. р-на, Дымановская ул. – п. Липовцы Вт. р-на Вт. обл., Клевцовская ул. – дер. Бояры Лёзн. р-на, Ульская ул. – аг. Бочейково Беш. р-на.

Деревня принципиально отличается от города, максимально упорядоченного и организованного пространственного локуса, соотносящегося в белорусской мифологии с центром Вселенной [Лобач У., 2011, с. 122]. Компонент «чужой» реализуется виконимами, образованными от наименований городских типов поселений: *Дисненская ул.* – аг. Кубличи Уш. р-на, *Езерищенская ул.* – дер. Хвошно Гор. р-на, *Краславская ул. (г. Краслава в Латвии)* – аг. Слободка Брасл. р-на, *Себежская ул. (г. Себеж, расположенный на юго-западе Псковской области России)* – дер. Буды В.-дв. р-на, *Сенненская ул.* – аг. Белая Липа Сен. р-на, *Шкловская ул.* – дер. Липки Орш. р-на.

В виконимии Белорусского Поозерья констатируется асимметрия в сторону названий, связанных с компонентом «свой». Преобладают наименования, основой для образования которых послужили названия именно сельских населенных пунктов. С одной стороны, это объясняется территориальной близостью данных объектов, стремлением указать точные координаты, с другой – подчеркивает способность деревни, являющейся самым распространенным типом сельского поселения, наиболее подробно воплощать в себе представления про «свой» мир.

В названиях внутрисельских линейных объектов, реализующих топоморфный код культуры, нашли отражение представления сельского жителя о ценностном значении окружающих его объектов, в частности архитектурных.

На территории Белорусского Поозерья лидируют виконимы *Школьная ул.* – 259 н.п., *Дачная ул.* – 90 н.п., *Железнодорожная ул.* – 60 н.п., *Сельская ул.* – 46 н.п., *Почтовая ул.* – 33 н.п., *Заводская ул.* – 31 н.п., *Витебская ул.* – 30 н.п., *Хуторская ул.* – 25 н.п., *Поселковая ул.* – 21 н.п., *Вокзальная ул.* – 17 н.п.

Из десяти виконимов шесть мотивированы наименованиями объектов социальной инфраструктуры. Первостепенное значение уделяется объекту, выполняющему образовательную функцию, – школе (*Школьная ул.* – 259 н.п.). На втором месте находится оним *Дачная ул.* – 90 н.п., мотивированный названием загородного дома, как правило, не используемого владельцами для постоянного проживания.

Природные условия определяют наличие дорожной сети и ее контуры, основные тенденции развития путей сообщения с другими населенными пунктами, что, в свою очередь, ведет к развитию торговли. Большая роль в номинации уделяется железнодорожной сети: *Железнодорожная ул.* – 60 н.п., *Вокзальная ул.* – 17 н.п. – наиболее характерной для сельской местности, учитывая специфику ее рельефа.

Среди частотных виконимов находим виконим *Почтовая ул.* – 33 н.п., восходящий к названию объекта почтовой связи, осуществляющего приемку, сортировку, отправку, обработку и доставку почты.

Частотным выступило название, указывающее на нахождение в границах населенного пункта промышленных предприятий, – *Заводская ул.* – 31 н.п. Такие организации обеспечивают жителей близлежащих поселений рабочими местами, создают торговый и производственный облик региона.

Три оних мотивированы названиями типов сельских поселений (*Сельская ул.* – 46 н.п., *Хуторская ул.* – 25 н.п., *Поселковая ул.* – 21 н.п.), одно восходит к наименованию города областного подчинения, административного центра Витебской области и Витебского района – Витебска (*Витебская ул.* – 30 н.п.).

Таким образом, топоморфный код объективируется при помощи бинарной оппозиции «*свой / чужой*». При этом наиболее продуктивным является компонент «*свой*», который реализуют виконимы, мотивированные наименованиями архитектурных, природных объектов, вошедших в установленные границы, и близлежащих географических объектов.

Антропоцентрическая направленность исследований, проводимых в языкознании, свидетельствует о неразрывной связи человека с культурой и основывается на представлениях о нем как о всесторонне развитой языковой личности, обладающей индивидуальным языковым сознанием. Антропоцентризм в его лингвистическом понимании лежит в основе виконимов, реализующих *антропоморфный код культуры*. Данный код объективируется при помощи названий отантропонимного происхождения, сформированных на базе имен, фамилий, отчеств, псевдонимов, а также при помощи отапельлятивных наименований, мотивированных именованиями лиц как представителей определенной общности людей.

Авторы энциклопедического словаря «*Мифология белорусов*» выделяют *персонажный код*, который включает богов; святых, на которых были перенесены функции богов; легендарных или мифологизированных исторических деятелей; демонических существ; персонажей, связанных с нечистой силой; личностей с учетом их статуса (социального, семейного, профессионального и т.д.) [Мифология белорусов, 2011, с. 7]. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил сделать вывод, что из предложенных категорий, характерных для мифопоэтической картины мира белорусского народа, в виконимии задействована только последняя, основанная на статусе индивидуума в обществе. В настоящее время существуют исследования, посвященные реализации кодов культуры в урбанонимии славян: А.М. Мезенко, анализируя особенности репрезентации антропоморфного кода в урбанонимии восточных, западных и южных славян, констатирует тесную связь трех онимных систем вышеназванных этноязыковых общностей с социальным кодом. Ученый указывает на использование в процессе номинации различных антропонимных формул в проприальной части отантропонимных годонимов и агоронимов [Мезенко Г.М., 2013, с. 106].

Антропоморфный код культуры объективируется при помощи отапеллятивных наименований-посвящений в честь различных **професий и ремесел**: ул. *Газовиков* – аг. Мазолово Вт. р-на, ул. *Животноводов* – дер. Подлеоновичи Пост. р-на, ул. *Медиков* – дер. Зимник Гор. р-на, ул. *Птицеводов* – дер. Тросница Пол. р-на, ул. *Пчеловодов* – дер. Ситино Гор. р-на; **представителей определенной общности**: ул. *Ветеранов* – аг. Сарья В-дв. р-на, ул. *Защитников Родины* – дер. Любово Вт. р-на, ул. *Новаторов* – аг. Осинторф Дубр. р-на, ул. *Победителей* – дер. Шапуры Вт. р-на.

В настоящее время названия данного типа в большинстве случаев носят абстрактный характер, так как присваиваются в честь конкретных профессий с целью их прославления и не являются исконными наименованиями по ремеслу жителей.

К наиболее частотным виконимам Белорусского Поозерья, репрезентирующим антропоморфный код культуры, необходимо отнести следующие: *Молодёжная ул.* – 386 н.п., ул. *Новосёлов* – 22 н.п., ул. *Строителей* – 22 н.п.

Многие названия появились в советскую эпоху и лишь формально соотносятся с названиями лиц по роду деятельности или возрасту. Как отмечает А.М. Мезенко, со второй половины XIX в. прямая номинация по ремеслу жителей трансформируется в опосредованную (косвенную) [Мезенко А.М., 1991, с. 114]. Сегодня велик процент названий-посвящений, возникших в советскую эпоху.

В виконимии Белорусского Поозерья преобладают названия, мотивированные фамилиями людей, связанных с историей края: уроженцев населенного пункта, в котором расположена улица, или близлежащего поселения, участников исторических событий, сражавшихся на территории деревни и т.д. Это могут быть названия в честь **участников военных событий**: ул. *Афанасьева* (в честь участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза **Афанасьева Фёдора Трофимовича**) – аг. Слобода Шум. р-на, ул. *А. Бельчикова* (по фамилии воина-интернационалиста **Бельчикова Александра Викторовича**, уроженца населенного пункта, в котором находится улица, названная в его честь) – дер. Альховик Лёзн. р-на Вт. обл., ул. *Берзарина* (в честь советского военачальника, генерал-полковника, Героя Советского Союза **Берзарина Николая Эрастовича**) – аг. Копти Вт. р-на Вт. обл.; **деятей науки, искусства, мирного времени**: ул. *Альтера Друянова* – аг. Друя Брасл. р-на Вт. обл., ул. *А. Снядецкого* – аг. Кольчуны Ошм. р-на Гр. обл., ул. *Ромера* (по фамилии художника **Ромера Альфреда**) – дер. Королиново Пост. р-на, ул. *А. Ставера* (по фамилии белорусского поэта, уроженца деревни) – дер. Марговица Докш. р-на Вт. обл. Данные названия внутрисельских линейных объектов характеризуются невысо-

ким уровнем частотности. Как правило, это наименования, обладающие региональной или общенациональной степенью известности. Данная характеристика отличает виконимию от урбанонимии, где преимущественно используются онимы, отмеченные высоким уровнем прецедентности.

В виконимии по сравнению с урбанонимией меньше единиц, мотивированных фамилиями людей, известных за пределами населенного пункта, в котором находится улица, названная в их честь. Данные наименования, как правило, планетарно или общенационально прецедентны и, соответственно, обладают высоким индексом частотности: ул. *Косыгина* (в честь советского государственного и партийного деятеля **Косыгина Алексея Николаевича**) – аг. Мазолово Вт. р-на, ул. *Энгельса* – аг. Германовичи Шарк. р-на.

Следует отметить, что среди названий, репрезентирующих антропоморфный код культуры, на территории Белорусского Поозерья по количественным показателям выделяются только два – ул. *Гагарина* – 16 н.п., ул. *Ленина / Ленинская ул.* – 26 н.п. Наличие немногочисленных частотных названий подтверждает первостепенность локального компонента в виконимии рассматриваемого региона.

Таким образом, внутрисельские названия-выразители антропоморфного кода, являясь особым фрагментом ЯКМ, воплощают, в первую очередь, региональный, или краеведческий, компонент, выражаемый посредством названий, образованных от антропонимов. В сельской местности в качестве основы для номинации линейных объектов преимущественно используются имена либо местных жителей, либо людей, каким-либо образом связанных с конкретной территорией, что и прослеживается в виконимии Беларуси. Основным мотивом возникновения ономастических единиц, восходящих к фамилиям планетарного уровня прецедентности, стало желание увековечить имена известных деятелей определенного периода истории.

В урбанонимии и виконимии неодинаков список имен-символов эпохи и культуры. В первой системе названий символическое значение приобретают имена *выдающихся представителей нации*, во второй – *региональные прецедентные имена*, известные в масштабах района или области.

2.2.5.2 Репрезентация ландшафтного, флористического и фаунистического кодов культуры. Под *ландшафтом* понимают «общий вид местности, преимущественно сельской» [ССРЛЯ, 1957, т. 6, с. 54]; *рельеф*, в свою очередь, – «строение земной поверхности» [ССРЛЯ, 1961, т. 12, с. 1201]. Каждую территорию отличает ее уникальный ландшафт, наделенный характерными принципами организации, преобладанием конкретных видов и форм рельефа. Различают положитель-

ный (горы, возвышенности), отрицательный (впадины) и нейтральный (равнины) рельефы [Суперанская А.В., 2009, с. 186].

Ландшафтный код культуры выражается при помощи названий, характеризующих внутрисельский линейный объект с точки зрения **физико-географических особенностей возникновения или существования**, среди которых:

а) разнообразие элементов ландшафта, формирующих рельеф местности:

- **нейтральный:** *Лесная ул.* – аг. Амбросовичи Шум. р-на, *Парковая ул.* – аг. Устье Орш. р-на, *Степная ул.* – дер. Черемушники Погорные Пост. р-на;

- **положительный:** *Горная ул.* – аг. Друя Брасл. р-на, *Курганная ул.* – дер. Девгуны Пост. р-на, *Холмистая ул.* – дер. Нерейша Сен. р-на;

- **отрицательный:** *Карьерная ул.* – дер. Антоновка Орш. р-на.

Широк спектр использованных в качестве номинации названий типов **водных объектов:** *Криничная ул.* – аг. Иоды Шарк. р-на, *Речная ул.* – аг. Вархи Гор. р-на, *Озёрная ул.* – аг. Веркуды Уш. р-на;

б) особенности покрытия улицы и особенности почвы: *Песочная ул.* – аг. Замосточье Вт. р-на, *Песчаная ул.* – аг. Малая Ведрень Чашн. р-на.

Многие из вышеперечисленных ландшафтных элементов, послуживших основой для образования виконимов, присущи сельским территориям и не свойственны городским. Они создают уникальный, неповторимый рельеф местности, содержат информацию о местонахождении объекта.

В виконимии Белорусского Поозерья преобладают виконимы *Садовая ул.* – 398 н.п., *Лесная ул.* – 372 н.п., *Полевая ул.* – 323 н.п., *Озёрная ул.* – 209 н.п., *Луговая ул.* – 202 н.п., *Парковая ул.* – 78 н.п., *Речная ул.* – 62 н.п., *Горная ул.* – 20 н.п., *Песочная ул.* – 18 н.п., *Песчаная ул.* – 16 н.п.

Самый частотный виконим – *Садовая ул.* В белорусской мифопоэтической картине сад – символ культурного пространства, замкнутого человеческого мира. Сад коррелирует с понятиями плодородия, благополучия, безопасности, любви, счастья [Дучыц Л., 2011-д, с. 422], то есть наделен положительной семантикой. Такое понимание сада первоначально для сельского жителя. Так, виконим *Садовая ул.* – самый частотный среди названий, эксплицирующих ландшафтный код культуры, и встречается в 398 населенных пунктах. Сад может семантически противопоставляться лесу с позиций «*свой / чужой*», «*освоенность / неосвоенность*». Освоенной, предназначенной для отдыха территорией считается и парк. Сад выполняет сакральную функцию и фигурирует в ритуальных обрядах, народных приметах, предполагает минимальное антропогенное воздействие; парк, в свою очередь, воспринимается как

природный объект, полностью или частично преобразованный в результате хозяйственной деятельности человека. Основная его функция – служить местом отдыха. Ландшафт сельской местности предполагает достаточное количество зеленых насаждений, однако парки остаются одним из распространенных элементов, что находит подтверждение в частотных показателях *Парковой ул.* – 78 н.п.

Понятия *лес*, *луг*, *поле* приобретают символический смысл в славянской мифологии. Данные категории, рассматривающиеся в рамках оппозиции «*свой / чужой*», выступили основами для образования наиболее частотных ландшафтных виконимов *Лесная ул.*, *Луговая ул.*, *Полевая ул.* Распространение именно этих названий не случайно. Так, в мифологии лес наделяется признаками удаленности, непроходимости, необъятности и в рамках оппозиции «*чужой / свой*» противопоставляется дому / двору / саду [Агапкина Т.А., 2004, с. 97] как элементом освоенным. Однако если в большинстве дуалистических мифологий лес ассоциируется со стихией, враждебной человеку, формируя оппозицию «*поселение / лес*», то в белорусской традиционной культуре, наоборот, наделяется положительной семантикой и соотносится с понятиями *свой*, *близкий*. Лес рассматривается в паре «*лес / степь*», при этом является положительным элементом. Подобное восприятие леса может быть объяснено тем, что белорусская традиционная культура относится к культуре лесной зоны [Санько С., 2011, с. 275]. Виконим *Лесная ул.* отмечен высокими количественными показателями: он зарегистрирован в 372 сельских населенных пунктах Белорусского Поозерья, а *Степная ул.*, наоборот, имеет низкий индекс частотности – зафиксирован в 3 населенных пунктах. Поле и луг – освоенные человеком пространства, воспринимающиеся как положительные элементы ландшафтного кода [Валодзіна Т., 2011, с. 364]. Поле, с одной стороны, бесконечно и открыто, с другой – пусто и не заполнено. Оно является пограничной зоной между «своей» и «чужой» землей [Агапкина Т.А., 2009, с. 134]. Поле и луг являются освоенными территориями, на которые распространена хозяйственная деятельность человека, однако в виконимии Белорусского Поозерья соотношение улиц, мотивированных лексемами *поле* и *луг*, различается – *Полевая ул.* – 323 н.п. и *Луговая ул.* – 202 н.п.

Такие водные объекты, как *озеро*, *река*, *криница*, *родник* – сакральные элементы ландшафтного кода культуры, связанные с культом воды. В древности язычники прославляли некоторые из них как святыни. Сегодня продолжают существовать представления о целительной силе, которой наделены отдельные из криниц. Исследования воды этих источников указали на ее высокие вкусовые качества, отличие от обычной воды по химическому составу и на способность долго храниться [Зайкоўскі Э., 2011, с. 257]. На территории Белорусского Поозерья на-

звания *Криничная ул. / Крыничная ул.* (от бел. «крыніца») – 15 н.п. не так частотны, как *Озёрная ул.* – 209 н.п. и *Речная ул.* – 62 н.п. Однако, несмотря на это, криницы тоже являются важными водными объектами, так как в белорусской мифологии они наделены символичностью: до сих пор в Беларуси сохранились криницы, вода которых считается лечебной, наделенной свойством излечивать многие болезни. Озера, реки, болота, являющиеся распространенными элементами ландшафта Беларуси, – природные водоемы, соотносимые с нижним ярусом мироустройства. Ученые насчитывают в Беларуси более 70 рек и ручьев, имевших культовое значение [Дучыц Л., 2011-г, с. 400]. Озеро и река противопоставляются по признаку статичности / динамичности, а болото ассоциируется с идеей хаоса, деструкции [Дучыц Л., 2011-а, с. 39] и наделается отрицательной семантикой. Сегодня известно, что болота, занимающие около 14% территории Беларуси, – источник добычи торфа, в болотистой местности растет много целебных трав, много дичи, ягод. Кроме того, трудно переоценить их влияние на формирование белорусской культуры.

Таким образом, ландшафтный код транслируется при помощи названий «природных ориентиров», которых в сельской местности немало, – *рек, озер, прудов, болот, криниц, курганов, степей, полей, урочищ, лесов*. Следует отметить, что зафиксировано несовпадение объектных приоритетов в системах внутрисельских названий и наименований населенных пунктов. В виконимии Белорусского Поозерья номинативными центрами являются *сад, лес, поле, озеро, луг*, в то время как в ойконимии ведущая роль отводится таким элементам ландшафта, как *река, озеро, гора и лес* [Васильева Т.Ю., 2014, с. 15]. Виконимы заключают в себе информацию о прошлом и настоящем объекта. Названия, соответствующие ландшафтному коду, отражают наиболее существенные индивидуальные характеристики объекта наименования. Нельзя не согласиться с мыслью Г.Я. Рылюка, видящего в топонимах закодированные знаки, определенные символы, несущие в себе сведения о состоянии окружающей природы того или иного района в далеком прошлом [Рылюк Г.Я., 1997, с. 12].

Флористический код культуры объективируется при помощи внутрисельских названий, образованных от апеллятивов, соотносящихся с названиями видов растительности. В контексте белорусской мифологии рассматривается растительный код, включающий деревья и цветы как отдельные подкоды [Міфалогія беларусаў, 2011, с. 7].

Основой для образования виконимов флористического типа могли послужить названия:

- **различных пород деревьев:** *Кленовая ул.* – дер. Анкуды Пост. р-на, *Листвиничная ул.* – дер. Лужесно Вт. р-на, *Липовая ул.* – дер. Гор-

ки Рос. р-на, *Пихтовый пер.* – дер. Заборье Рос. р-на;

- **кустарников:** *Сиреневая ул.* – дер. Воеводки Вт. р-на, *Черёмуховая ул.* – аг. Кушлики Пол. р-на;

- **цветочных растений:** *Васильковая ул.* – аг. Дворище Рос. р-на, *Ромашковая ул.* – дер. Буйничково Сен. р-на;

- **плодов деревьев:** *Рябиновая ул.* – аг. Боброво Леп. р-на, *Сиреневая ул.* – дер. Воеводки Вт. р-на, *Сливовая ул.* – дер. Кривелево Рос. р-на;

- **ягод:** *Брусничная ул.* – дер. Грибел Рос. р-на, *Клюквенная ул.* – дер. Остров Лёзн. р-на Вт. обл., *Черничная ул.* – дер. Вишни Лёзн. р-на.

По свидетельству А.М. Мезенко, репрезентация флористического кода расширяется с востока на запад: увеличивается количество названий, реализующих ботанический код культуры, большим разнообразием отмечен состав задействованных видов растительности. Наиболее активно данный код функционирует на территории Польши, при этом мотивирующей основой могут выступить названия экзотических растений, не произрастающих на ее территории [Мезенка Г.М., 2013, с. 105].

Отдельную небольшую группу составляют наименования, имеющие в основе апеллятивы «цветок» (*Цветочная ул.*), «гриб» (*Грибная ул.* – дер. Леонки Пост. р-на Вт. обл.), «ягода» (*Ягодная ул.* – дер. Ровы Пост. р-на Вт. обл.), то есть указывающие на вид растительности без уточнения названия его подвида.

Разнообразная растительность занимает 93,1% всей территории Беларуси, а леса составляют третью часть зеленого покрова страны [Природа Беларуси]. Наиболее распространенными породами деревьев в Беларуси признаны береза и сосна, произрастающие во всех областях; ель, занимающая преимущественно северные районы; дуб, для которого более благоприятными являются южные регионы Беларуси [Природа Беларуси]. В действительности, на территории страны зафиксированы названия *Берёзовая ул.*, *Сосновая ул.*, *Еловая ул.*, *Дубовая ул.*, мотивирующей основой для образования которых явились наименования вышперечисленных разновидностей растительности. Из них на территории Белорусского Поозерья зарегистрированы три (*Берёзовая ул.*, *Сосновая ул.*, *Дубовая ул.*). Наиболее частотным является виконим *Сосновая ул.*: он зарегистрирован в 18 населенных пунктах. Выбор названий для образования виконимов объясняется не только ландшафтными природными особенностями территории, но и мифологией. При этом следует учитывать индивидуальность и уникальность ЯКМ каждого народа. В мифологии белорусов сосна воплощает женское начало. С одной стороны, является источником, проводником, гарантом жизни и космического порядка, с другой – ассоциируется со смертью, наказанием [Дучыц Л., 2011-е, с. 427].

Название *Берёзовая ул.* зафиксировано в 14 населенных пунктах Белорусского Поозерья. Береза занимает важное место в культуре славян. Она является символом молодости, красоты и жизненной силы. Используется в быту и в медицине. На Троицу ветвями березы украшают церкви и дома.

Наименование *Дубовая ул.* не получило широкого распространения на рассматриваемой территории (количество фиксаций достигает 2 единиц). Несмотря на то, что ель произрастает преимущественно в северных районах, к которым можно отнести и часть Белорусского Поозерья, виконим *Еловая ул.* вовсе не зарегистрирован, однако следует отметить, что функционирует название *Ёлочная ул.* (1 н.п.).

Из виконимов, репрезентирующих флористический код, *Вишнёвая ул.* получила наибольшее распространение на территории Белорусского Поозерья – 29 н.п. Славяне использовали ветки вишни для гадания. Широкое применение ей нашлось в народной медицине [Усачёва В.В., 1995, с. 382]. В белорусской мифологии вишня – дерево, используемое в цикле годовых и семейных обрядов, гаданиях, магическо-лечебных ритуалах, коррелирующее с женским началом. В большинстве фольклорных текстов данное плодовое дерево имеет положительную коннотацию [Швед I., 2011-а, с. 84–85].

Следует отметить, что среди всех регионов Беларуси именно в Витебской области зарегистрировано большее количество виконимов, мотивированных названием дерева, являющегося символом благополучия, – *липой* (*Липовая ул.* – 17 н.п.).

Кленовая ул. (зафиксировано одно название *Клённая ул.*) встречается в 15 сельских населенных пунктах Белорусского Поозерья. Клен в мифологической картине мира белорусов – дерево, наделенное положительной семантикой [Швед I., 2011-а, с. 240]. Наибольшей частотностью данные названия обладают, как правило, на территории трех областей – Витебской, Минской и Брестской.

В виконимии Белорусского Поозерья находим только два названия, мотивированные наименованиями цветочных растений, – *Васильковая ул.* – 5 н.п., *Ромашковая ул.* – 5 н.п. Цветок *синий василёк* растет преимущественно среди злаковых культур, однако есть и другой вид – луговой василек, встречающийся в лесах, на полянах. «Дзе блішча збожжа ў яснай далі, // Сінеюць міла васількі, // Халодным срэбрам ззяюць хвалі // Між гор ліючайся ракі; // Цямнее край зубчаты бора... // І тэ, забыўшыся, рука, // Заміж персідскага узора, // Цвяток радзімы васілька» [Багдановіч М., 1991, с. 63], – более века назад писал в стихотворении «Слуцкія ткачыхі» белорусский поэт Максим Богданович, считавший этот цветок символом Родины. В культуре белорусского народа василек до сих пор играет большую роль. Значимым он является

в мифологии белорусов, где синий цвет растения соотносится с нижним ярусом мироздания [Салавей Л., 2011, с. 72].

Как отмечает А.М. Мезенко, анализируя флористический код культуры, реализующийся в урбанонимии славян, символическим значением для белорусов обладают *берёза*, *вишня* и *сосна* [Мезенка Г.М., 2013, с. 105]. В виконимии Белорусского Поозерья отмечена другая тенденция, что свидетельствует об ином ценностном восприятии сельскими жителями элементов растительного кода, которые располагаются в следующем порядке: *вишня* (*Вишнёвая ул.* – 29 н.п.), *сосна* (*Сосновая ул.* – 18 н.п.), *липа* (*Липовая ул.* – 17 н.п.). Следует отметить, что среди частотных названий содержатся виконимы, мотивированные апелляциями *клён* (*Кленовая ул.* / *Клённая ул.* – 15 н.п.), *берёза* (*Берёзовая ул.* – 14 н.п.) и отличающиеся друг от друга незначительными числовыми показателями (от одной до трех единиц). По свидетельству Т.Ю. Васильевой, в ойконимии Белорусского Поозерья насчитывается наибольшее количество единиц, мотивированных лексемами *дуб*, *липа*, *берёза* [Васильева Т.Ю., 2014, с. 15].

Таким образом, флористический код эксплицируется при помощи наименований деревьев, кустарников, плодов, цветочных растений, ягод, зерновых культур. Флористические виконимы мотивированы преимущественно названиями деревьев, растений. При выборе наименований учитываются не только физико-географические особенности местности, но и представления человека об окружающем мире.

Фаунистический код культуры, репрезентирующийся при помощи названий, восходящих к наименованиям видов животных, репрезентируют лишь несколько наименований. Однако **животный код культуры** широко представлен в мифологии белорусов и функционирует вместе со своими подкодами: **териологическим**, **орнитологическим**, **ихтиологическим**, **энтомологическим** [Міфалогія беларусаў, 2011, с. 7].

Фаунистический код в виконимии реализован семью названиями в Витебской области (*Глухариная ул.* – дер. Софиёвка Орш. р-на, *Журавлиная ул.* – дер. Андрушишки Пост. р-на, *Орлиная ул.* – дер. Пелека Пост. р-на, *Перепелиная ул.* – дер. Лопути Пост. р-на, *Пчелиная ул.* – дер. Девгутишки Пост. р-на, *Рыбная ул.* – дер. Лисовские Орш. р-на, *Соловьиная ул.* – дер. Бабиничи Вт. р-на).

При этом лидируют виконимы *Соловьиная ул.* – 7 н.п. и *Журавлиная ул.* – 4 н.п. Наличие фаунистических названий может быть обусловлено народным пониманием и трактованием образов животных в белорусской мифологии. К примеру, орел воспринимался как царь птиц, журавль приносил благополучие, соловей считался высокородной птицей, которую ценили за уникальное пение.

Зоологические наименования в восточнославянской урбанонимии появились позже, чем в западноевропейской. Они функционировали в городах, входивших в состав Польши или граничивших с ней [Мезенко А.М., 2011-б, с. 390]. Так, в белорусской урбанонимии отдельные фаунистические названия сохранились в урбанонимиконе Бреста (*Воронья ул., Голубиная ул., Журавлиная ул.*) [Мезенка Г.М., 2013, с. 105].

2.2.5.3 Репрезентация пространственного и темпорального кодов культуры

Пространственный и темпоральный коды взаимнообусловлены. Первый описывает способы организации и восприятия пространства, второй – временные характеристики существования объекта в этом пространстве. Категории пространства и времени изучаются как естественными (физика, биология), так и гуманитарными (философия, языкознание, литературоведение, история, культурология) науками. О тесном взаимодействии, неразрывном существовании пространства и времени физики стали говорить уже в начале XX в. Позднее М.М. Бахтин предложил использовать в литературоведении термин «хронотоп» для обозначения взаимосвязи временных и пространственных отношений [Бахтин М.М., 1975].

Пространственный код культуры эксплицируют виконимы, в которых содержится характеристика объекта с точки зрения его размещения в пространстве, конфигурации: *Задорожная ул.* – дер. Авселево Вт. р-на Вт. обл., *Межозёрная ул.* – дер. Сурвилишки Пост. р-на.

Среди наиболее частотных названий, репрезентирующих пространственный код культуры, лидирует *Центральная ул.* – 1177 н.п. Высоким индексом встречаемости обладают следующие виконимы: *Заречная ул.* – 202 н.п., *Набережная ул.* – 119 н.п., *Восточная ул.* – 79 н.п., *Северная ул.* – 60 н.п., *Приозёрная ул.* – 65 н.п., *Южная ул.* – 54 н.п., *Западная ул.* – 21 н.п., *Придорожная ул.* – 20 н.п., *Дальняя ул.* / *Дальний пер.* – 16 н.п.

В Белорусском Поозерье многочисленна группа названий, мотивированных особенностями размещения и местоположения объекта, так как продуктивными являются конфиксальные модели образования данных наименований.

Основой для формирования виконимов часто выступают названия значимых природных или архитектурных объектов.

Наименование внутрисельского линейного объекта может быть связано со временем его возникновения, возрастом и в этом случае объективируется названиями, содержащими в своей структуре морфемы -нов-, -стар-. По свидетельству С.М. Толстой, исследователей языка и культуры в первую очередь интересует «антропологический» аспект

времени (восприятие и категоризация времени, аксиология времени и “использование” времени человеком)» [Толстая С.М., 2010, с. 150]. В «Словаре современного русского литературного языка» зафиксировано девять значений понятия *новый* [ССРЛЯ, 1958, т. 7, с. 1365–1368]. По отношению к виконимии могут быть использованы следующие: 1. Впервые созданный или сделанный, недавно появившийся или возникший. 2. Относящийся к нашему времени; современный [ССРЛЯ, 1958, т. 7, с. 1365–1368]. В действительности временной компонент в своем составе могут содержать названия улиц, недавно возникшие. Однако с течением исторического времени объект постепенно утрачивает свою «новизну»: не всегда *Новые улицы* являются действительно новыми, недавно созданными, они могут относиться к настоящему, ближайшему и предшествовавшему моментам действительности, в результате чего противоречивой становится интерпретация семантики наименования. Подтверждением этому может служить название *Новый мост* в Париже. Несмотря на наличие в названии временного компонента *нов-*, этот мост является самым старым мостом в городе, открытым в начале XVII в. Апеллятив *старый*, то есть 1) давно созданный, существующий долгое время; 2) сохранившийся от прежних, давних времен; старинный; 3) такой, который был раньше, предшествующий теперешнему [ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 775–779], реже выступает основой для образования виконимов.

Временной код культуры не является свойственным виконимии Беларуси. Наблюдается количественная асимметрия в сторону названий, образованных от корня *нов-*. Из наименований, соотносимых с категорией времени, самым распространенным является виконим *Новая ул.* – 125 н.п., превосходящий по индексу частотности виконим *Старая ул.*, зафиксированный в 2 н.п. Многие наименования, включающие в свой состав временные компоненты, являются либо составными, либо сложными: *Новая Школьная ул.* – дер. Сосновка Вт. р-на, *Ново-Лесная ул.* – дер. Андреевщина Орш. р-на, *Новопоселковая ул.* – аг. Вымно Вт. р-на, *Староартёмовская ул.* – дер. Артёмово Лёзн. р-на, *Старозавадинская ул.* – дер. Завадино Леп. р-на, *ул. Старые Барсуки* – аг. Барсуки Докш. р-на. Являясь частью двусоставного названия, указанные временные компоненты несут добавочное созначение.

Категория времени образуется при помощи антонимической пары «*новый / старый*». В данной группе преобладают виконимы, основой для образования которых послужил первый компонент (*Новая ул.* – 125 н.п.). Распространенность таких названий связана с постепенной застройкой населенных пунктов, появлением новых линейных объектов.

2.2.5.4 Репрезентация цветового, эмоционально-характерологического и социально-идеологического кодов культуры

Цветовой код в виконимии Белорусского Поозерья репрезентируется при помощи названий, восходящих к наименованиям цвета. В белорусской мифологии цвета рассматриваются в рамках *атрибутивного кода*, описывающего приметы, свойства и качества [Міфалогія беларусаў, 2011, с. 8] предметов.

Белорусская цветовая символика характеризуется преобладанием черного, красного и белого цветов. Из них в качестве основы для образования внутрисельских названий преимущественно используется красный.

Виконим *Красная ул.* зарегистрирован в 1 н.п. Белорусского Поозерья. Красный цвет входит в триаду «белое – красное – черное» [Швед I, 2011-в, с. 523]. Он ассоциируется с жизнью, здоровьем, красотой, богатством, огнем, кровью, соединением с другим миром, наделяется функциями оберега. Исторически колороним *красный* имел значение «прекрасный, красивый, великолепный, пригожий». Как указано в словаре М. Фасмера, цветовое значение *красный* является вторичным по отношению к значению «красный, прекрасный» [Фасмер М., 1986, с. 368]. В советский период прилагательное *красный* имело значение революционный.

Черный не зарегистрирован, а белый цвет в названиях улиц встречается sporadически: *Белая ул.* – аг. Вайнюнцы Брасл. р-на. Корреляцию «белый – черный» можно поставить в один ряд с такими антонимическими парами, как «*хороший – плохой*», «*светлый – темный*».

Цветовые названия редко являются носителями цветового значения. Так, *Зелёная ул.* несет в себе сведения не только о цвете, предпочитаемом славянами, но и свидетельствует об обилии насаждений (деревьев, кустарников и иных растений). В белорусской культуре зеленый цвет является олицетворением жизни, символично представляет природу, молодость, связывается с переходом к другому состоянию, с изменением. Однако он обладает и амбивалентным качеством – ассоциируется с пассивностью, отсутствием движения [Швед I., 2008].

Цветовой код в виконимии объективируется и при помощи других названий: *Лазурная ул.* – дер. Синицы Рос. р-на (2 н.п.).

Таким образом, цветовой код в виконимии Беларуси эксплицируют семь названий, с разной степенью частотности задействованных в шести областях Беларуси. Наиболее распространенным является внутрисельское наименование *Зелёная ул.* – 179 н.п., которое в первую очередь связано с обозначением растительности. По мнению А.М. Мезенко, появление в виконимии наименований, имеющих в своем составе слова со значением цвета, нередко вызвано тенденцией возвращения к так называемым *живописным* названиям [Мезенко А.М., 2011-б, с. 130]. В наименованиях внутрисельских линейных объектов, репрезентирующих

цветовой код культуры, первичным выступает символическое значение цвета, задействованного в качестве мотивирующей основы.

Эмоционально-характерологический код культуры экспонируют абстрактные наименования, выражающие отношение номинатора к объекту или его впечатления от последнего. Названия, эксплицирующие эмоционально-характерологический код, могут отражать **особенности линейного объекта**: *Светлая ул.* – аг. Зароново Вт. р-на, *Студёная ул.* – дер. Кевличи Пост. р-на Вт. обл.; **чувства, впечатления номинатора**: *Звонкая ул.* – дер. Занивочье Чашн. р-на Вт. обл., *Радужная ул.* – аг. Новоселье Шарк. р-на, *Хлебосольная ул.* – дер. Рагели Пост. р-на. Эмоционально маркированные названия транслируют особенности восприятия внутрисельского линейного объекта номинатором. Они могут носить не только констатирующий, но и пожелательный характер.

Наиболее популярными названиями, выражающими эмоционально-характерологический код, являются виконимы *Солнечная ул.* – 148 н.п., *Тихая ул.* – 23 н.п., *Светлая ул.* / *Светлый пер.* – 18 н.п., *Радужная ул.* – 12 н.п., *Тенистая ул.* – 12 н.п., *Звёздная ул.* – 10 н.п., *Ясная ул.* – 10 н.п.

Эмоциональные характеристики, лежащие в основе названий, можно условно разделить на положительные и отрицательные. В виконимии Белорусского Поозерья функционируют наименования, связанные с положительными эмоциями, а названия, мотивированные отрицательными, не зафиксированы. Эмоционально-характерологические виконимы несут в себе субъективную оценку номинатора, который выбирает название исходя из своих предпочтений, которые могут не совпадать с впечатлениями других.

В каждую историческую эпоху вырабатывается система взглядов, идей, представлений, характеризующих общество. **Социально-идеологический код культуры** эксплицируется при помощи названий, взаимосвязанных с тенденциями и процессами, имеющими отношение к социально-политической и общественной жизни. На первый план выступают экстралингвистические, то есть внеязыковые, факторы (исторические, социальные события, изменения в обществе).

Социально-идеологические виконимы можно разделить на две группы. Наименования первой, более многочисленной, идеологически маркированы: *Интернациональная ул.* – аг. Барсуки Докш. р-на, *Коммунальная ул.* – аг. Горки Леп. р-на, *Ударная ул.* – дер. Застаринье Беш. р-на.

Вторая группа названий, репрезентирующих социально-идеологический код культуры, связана с объектами социальной сферы и их функциональной нагрузкой, а также с функциональной нагрузкой непосредственно внутрисельского линейного объекта.

В состав этой подгруппы входят наименования, связанные с промышленностью и сельским хозяйством, а конкретнее с функциональной нагрузкой предприятия, расположенного рядом с внутрисельским линейным объектом: *Агронабовская ул.* – аг. Веремеевка Гор. р-на; или с функциональной нагрузкой непосредственно линейного объекта: *Просёлочная ул.* – аг. Синегорское Сен. р-на. Примечательно, что большинство названий этой подгруппы соотносятся с наименованиями разных видов дорог (шоссе, магистраль и т.д.). Лидирует название *Шоссейная ул. / Шоссейный пер.*, функционирующее в 52 населенных пунктах.

Исторические события начала XX в. привели к распространению искусственной номинации. Чаще встречаются названия, слабо мотивированные или не мотивированные признаками денотата. Социально-идеологический код в виконимии объективируется с помощью названий, связанных с общественной жизнью индивида: *Советская ул.* – 123 н.п., *ул. / пер. Мира / Мирная ул. / Мирный пер.* – 86 н.п., *Шоссейная ул.* – 52 н.п., *Колхозная ул.* – 57 н.п., *ул. Дружбы / Дружная ул.* – 37 н.п., *Комсомольская ул.* – 33 н.п., *Дорожная ул.* – 20 н.п., *Магистральная ул.* – 16 н.п., *Кольцевая ул.* – 13 н.п.

Экстралингвистические факторы во многом влияют на процесс наименования объектов. Новые реалии способствуют появлению новых имен собственных. В виконимиконе находим названия-символы конкретной эпохи, явления, характерные для нее.

2.2.5.5 Репрезентация духовного кода культуры

Духовный код культуры является одним из базовых кодов, соотносящихся с архетипическими представлениями русской культуры. Он пронизывает все другие коды. Названия внутрисельских линейных объектов являются носителями духовной культуры народа, воспринимаемой как определенная система знаний, мировоззренческих идей, присутствующих культурно-историческому единству или человечеству. Наименования окружающих человека предметов напоминают нам об обычаях, ритуалах, ценностях, эталонах, моделях и нормах поведения, символах, мифах, интересах, которые в совокупности и образуют духовную культуру конкретного народа. Духовный код в виконимии представлен наименованиями, характеризующимися категорией святости и соотносимыми с названиями храмов, именами лиц, наделенных церковными степенями или должностями, а также лиц, причисленных к лику святых.

В современной виконимии названия, соотносящиеся с категорией святости, мотивированы **экклезионимами**, восходящими к **1) именованиям лиц, причисленных к лику святых**: *Алексеевская ул.* (на улице ранее располагалась *Алексеевская церковь*) – аг. Смольяны Орш. р-на Вт. обл., *ул. Ксении Блаженной* (улица ведет по направлению **к церкви**

Ксении Блаженной) – дер. Берники Вт. р-на Вт. обл.; **2) названиям церковных праздников:** *Покровская ул.* – дер. Зайцево Вт. р-на; **3) наименованиям католических монашеских орденов:** *Доминиканская ул. (Доминиканский костел XVIII в.)* – аг. Смольяны Орш. р-на Вт. обл.

Учитывая семантическую связь с названием топографического объекта (в данном случае места совершения религиозного обряда), можно утверждать, что духовный код взаимодействует с топоморфным, репрезентация которого осуществляется с помощью виконимов, получивших наименование по названию типов культовых объектов: *Капличная ул.* – дер. Шинавщина Пост. р-на Вт. обл., *Монастырская ул.* – дер. Бони Кост. р-на Мг. обл.

Репрезентировать духовный код могут виконимы, образованные от названия другого географического объекта, включающего сему *святости*: *Святая ул.* – дер. Войтово Вт. р-на Вт. обл. (виконим образован от гидронима *Святое озеро*).

В виконимии Беларуси функционируют названия, данные в честь белорусских просветителей: *ул. Ф. Скорины* – (в честь белорусского и восточнославянского первопечатника, мыслителя-гуманиста, просветителя, ученого, переводчика и писателя эпохи Возрождения. «Скорина осуществил первое в истории восточнославянской культуры научно-ренессансное издание Библии, которую он рассматривал как итог многовекового духовного опыта человечества, источник мудрости, науки, теоретической и практической (моральной) философии» [Асветнікі зямлі Беларускай, 2006, с. 390]).

Внутрисельские линейные объекты могут получать названия также по наименованиям лиц по вероисповеданию – *Староверская ул.* – дер. Петровичи Постав. р-на Вт. обл.

Анализируя урбанонимный материал XIII–XX вв., А.М. Мезенко выдвигает тезис об активном влиянии христианства на ментальность белорусов, подтверждающийся многочисленными урбанонимами, мотивированными наименованиями мест совершения обряда [Мезенка Г.М., 2008-а, с. 30]. Рассматривая дореволюционные урбанонимы Костромы, Рыбинска и Ярославля, Р.В. Разумов приходит к выводу, что именно в этот период появилось больше всего топонимов, образованных от экклезионимов [Разумов Р.В., 2009, с. 177]. Однако советская эпоха вносит коррективы в данные списки названий: под влиянием социальных и идеологических трансформаций в обществе осуществляется переименование годонимов – носителей религиозной экстралингвистической информации. Период возвращения исторических названий, мотивированных экклезионимами, наступает в 90-е гг. XX в. Постепенное возрождение урбанонимов, соотносимых с религиозной лексикой, позволяет говорить о них как о знаках-символах, в семантике которых закодирована важная экстралингвистическая информация об объекте.

В основе внутрисельских названий, репрезентирующих духовный код культуры, лежат преимущественно наименования культовых строений, восходящих к названиям церковных праздников и святых. Факт того, что виконимы, содержащие в своем составе религиозную лексику, мотивированы экклезионимами, свидетельствует о топоцентричности названий внутрисельских объектов данной группы. Учитывая семантическую связь с названием топографического объекта (в данном случае места совершения религиозного обряда), можно утверждать, что духовный код взаимодействует с топоморфным. Кроме того, в рамках последнего функционирует группа виконимов, получивших наименование по названию типов культовых объектов. Духовный код культуры реализуют и отантропонимные названия, что подчеркивает его взаимосвязь с антропоморфным кодом. Следует отметить, что выразителями духовного кода являются не только виконимы, образованные на базе религиозной тематики. Его информация фиксируется имплицитно и в других наименованиях.

Таким образом, для виконимии Белорусского Поозерья характерно преобладание названий внутрисельских объектов, экспонирующих *топоморфный код культуры* через реализацию бинарной оппозиции «*свой / чужой*». При этом более продуктивен первый компонент, объяснение чему следует искать в экстралингвистической сфере: преобладание откомонимных названий подчеркивает способность жителей деревни воплощать в названиях внутрисельских линейных объектов представления о *своем* мире.

В виконимии символическое значение приобретают имена, прецедентные в масштабах района или области, что составляет специфику виконимии, по сравнению с урбанонимией. Основной мотив номинации в данном случае – сохранение памяти о людях, имеющих отношение к истории конкретной местности. Наряду с ними *антропоморфный код культуры* реализуют обладающие высоким индексом частотности наименования, восходящие к фамилиям деятелей советской эпохи.

Выразителями *ландшафтного кода культуры* в виконимии Белорусского Поозерья служат виконимы, отражающие физико-географические особенности территории. *Сад, лес, поле, озеро, луг, парк, река, гора* – элементы ландшафта, выступающие номинативными центрами в системе внутрисельских названий. В ойконимии Белорусского Поозерья констатируются иные приоритеты: ценностными природными ориентирами являются *река, озеро, гора* и *лес*, из которых первым двум отводится ведущая роль. Все вышеназванные элементы являются важными природными объектами, ресурсы которых используются в хозяйственной деятельности человека, но также они выполняют сакральные функции в мифологии белорусов.

Флористический код культуры объективируется при помощи виконимов, восходящих к названиям деревьев и их плодов, кустарников, растений, цветов, зерновых культур. Отмечается несовпадение символических знаковых центров в виконимии, урбанонимии и ойконимии. В первой системе многочисленны названия, мотивированные лексемами *вишня, сосна, липа, клён, берёза*; во второй – *берёза, вишня и сосна*; в третьей – *дуб, липа, берёза*.

Пространственный код культуры транслируют номинативные единицы, характеризующие параметрические или пространственные особенности линейного объекта.

Реализаторами *эмоционально-характерологического кода* являются виконимы, мотивированные понятиями эмоционально-чувственной сферы. *Социально-идеологический код культуры* репрезентирован внутрисельскими названиями, сформированными на базе наименований символов советской эпохи, функциональных особенностей линейных объектов или предприятий, располагающихся на их территории.

Духовный код культуры в виконимии репрезентируется совместно с другими кодами и не сводится только к названиям, мотивированным лексикой религиозной тематики.

ГЛАВА 3 АНТРОПОНИМИЯ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ НА СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

3.1 ОРГАНИЗАЦИЯ ВИТЕБСКОЙ ОНИМНОЙ СИСТЕМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЧАСТИ СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Возрастание в последние годы интереса к ономастике обусловлено в определенной степени изменением ведущих парадигм – от сравнительно-исторической к когнитивной. Но, несмотря на доминирование в современном языкознании когнитивной парадигмы, все же основной приметой ономастических исследований, в том числе и этого, остается полилингвальность – переплетение системной, коммуникативной, когнитивной парадигм, что придает новый ракурс ее рассмотрению.

Данная часть исследования посвящена развитию антропонимикона Витебска в течение XVII – начале XXI в.

Цель исследования – выявление и описание организации витебской онимной системы как специфической части славянской языковой системы.

Термин «антропонимикон» используется в широком смысле как часть ономастического пространства – совокупность собственных имен людей разного типа в данном городском койне – и в узком – как часть ономастического поля, что характеризуется наличием системно-структурных отношений и связей, представляет собой упорядоченную иерархическую совокупность его канституентов. Несмотря на сложность определения сути полевого структурирования ономастического пространства, на разнообразие подходов к рассмотрению ономастического континуума, мы солидаризируемся с мнением В.И. Супруна, что «ономастическое поле является реально выделяемой языковой структурой, обладающей такими характеристиками, которые являются едиными для всей совокупности единиц, входящих в него, и отдельно для каждого конституента. Это наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, которая допускает подобную семантическую структуру слова (наличие / отсутствие дифференциальных и потенциальных сем), частотность, стилистическая окрашенность, словообразовательная активность» [Супрун В.И., 2000, с. 16].

Как известно, одной из лингвистических универсалий является выделение в языковых структурах ядра, околядерного пространства и периферии. Ядерно-периферийные отношения выступают главными и при рассмотрении ономастического пространства как полевой структуры.

К собственно ядру чаще всего относят только антропонимию, размещая в околоядерном пространстве теонимию, мифонию, зоонию и оставляя за периферией гемеронию, геортонию, фалеронию, библионию, документонию и другие менее значительные по объему совокупности собственных имен.

К собственно ядру принадлежат прежде всего антропонимы. Ядерно-периферийные отношения существуют и внутри отдельных онимных разрядов, в том числе и антропонимного. Среди антропонимов центральное место вследствие обязательности и принадлежности всем людям занимают личные имена, к ним присоединяются фамилии и в официальной белорусской этноязыковой среде – отчества.

Принимая во внимание критерии ядерно-периферийного распределения, используемые при анализе апеллятивной лексики, мы вправе ожидать, что ядро антропонимного субполя должны составлять общеупотребительные и стилистически нейтральные формы имен. Но в таком случае в современном антропонимном пространстве таких единиц не существует. Наиболее распространенные полные паспортные формы типа *Александр, Елена*, имеющие оттенок официальности коммуникации, и гипокористическое формы типа *Саша, Лена*, применяемые при более тесных отношениях, составить ядро не могут. Остается только «немаркированный», по А. Вежбицкой, тип полных имен, таких как *Андрей, Игорь, Вера, Нина*, которые как бы совмещают в себе качества и полной и краткой форм. «Они подразумевают некую близость, поскольку противопоставлены сочетаниям с отчеством (*Андрей Петрович, Вера Ивановна*), но при этом не слишком фамильярные, поскольку не имеют никаких экспрессивных суффиксов, которые бы при постоянных фамильярных связях были бы совершенно естественными» [Вежбицкая А., 1997, с. 112].

По-иному складывались ядерно-периферийные отношения в древнем витебском ономастиконе, который возник и строился на семантической и образно-идеологической базе, типичной для духовной культуры своего времени. Поэтому для его анализа необходимы не только сравнительно-славистические и историко-этимологические знания, но и широкое знакомство с культурой, бытом, идеологическими взглядами, общественными течениями и т.п. Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, России, БССР, Республики Беларусь. Задача ономаста-историка – адекватно, без модернизации описать ономастикон, и при этом важно не упустить из виду его национальное своеобразие, которое проявляется в типах слов, ставших основами для имен, в «образах» имен, которые постепенно разворачивались в ономастических иррадиациях (перенос имен на другие объекты), сохраняя завещанный предками онимный «образ». Существенно также принять во внимание коренную ломку мировосприятия, которую претерпела ду-

ховная культура Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Нельзя забывать и о том, что эти эпохи связаны со схваткой католицизма и православия в борьбе за умы и души людей.

К сожалению, история не донесла до нас сведений о состоянии антропонимикона во время основания Витебска в 974 г. Наиболее ранним из документов, в котором более или менее полно отражен антропонимикон города, является пока нигде полностью не опубликованный «Инвентарь целого города Его Королевской Милости Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходами и землями Ярошем Маскевичем дворянином Его Королевской Милости при предоставлении права Магдебургского списан в году 1641 7 дня», который хранится в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литовской Республики (Фонд 17, с. 327). Изложенный латиницей [Мезенка Г.М., 1996, с. 64], он фиксирует различные способы именования жителей Витебска, свидетельствует об использовании в середине XVII в. двух канонических систем имен – православной и католической, сосуществование которых на одной территории объясняется особенностями исторической судьбы города. Небольшая часть их совпадала по звучанию (сравним: *Адам, Павел, Петр*), большая же имела неодинаковое фонетическое оформление (сравним: православное *Василий* / католическое *Базыль, Георгий* / *Ежи, Иван* / *Ян, Карл* / *Кароль, Михаил* / *Михал, Севастьян, Савостик* / *Севастьян, Степан* / *Стефан, Стафан, Иосиф, Осип* / *Ёзеф, Ёзаф, Юзеф, Фёдор* / *Тодор* и т.д.).

Кстати, экстраполируя в прошлое данные этого документа, можно попытаться определить состав витебского именника предшествовавших крещению времен, когда еще родители давали ребенку имя по обстоятельствам его рождения: *Ждан, Первашка*. Отдельное место, как и на всей территории древней Руси, занимали композитные имена, одно из которых в середине XVII в. канонизировано только православной церковью – *Владимир*, одно – католической церковью – *Станислав* (в формах *Стас, Стась*), одно – как православной, так и католической церковью – *Богдан* / *Богдан*, равно – не канонизировано ни православной, ни католической церковью – *Ярослав* (в форме *Ярош*).

Анализируемый Инвентарь – красноречивый свидетель затухания некалендарных и двухосновных имен на белорусской территории – процесса, который, учитывая данные Н.К. Фролова по Воронежу [Бондалетов В.Д., 1983, с. 108–109], по-видимому, охватил в это время всех восточных славян: «языческие имена, – как утверждает А. Варфоломеев, – объективно-исторически были обречены на вытеснение. Церковь, которая уже стала инструментом управления народом в великокняжеской объединительной политике и потому вполне поддерживалась властью, не могла не понимать и не использовать идеологической мощи христиан-

ского именника, формирующего в народном сознании постоянное и “естественное” отношение к религиозному пантеону, явно или подспудно укрепляя этим свой авторитет» [Варфоломеев А., 2000, с. 199].

Что же касается так называемых эмоционально-оценочных форм, которые в настоящее время составляют периферию среди личных имен, то они, по нашему мнению, в XVII в. могут претендовать на место в ядре. Принимая во внимание жанр документа, в котором они использованы, можно предположить, что формы с эмоционально-оценочными формантами применялись и в нейтральном значении. Есть все основания считать, что оценочные форманты в инвентаре служат дифференцировочным средством отличия лиц, имеющих одно и то же календарное имя.

Одним из главных параметров употребительности ядерных единиц является средний коэффициент одноименности, показатели которого 1641-го и 1990-го гг. соотносятся как 1: 4 (1641 г. – 3,4; 1990 г. – 12,3).

Сопоставительный анализ мужских личных имен Витебска (анализ женских имен не проводился из-за их отсутствия в памятниках письменности XVII–XIX вв.) позволил выделить 30 имен, общих для антропонимиконов XVII и XX вв.: *Александр, Артём, Андрей, Антон, Григорий, Дмитрий, Денис, Даниил, Иван (Ян), Илья, Кирилл, Леонид, Матвей, Николай, Михаил, Никита, Павел, Роман, Станислав, Степан, Сергей, Семён, Владимир, Фёдор, Филипп, Тимофей, Юрий, Ярослав, Ефим.*

Для первичной характеристики фонда личных имен Витебска второй половины XX в. воспользуемся данными городских бюро ЗАГС за 1945–1950 гг. Следующие срезы сделаны нами в 1968-м и 1990-м гг. Для сравнения с другими белорусскими городами взяты данные 1960-х гг. по Полоцку, данные типичного российского именника этого же временного отрезка, представленные А. Варфоломеевым [Варфоломеев А., 2000, с. 203] в несколько трансформированном виде, польского города Ополе 1968 года, данные по самой западной точке России – Калининграду 1994 года и столице Республики Польша – Варшаве 1995 г. [Wprost, 1998, с. 52].

Как известно, в антропонимике при оценке и сравнении принято понятие «частые имена» – имена за вычетом одиночных и чрезвычайно редких. Обычно таких остается примерно 20 имен, показательными среди которых считают первую десятку (для десятилетия) и первую пятерку (ежегодно).

Самые частотные в употреблении мужские имена приведены нами в таблице 3.1.

Цель сравнения – взглянуть на присвоение имен в Витебске на фоне антропонимных традиций, исторически сложившихся в Беларуси, России и Польше, и современных социально-политических реалий. Как следует из анализа таблицы 3.1, десятки самых популярных имен

витеблян 1641 и 1990 гг. совпадают только в одном имени *Андрей*. Но главный итог не в этом, а в том, что из десяти самых популярных современных имен семь применялись и в XVII в.

Из сравнения имен, зафиксированных в антропонимиконах польских городов Ополе и Варшавы, следует, что одиннадцать из них (*Adam, Aleksander, Andrzej, Joachim, Krzysztof, Mateusz, Michal, Pawel, Piotr, Sebastian, Tomasz*) были распространены в Витебске, причем имели польскоязычную огласовку (сравним: *Михал, Себастьян, Стефан* и др.), что свидетельствует об определенном западном влиянии на именник Витебска в середине XVII в.

Со стороны же основного состава современного именника Витебска определенного польского влияния не наблюдается, хотя три антропонимные единицы и совпадают: *Александр / Aleksander, Михаил / Michal, Павел / Pawel*.

Таблица 3.1 – Наиболее популярные мужские имена

1641 г.	XVII ст.		1940-е гг.		1960-е гг.		1990-е гг.		
Вт	Рос- сия	Вт	Вт	Пл	Рос- сия	Оп	Вт	Кл	Вр
Иван	Иван	Владимир	Сергей	Александр	Сергей	Andrzej	Александр	Александр	Michal
Фёдор	Алексей	Александр	Александр	Сергей	Александр	Piotr	Дмитрий	Дмитрий	Mateusz
Андрей	Василий	Валерий	Андрей	Дмитрий	Владимир	Krzysztof	Сергей	Сергей	Piotr
Григорий	Григорий	Анатолий	Игорь	Андрей	Юрий	Marek	Евгений	Евгений	Pawel
Богдан	Никита	Виктор	Дмитрий	Алексей	Андрей	Danisz	Андрей	Алексей	Aleksander
Василий	Андрей	Николай	Владимир	Владимир	Игорь	Artur	Максим	Андрей	Patrik
Михаил	Пётр	Леонид	Юрий	Виталий	Михаил	Walde- mar	Алексей	Максим	Sebastian
Семен	Степан	Геннадий	Олег	Денис	Валерий	Tomasz	Павел	Павел	Kamil
Степан	Фёдор	Михаил	Алексей	Максим	Олег	Robert	Денис	Илья	Adam
Яков		Юрий	Вячеслав	Валерий	Николай	Joachim / Adam	Артем	Михаил	Krzysztof

Вт – Витебск; Пл – Полоцк; Оп – Ополе (Польша); Кл – Калининград;
Вр – Варшава (Польша)

Впечатляет почти полное совпадение витебского и российского 1960-х и особенно витебского и калининградского антропонимиконов 1990-х гг. При этом важно, что и в XVII в. витебские популярные имена почти совпадали с наиболее распространенными именами в русских городах [Зинин С.И., 1972, с. 76].

Все сказанное свидетельствует об определенной стабильности и преемственности именика витеблян в течение последних четырех веков, которая держится на традиционных белорусских именах канонического репертуара, сохраняющих свою употребительность несмотря на значительную амплитуду колебаний личных мужских имен – от частых до разовых.

К личным именам, которые занимают центральное место среди антропонимов, примыкают фамилии, изучение становления и функционирования которых представляет безусловный интерес, поскольку это история антропонимных единиц, хранящих в своей структурной и семантической организации данные, имеющие отношение к польскому, русскому и другим славянским языкам.

Рассмотрение проблем фамильного именованя жителей Витебска целесообразно начать с констатации того факта, что основной линией формирования семейного именованя в северной части Беларуси было укрепление фамилии из прозвища [Мезенка Г.М., 2001, с. 74]. Так, в Витебске XVII в. отпрозвищную форму имели 39,1%, в XIX в. – 25,0%, в 60-е гг. XX в., по данным Н.В. Бирилло [Бірыла М.В., 1988, с. 18], в целом по Беларуси 14,67%: *Булавка, Мигун, Мачала, Скиба, Щерба* и др. Все это свидетельствует о постепенном угасании тенденции образования фамилий от прозвищ. Несмотря на все же довольно значительный процент этого типа фамилий в Витебске и в Беларуси в целом, на восточнославянской территории наиболее высокая частотность рассматриваемых фамилий в украинском языке. В отдельных имениках (например, в бойковском) им принадлежит почти 41% фамильных единиц [Бучко А., 1995, с. 329]. Своеобразие фамилий указанного типа в Витебске в том, что, будучи гораздо более распространенными, чем в России и Беларуси в целом, они заметно уступают по количеству соответствующим украинским антропонимным единицам.

Отдельное место занимают именованя витеблян, построенные по модели на *-ский*, которые в славянских языках составляют единый ареал, где ядром восточнославянской его части с самой высокой частотностью таких фамилий выступает украинский язык, а западнославянских – польский. Особенность витебского массива фамилий на *-ский* в том, что своим приближением по частотности к украинскому и польскому языкам он свидетельствует будто об определенном западнославянском влиянии, причина которого кроется в экстралингвистических фактах,

прежде всего государственно-политической ситуации, складывавшейся в ходе формирования указанного типа фамилий, – пребывания города в составе Речи Посполитой. На самом же деле, если учесть, что антропонимы на *-ский / -цкий* происходят здесь не только от всевозможных фамилиеобразовательных основ топонимов, а даже от прозвищ, то влияние польского языка нужно свести к моде на «шляхетские» аналоги.

Несколько отдельно от фамилий, образованных при помощи других формантов, в витебской фамилиеобразовательной системе находятся образования от канонических имен или прозвищ с формантами *-ов / -ев*. Целесообразно вместе с ними рассматривать и единицы на *-ин / -ын*, так как выбор одного из двух формантов зависит только от характера основы, к которой он присоединялся. Оба форманта являются общеславянскими и носят патронимический или матронимический характер. Уместно будет здесь отметить, что фамилии на *-ов / -ев*, *-ин / -ын*, имеющие наибольшую частотность и составляющие основу русского антропонимикона, занимают доминирующее место и в антропонимной системе Витебщины, где на их долю приходится 35,3% от всех зафиксированных единиц (из них на *-ов / -ев* – 28,1%; на *-ин / -ын* – 7,2%). Частотность таких фамилий на Витебщине почти на 4% выше среднего показателя по России – 24% [Бірыла М.В., 1988, с. 41]. Хотя этот тип и является одним из самых продуктивных в Беларуси, существуют славянские территории, на которых концентрация фамилий на *-ов / -ев*, *-ин / -ын* более высокая: у русских она составляет 75,85%, а у болгар – даже 80,43% от общего числа фамилий [Бірыла М.В., 1988, с. 40]. Наш материал показывает, что форманты указанного типа использовались гораздо чаще при образовании от прозвищ, чем от христианских имен, что подтверждает мнение о «канцелярском происхождении» отпрозвищных форм.

Исследование частотности употребления той или иной фамилии, начатое Б. Унбегауном на петербургском антропонимиконе [Унбегаун Б.О., 1995, с. 312–313] и частично продолженное В.И. Супруном на волгоградском [Супрун В.И., 2000, с. 82–83], на витебском материале вообще не проводилось. Думается, не только интересной, но и важной для будущих этнолингвистических выводов будет таблица частотности, составленная на основе витебского телефонного справочника 1996 г. [Список, 1996, с. 116–555], где содержится почти 70000 фамилий (69420), принадлежащих приблизительно 210000 жителей, если условно за каждым абонентом посчитать еще по два человека. А если учесть, что в Витебске в 1992 г. проживало около 368000 человек, получается, 70000 фамилий относится к 57% населения.

Таблица 3.2 – Наиболее частотные фамилии витеблян 1996 г.

Ранг	Фамилия	Количество абонентов	Данные Б. Унбегауна 1910 г. (место – количество)	Данные В.И. Супруна 1993 г. (место – количество)
1	Иванов	817	1 – 1908	2 – 686
2	Козлов	330	36 – 255	Отсутствует
3	Лебедев	241	13 – 540	Отсутствует
4	Васильев	238	2 – 1352	5 – 335
5	Волков	233	22 – 389	Отсутствует
6	Новиков	232	40 – 243	9 – 254
7	Баранов	220	70 – 173	Отсутствует
8	Петров	215	3 – 1325	4 – 369
9	Соловьёв	209	25 – 382	Отсутствует
10	Богданов	175	18 – 459	Отсутствует
11	Павлов	170	17 – 480	19 – 216
12	Голубев	169	84 – 150	Отсутствует
13	Кузнецов	168	23 – 388	3 – 613
14	Воробьев	164	63 – 181	Отсутствует
15	Фёдоров	156	6 – 757	25 – 196
16	Степанов	154	15 – 497	23 – 204
17	Яковлев	149	8 – 662	30 – 183
18	Ковалёв	142	Отсутствует	11 – 238
19	Виноградов	131	33 – 273	Отсутствует
20	Алексеев	106	11 – 604	Отсутствует
	Андреев	106	10 – 636	28 – 188

Фреквентативный анализ фамильной антропонимии Витебска демонстрирует неожиданность: самой популярной витебской фамилией, которая значительно опережает остальные единицы (ее носят 817 абонентов), является фамилия *Иванов*, признанная самой распространенной у русских [Никонов В.А., 1993, с. 45], что, очевидно, ставит под сомнение этнонимический сдвиг в его значении «всякий русский» [Русская, 1994, с. 91].

Фамильным антропонимам *Козлов* и *Лебедев*, которые в антропонимиконе Санкт-Петербурга 1910 года занимали 36-ю и 13-ю позиции, а в волгоградском списке вообще отсутствуют, вместе принадлежат только 571-му абоненту. Приблизительно подобную позицию (в числе первой пятерки) в трех анализируемых антропонимиконах занимает фамилия *Васильев*: в витебском – 4-е, Санкт-Петербургском – 2-е, Волгоградском – 5-е.

Специфической чертой фреквентативного списка витебских фамилий является совместное существование в качестве наиболее попу-

лярных фамилий *Кузнецов* и *Ковалёв*, последняя из которых этимологически восходит к белорусскому прозвищу, а то в свою очередь к апеллятиву *каваль* «кузнец». Суммирование количества их носителей позволяет им претендовать на третье место в фамильной антропонимии города. Кстати, если этой же операции подвергнуть волгоградский список, где фамилия *Ковалёв* этимологически возводится к южнорусскому диалектизму с тем же значением, то указанные единицы вообще выйдут в Волгограде на первое по употребительности место (851 носитель).

Более высокий, чем в Волгограде, ранг фамилий *Новиков*, *Павлов*, *Степанов*, *Богданов*, первую из которых В.А. Никонов считал косвенным доказательством пополнения населения новопришельцами, «которые пришли со стороны» [Никонов В.А., 1993, с. 82], а три другие свидетельствуют о региональном своеобразии фреквентативности мужских имен, послуживших базой для образования отантропонимных фамилий.

Наоборот, в два и два с половиной раза реже, чем в Петербурге (там 3-й ранг) и Волгограде (4-й ранг), в Витебске используется фамилия *Петров* (8-й ранг), что также может объясняться региональными приметами отонимного фамилиеобразования.

Думается, по этой же причине отдельные витебские фамилии, такие как *Фёдоров*, *Яковлев*, чаще употребляются в Петербурге, но гораздо реже в Волгограде. Дело в том, что во время образования фамилий в городе имена, от которых произошли эти фамилии (*Фёдор*, *Яков*), под влиянием польского языка и костела параллельно применялись в римско-католической и местной формах *Теодори*, *Деодор*, *Ф[э]дор*, *Якуб*, *Якуш*, от которых тоже иногда образовывались фамилии по отмеченной модели: *Якубов* (в списке встречается 10 раз), *Якушев* (32 раза).

Как особенность витебского антропонимикона можно рассматривать включение в список под номерами 5, 7, 9, 12, 14, 19 фамилий *Волков*, *Баранов*, *Соловьёв*, *Голубев*, *Воробьёв*, *Виноградов*, которые в списке Б.О. Унбегауна занимают 22-ю, 70-ю, 25-ю, 84-ю, 63-ю, 33-ю позиции, а в списке В.И. Супруна вовсе отсутствуют. Всем им присуща одна и та же черта – образованы они от прозвищ, что чаще случается у белорусов, чем у русских.

Свое лицо у витебской антропонимии и в отношении восточнославянских фамильных типов. Естественно, что количество фамилий на *-ук / -чук*, составляющих украинско-белорусско-русский ареал с единым ядром наибольшей продуктивности, находящимся на сопредельной территории северо-западной Украины и юго-западной Беларуси (украинские исследователи считают этот тип основным западноукраинским типом [Редько Ю.К., 1966, с. 196–199]), незначительное: в инвентаре XVII в. они отсутствуют, в списке 1812 г. находим лишь две единицы (*Пранцук*, *Транчук*), в настоящее время их около одного процента: *Ани-*

щук, Гирдюк, Жеревчук, Игнатчук, Игнатюк, Ищук, Калишук, Карнарук, Каташук, Кипорук, Клобук, Клундук, Ковальчук и др.

По-иному сложилась судьба фамильного типа на *-енко*, который считается типично украинским, так как занимает в Украине первое место и известен во всех без исключения областях. Как известно, в Беларуси основной массив бытования фамилий на *-енко* находится в восточной части страны – на восток от линии *Бегомль – Борисов – Червень – Слуцк – Лунинец*. Ядро же максимальной продуктивности таких единиц, как свидетельствует Н.В. Бирилло и подтверждают результаты наших исследований, находится не на пограничье с Украиной, а в зоне города Витебска. В антропонимиконе жителей Витебщины 7,1% фамильных единиц заканчивается на *-енко*: *Абраменко, Авдеенко, Аверченко, Авраменко, Авхаренко, Агеенко, Адаменко, Азаренко, Азарченко, Алашенко, Алексеенко* и др.

Если учесть, что фамилий как последнего, так и предпоследнего типов в городе в XVII–XIX вв. почти не было, то становятся очевидными межнациональные и ассимиляционные процессы, происходившие после Великой Отечественной войны.

Специфической чертой витебского фамильного антропонимикона является и противоположная примета – низкий процент единиц собственно белорусского типа на *-еня*: *Зеленя, Крепenea, Щупеня*, – зато гораздо более высокая, чем на всей территории Беларуси, продуктивность антропонима на *-онок / -ёнок*. При этом некоторые редкие на Витебщине и в Беларуси личные мужские имена реализовали свою фамилиеобразовательную функцию только в этом типе на *-онок / -ёнок*: *Орестёнок* (от канонического *Орест*), *Заясёнок* (от католического *Jzajasz*).

Что касается витебской проприальной системы, то как сам репертуар имен, фамилий, так и основные направления номинации внутригородских объектов занимают свою нишу в славянском антропонимиконе. При этом выводы о степени общности / различия проприальной системы города с русской, украинской, польской, болгарской и шире – западной и южнославянской системами, а также о своеобразии рассматриваемого ономастикона не могут быть абсолютными в связи с нехваткой материалов по отдельным городам. Однако сравнение с публикациями, которые уже есть, и полевые записи автора в других городах Беларуси, России и Польши позволяют свидетельствовать, что современные имена, фамилии жителей, урбанонимы Витебска характеризуются особенностью семантики образующих основ, структуры, несмотря на то, что отдельные показатели продуктивности и распространения близки к общеполорусским, русским, украинским, польским и другим показателям.

3.2 МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ЛИЧНОГО ИМЕНИ НОВОРОЖДЕННОМУ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Понятие культуры охватывает не только устоявшиеся традиции, обычаи, поведение того или иного народа. Культурные особенности проявляются также в номинативной деятельности.

Для каждого народа характерны свои обычаи имянаречения. В сознании людей с именем человека связывали его судьбу, благополучие или, наоборот, злой рок, поэтому с ответственностью подходили к его выбору. У некоторых африканских племен право выбрать имя принадлежало знахарю, который определял имя предка, желавшего «возродиться». У алтайцев право выбора личного именованья предоставлялось незнакомому человеку. Имя, данное незнакомцем, должно было принести ребенку счастье. Тубалары – тюркоязычный народ на севере Алтайского края – для наречения ребенка приглашали всеми уважаемого старика, оказывая ему тем самым особое доверие и глубокое почтение. После получения ответа на вопрос, нужный (мальчик) или ненужный (девочка) это ребенок, старик называл имя [Ивашко В.А., 1988, с. 36–37].

У мусульманских народов в роли номинатора выступал, как правило, старейшина и выбирал имя предка, душа которого после акта номинации вселялась в потомка через имя [Гафуров А.Г., 1964, с. 284]. Такой обряд имянаречения символизировал непрерывность жизни и знаменовал преемственность поколений.

У восточных славян в дохристианский период номинаторами являлись родители: «Первых родов человеци ... до некоего времени даяху (давали) детям своим имена, якоже отец или мать отроцати (ребенка) изволят...» [цит. по: Успенский Л.В., 2008, с. 17].

Как свидетельствуют этнографы, на территории современных Беларуси и России широкое распространение имела семейная традиция выбора имени новорожденному. Как правило, нарекали в честь старших родственников, что знаменовало собой существование древнего культа предков. Зафиксированы случаи, когда нарекали именем первого встречного человека, которого отец новорожденного ждал, стоя на перекрестке дорог (Шарковщинский район Витебской области). Нередко имя выбирала повитуха, когда впервые купала ребенка и по просьбе родителей давала ему имя, совершая своеобразный обряд крещения (Полесье и южные районы Беларуси) [Кухаронак Т.И., 1993, с. 39–41]. Главная роль в выборе имени для мальчика принадлежала отцу, для девочки – матери. Чаще всего, однако, право выбрать имя предоставлялось священнослужителю [Смирнов М., 1911, с. 255], который в период христианизации именованья до 1917 г. выступал в роли основного номинато-

ра, выбирая имя в соответствии с церковным календарем. Акт номинации у жителей Могилевской губернии в XIX в., например, происходил следующим образом: бабка-повитуха покупала белый хлеб и шла к церковнику «за именем». Придя в дом и положив «подарок» на стол, она ожидала прочтения молитвы и выбора имени [Кухаронак Т.И., 1993, с. 41].

В советский период в результате смены исторической и мировоззренческой парадигм и секуляризации общественной жизни обязательность церковных канонов была отменена, а родителям было предоставлено право свободного выбора имени новорожденному. Однако, как отмечает исследователь П.П. Чучка, в некоторых районах сохранились суеверия и отдельные дохристианские верования и культы, связанные с процессом присвоения имени [Чучка П.П., 1970, с. 5].

На современном этапе правила присвоения имени ребенку изложены в законодательных актах, которые служат регуляторами процесса имянаречения. Так, в Республике Беларусь юридическим документом, согласно которому регистрируется личное имя новорожденному, является действующий Кодекс Республики Беларусь о браке и семье¹. В частности, статья 69 Кодекса содержит следующие правовые установления: «Собственное имя ребенку дается с согласия родителей. Ребенку может быть дано не более двух собственных имен. Собственное имя, записанное в записи акта о рождении первым, считается основным. Орган, регистрирующий акты гражданского состояния, не вправе отказать в присвоении ребенку выбранного родителями собственного имени, если только оно не противоречит нормам общественной морали, национальным традициям» [Кодекс, 2011, с. 41]. Таким образом, юридически номинаторами выступают отец и мать новорожденного. Однако наряду с правовой детерминацией процедуры присвоения имени существуют внутрисемейные и культурные традиции, индивидуальные и коллективные договоренности, которые можно установить, изучая мотивы выбора имени.

На материале ответов 1097 жителей Витебщины были установлены особенности номинативной деятельности и роль культурных традиций в вопросе присвоения личного имени новорожденному.

Западные районы Белорусского Поозерья в ходе многократных изменений государственной границы сформировали сложное полисистемное образование, характерной чертой которого выступает национально-культурная неоднородность.

Согласно переписи населения СССР 1959 г., на территории БССР проживало 8054648 человек разных национальностей, из них белорусов – 6532035, русских – 659093, поляков – 538881, евреев – 150084, татар – 8654, литовцев – 8363, цыган – 4662, латышей – 2631 [Всесоюзная

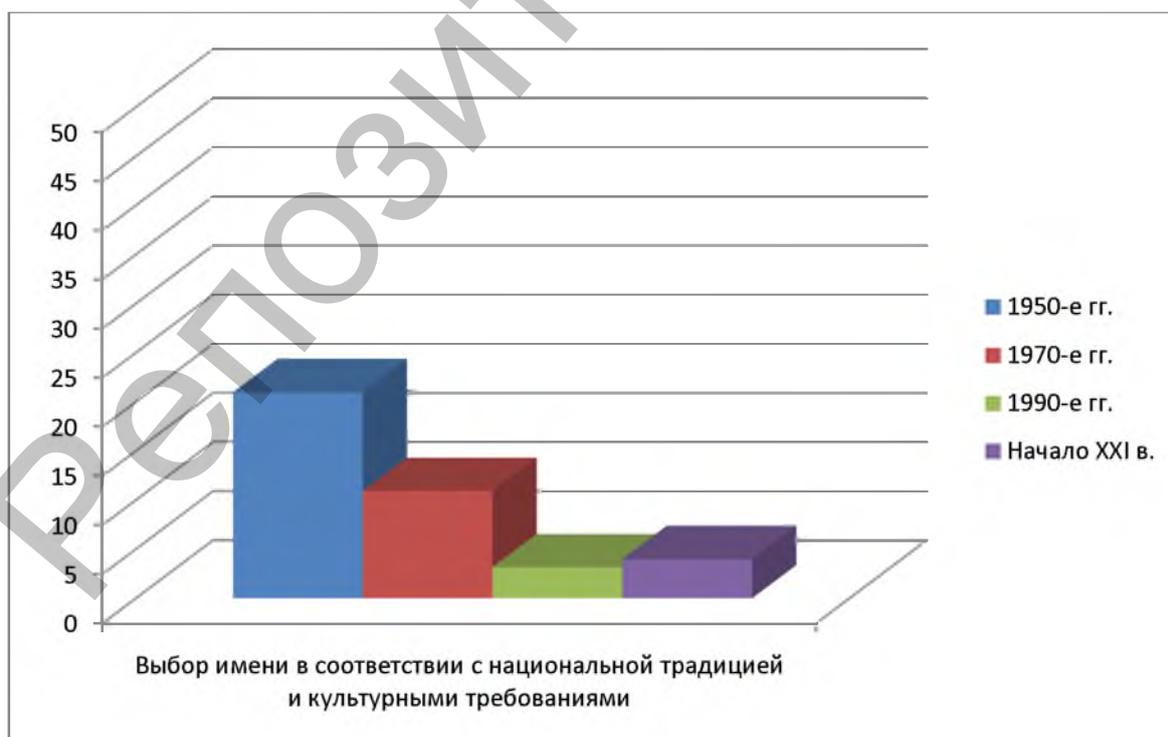
¹ В Белорусской ССР наречение ребенка осуществлялось согласно Основам законодательства Союза ССР о браке и семье и Кодексу Белорусской ССР о браке и семье (статья 59).

перепись, 1959]. По данным последней переписи населения Республики Беларусь, проводившейся в 2009 г., на территории Витебской области проживает 1047978 белорусов, 124958 – русских, 14557 – украинцев, 11141 – поляков, 1149 – армян, 1186 – цыган и др. [Перепись населения, 2009]. Несмотря на значительное сокращение численности представителей некоторых национальностей, этнокультурная составляющая номинативного процесса продолжает фиксироваться.

В номинативной сфере такая национальная неоднородность характеризуется достаточно высоким процентным показателем выбора личного имени согласно национально-культурной традиции в середине XX в. Так, в 1950-х гг. данный мотив занимает 2-е место (20,99%), уступая лишь личным вкусовым предпочтениям или личной положительной оценке звуковой оболочки имени (35,80%). Начиная с 70-х гг. XX в. роль национальной принадлежности родителей в вопросах номинативного выбора и следование культурным традициям постепенно ослабевают:

1970-е гг. – 4-е место (10,95%); 1990-е гг. – 6-е место (3,18%); начало XXI в. – 7-е место (4%), что, на наш взгляд, связано с интернационализацией антропонимных ресурсов и национально-этнической консолидацией (см. диаграмму 3.1).

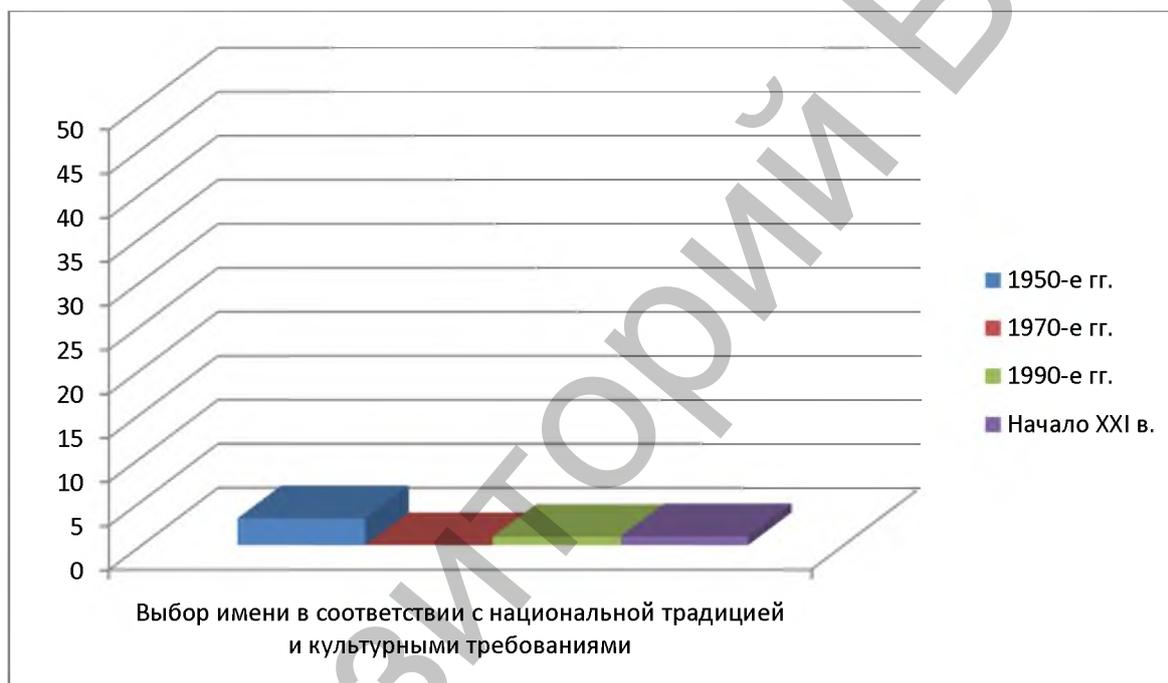
Диаграмма 3.1 – Номинативный выбор, обусловленный национально-культурными традициями, в северо-западной части Белорусского Поозерья (в %)

В центральной и северо-восточной частях Витебской области случаи проявления национально-культурной обусловленности процесса выбора личного имени новорожденному sporadичны:

1950-е гг. – 5-е место (3,05%); 1970-е гг. – не выявлено; 1990-е гг. – 7-е место (0,95%); 2010–2011 гг. – 9-е место (1%), что свидетельствует об относительной национально-культурной однородности региона (см. диаграмму 3.2).

Диаграмма 3.2 – **Номинативный выбор, обусловленный национально-культурными традициями, в центральной и северо-восточной частях Белорусского Поозерья (в %)**

Таким образом, механизмы и закономерности национально-культурной перцепции личности могут быть вскрыты посредством анализа мотивов выбора имени и роли номинаторов. Специфика западного пространства Белорусского Поозерья в отличие от восточного заключается в полинациональном колорите первого. На номинативно-мотивационном уровне это выражается в количественном превалировании случаев выбора личного имени новорожденному в соответствии с национальными канонами. Однако к концу XX – началу XXI в. зафиксировано влияние процессов интернационализации и макроинтеграции на сферу имянаречения, что привело к резкому сокращению случаев номинации национальными именами.

Культурная кодированность процесса выбора личного имени, тем не менее, не замыкается, на наш взгляд, мотивом следования нацио-

нальной или культурной традиции в выборе личного имени новорожденному. Поскольку культурные коды формируют систему образов, связанную с тем или иным комплексом стереотипов в сознании человека, их специфика может быть установлена посредством анализа всей именословной системы и номинативной деятельности в целом. Определение аксиологических доминант в процессе имянаречения поможет определить также особенности этнокультурного пространства Белорусского Поозерья.

Ранжирование мотивов выбора личного имени новорожденному по хронологическим отрезкам и диахронический анализ показали, что наряду со «стереотипными» (термин М.В. Голомидовой) мотивами (именование в честь родственников и знакомых, выбор понравившегося или модного, по мнению членов семьи, имени) постепенно обретает популярность мотив выбора редкого, малораспространенного или оригинального имени («*Захотели выбрать не типичное имя Елена, а другое, более необычное (Алёна)*»; «*Дочку назвала Евой в силу необычности имени*»; «*Назвали именем, выделяющим ребенка, необычным, оригинальным (Полина)*»; «*Выбрала имя Ульяна, которое отличается от других*»; «*Назвали необычным именем Виолетта*»; «*Выбрали имя Августина в силу его необычности*»; «*У меня “мальчишечье” имя Владислава, зато не как у всех*»; «*Мама посчитала, что имя Кристина отличается от традиционных имен в нашем городе*»; «*Назвали необычным именем Юлиана, а не Юля*»). Это, на наш взгляд, знаменует собой отказ от антропонимной унифицированности и свидетельствует о том, что в системе ценностей жителей Белорусского Поозерья к началу XXI в. начинает превалировать новая аксиологическая доминанта – индивидуальность.

К началу XXI в. установлено расширение спектра ценностных ориентиров при номинации, что, на наш взгляд, обусловлено объективными причинами: сменой общественно-политической и культурно-мировоззренческой парадигм. Постепенная активизация процесса возрождения традиций и канонов христианской церкви отразилась на изменении отношения людей к религии. «В духовной культуре многих народов с давних времен первенствующую роль играла религия как способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, как мировоззрение и мироощущение, совокупность верований и нравственных представлений...», – считает А.В. Суперанская [Суперанская А.В., 2006, с. 59]. Так, на территории Белорусского Поозерья зафиксировано увеличение (по сравнению со второй половиной XX в.) случаев выбора имени в соответствии с церковным календарем, что свидетельствует о конфессиональной обусловленности развития именика и общества в начале XXI в.

Таким образом, анализ мотивации (совокупности мотивов) выбора личного имени новорожденному как способа репрезентации культурного кода показал, что система ценностей жителей Белорусского Поозерья во второй половине XX в. (1950-е гг., 1970-е гг.) основывается на таких понятиях, как семья и близкое окружение, традиция, мода. В 1990-х гг. круг номинативных приоритетов и аксиологических доминант расширяется. При выборе имени новорожденному родители руководствовались не только «стереотипными» мотивами. Наряду с антропонимной унифицированностью, характерной для именника жителей Белорусского Поозерья в 1950–1970-х гг., в конце XX в. номинаторы отдают предпочтение редким, малораспространенным и оригинальным (часто иноязычным) личным именам, стремясь к индивидуальности. Реакцией на смену общественно-политической и мировоззренческой парадигм можно считать появление в 1990-х гг. таких мотивов, как выбор имени согласно церковному календарю, а также изменение номинативного «эталона» (в 1970-х гг. таковыми выступали космонавты, политики, героини фильмов (например, *Анжелика*), в то время как в 1990-х гг. – героини литературных и кинематографических произведений (*Маргарита*, *Злата*), эстрадные исполнители (*Алеся*)).

Таким образом, в условиях формирования глобального сообщества XXI в. и открытости коммуникативных, информационных и государственных границ в номинативной сфере Белорусского Поозерья не происходит размытия национальной идентичности и национально-культурного сдвига. Несмотря на распространение тенденции следования моде в вопросе номинативного выбора и стремление к оригинальности, жители данного региона стараются обозначить этническую принадлежность своего ребенка с помощью личного имени, характерного, по их мнению, для национальной именованной системы, посредством канонического имени или номинативной единицы, входящей в семейный именованный фонд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ особенностей взаимовлияния ономастикона Белорусского Поозерья и культуры и общества позволяет заключить.

1. Значимые для национального мировидения культурные смыслы репрезентируются в ойконимиконе Белорусского Поозерья средствами шести кодов культуры.

Антропоморфный код культуры эксплицируется в системе названий населенных пунктов региона при помощи трех групп отантропонимных ойконимов, самыми многочисленными из которых являются наименования, образованные на базе древних славянских имен (2272 названия, или 45,3% от общего числа топонимов региона). Второе по продуктивности место занимают ойконимы, мотивированные каноническими православными и католическими именами (768 единиц, или 15,3%). Небольшую группу образуют названия-посвящения (9 ойконимов, или 0,2%), присвоенные в результате переименований советского времени.

Воплощению ландшафтного кода культуры служат ойконимы, содержащие в основах указание на физико- или экономико-географический объект, относительно которого номинируется поселение. Подобным наименованиям принадлежит 21,6% (1085 топонимов) от общего числа названий поселений.

Выразителями временного кода культуры являются сложные и составные ойконимы в форме атрибутивных словосочетаний (318 топонимов, или 6,3% от общего количества наименований региона), определяющие компоненты которых объединяются общим устойчивым значением – указанием на относительную хронологию возникновения населенных пунктов: *великий, старый, первый / 1* – свидетельствуют о более раннем возникновении объектов; *малый, новый, второй / 2* – о более позднем.

Реализаторами пространственного кода выступают номинативные единицы, описывающие базовый для ойконимного пространства параметр «локализация объекта» на основе оппозиций «передний / задний», «ближний / дальний», «верх / низ», «начало / конец», «север / юг». Самую высокую продуктивность демонстрирует второй компонент модели «передний / задний», с помощью которого выражается идея *локализации населенного пункта за каким-либо объектом*. Названия, содержащие в семантике указание на местоположение поселения за соответствующим географическим объектом, включают 83 единицы (1,7%).

Группу ойконимов, объективирующих растительный код культуры, составляют наименования, соотносительные с названиями деревьев, кустарников, травянистых и споровых растений. Наибольшее количество топонимов мотивировано лексемами, обозначающими породы де-

ревьев (*дуб, липа, берёза*). Единицы, производные от названий травянистых и споровых растений, представляют собой немногочисленные неповторяющиеся топонимы.

Информация духовного кода культуры зафиксирована в ойконимах Белорусского Поозерья в большинстве случаев имплицитно. Так, топонимы, сформированные на базе православных и католических имен и репрезентирующие антропоморфный код культуры, выявляют опосредованную связь с христианской религией, нравственные ценности которой являют собой неотъемлемую часть духовной культуры белорусского народа. Выразителями духовного кода выступают также ойконимы, появившиеся в советское время, поскольку они возникли на базе слов, присутствующих в сознании носителей языка как идеологические символы советского общества и культуры.

Своеобразие ойконимной системы как транслятора культурных смыслов заключается в интенсивности воплощения антропоморфного кода культуры, специфичности выбора элементов ландшафтного кода традиционной белорусской картины мира, выделяемых в качестве объектных приоритетов; различной степени релевантности базовых оппозиций пространственного кода культуры. Так, например, удельный вес отантропонимных образований в ойконимном пространстве (60,8%) почти в два раза превышает показатели по урбанонимному (39,8%) [Мезенко А.М., 2011]. Специфика выбора объектных приоритетов в ойконимии Белорусского Поозерья проявляется в выделении в качестве номинативных центров таких элементов ландшафтного кода традиционной культуры, как *река, озеро, гора* и *лес*. При этом ведущая роль отводится *реке* и *озеру*, популярность которых в определенной мере обусловливается природными особенностями региона, характеризующегося наличием значительного количества водных объектов. Отличительная черта ойконимного пространства – немногочисленность названий, связанных с ориентацией по сторонам света, которые демонстрируют высокую продуктивность в белорусской урбанонимной системе и топонимиконах Тюменского Приобья, Русского Севера и Приенисейской Сибири. По отношению к системе названий внутригородских объектов Беларуси, где преобладают *дальние* урбанонимы, реализация параметра «ближний / дальний» в ойконимии характеризуется асимметричностью в пользу первого компонента. Идея удаленности объекта выражается при помощи единичных наименований (*Далёкие, Далёкое*).

Ойконимия Белорусского Поозерья содержит богатую информацию о духовной культуре народа. Свойственный традиционной культуре антропоцентрический характер осмысления пространства представлен в ойконимных единицах, служащих репрезентации оппозиций «передний / задний», «ближний / дальний», «начало / конец», при форми-

ровании которых представление человека о себе как наблюдателе выходит на первый план.

Базовые оппозиции культуры «добро / зло», «хорошо / плохо», «плюс / минус» находят отражение в названиях населенных пунктов, образованных от местных географических терминов и объективирующих ландшафтный код культуры. Наиболее продуктивными являются географические термины, обозначающие локусы, наделяемые в традиционной белорусской культуре, как правило, положительным потенциалом (*река, озеро, гора, лес*), в то время как лексемы, называющие ландшафтные реалии с отрицательными коннотациями (*болото, низменности*), менее распространены.

Характерное для народной традиции пространственное восприятие времени опредмечивается в ойконимных единицах, транслирующих информацию временного кода культуры, в составе которых в качестве субстантивного компонента используются уже существующие ойконимы с целью привязки поселений к конкретному земельно-хозяйственному комплексу, а определения *великий / малый, старый / новый, первый / второй* употребляются для указания на время возникновения населенных пунктов.

Центральный мифопоэтический образ традиционной духовной культуры – *Дерево жизни*, репрезентантами которого являлись *дуб, липа, берёза*. Ценностное значение этих растений в мифологических представлениях белорусов нашло отражение в ойконимии Белорусского Поозерья. Наибольшее количество названий, эксплицирующих растительный код культуры, образовано от лексем *дуб, липа, берёза* (13%, 9%, 7% соответственно).

2. Несмотря на то, что внутригородские, внутрисельские и внутрисадоводческие названия имеют во многом схожее строение и принципы номинации, им свойственны пять типов отличий: лексико-семантические, номинационные, структурные, грамматические, лингвокультурологические.

Все перечисленные разновидности наименований топографических объектов в пределах поселения, обладающие как общими, так и яркими индивидуальными характеристиками, следует рассматривать как автономные разряды внутриселенческих названий, репрезентирующие сектор конлокационимов.

Изучение наименований топографических объектов, функционирующих в пределах поселений различных типов, в сопоставительном аспекте представляет дополнительный материал для выявления не только различий, но и общих тенденций.

3. Анализ показал, что объекты совершения обряда (церкви, костелы, храмы, каплицы и т.п.) во все столетия исследуемого периода вы-

ступали наиболее важными ориентирами в городской местности, а их названия служили базой для формирования именованных внутригородских объектов. Фреквентативно близки тематические группы названий, мотивированных наименованиями служб города, а также образовательных, здравоохранительных, спортивных и общественных сооружений. Менее задействованными на протяжении указанного временного отрезка оказались названия линейных объектов, восходящих к наименованиям торговых, производственных и сельскохозяйственных сооружений. Отмеченное свидетельствует о превалировании духовного вектора при определении жителями исследуемых территорий ведущих ориентиров внутри поселений, о корреляции сохранности традиций урбанонимной номинации.

Выполняя функцию репрезентаторов духовного кода, отэкклезионимные урбанонимы и виконимы участвовали и продолжают участвовать в утверждении нравственных ценностей и связанных с ними положительных компонентов оппозиций культуры «добро / зло», «плюс / минус», «хорошо / плохо», «верх / низ».

4. Выбор имени человеку, географическому объекту не является произвольным, он связан с ментальностью жителей населенного пункта, находится в тесной зависимости от духа эпохи и соответствует культурно-историческому и идейно-эстетическому контекстам общественной жизни человечества вообще. Именно поэтому не случайны, а закономерны неожиданные совпадения номинативных операций у славянских (и не только славянских) народов в одни и те же исторические периоды.

Ономастикон – это шифр культурно-национального опыта и традиций народа. Он имеет отношение к материальной, социальной и духовной культуре определенного языкового коллектива.

Частотность же годонимов способна выступать экспонентом культурно-исторической информации, изучение которой создает основу для моделирования языковой картины мира. Состав частотных годонимов меняется с течением времени. Одни имена улиц остаются широко используемыми в XVI, XVII и XVIII веках, другие выходят из употребления. Употребительность частотных названий также может изменяться, при этом название остается распространенным, но количество линейных объектов, носящих его, может увеличиваться или уменьшаться.

Как показывает анализ, в конце XX – начале XXI в. в белорусской годонимной системе наиболее частотны следующие три названия улиц: *Молодёжная ул.*, *Садовая ул.*, *Советская ул.*, – свидетельствующие о выходе на первый план социальных (*Молодёжная ул.*) и идеологических (*Советская ул.*) параметров, выступающих экспонентами современной исторической эпохи. В польской годонимии это другие наименования: *Ul. T. Kostiuszki*, *Ul. Polna*, *Ul. A. Mickiewicza*, – имеющие отношение

к прецедентным именам, связанным с историей Польши (*Ul. T. Kostiushki*), литературой и искусством (*Ul. A. Mickiewicza*).

Это свидетельствует о существовании определенных предпочтений в выборе уличных номинаций и является перспективным в аспекте сопоставления с данными по другим странам и регионам.

5. В современной ономастике развитие получают как традиционные подходы к изучению онимного материала, так и новые, в которых значительное место отводится антропоцентрическому фактору. Актуальность приобретают лингвистические исследования, осуществляемые с привлечением других дисциплин (культурологии, социологии, психологии и т.д.). Анализ виконимии в лингвокультурологическом аспекте, одном из наиболее актуальных, позволил рассматривать виконимное пространство как сложный лингвистический комплекс, являющийся результатом исторического, социального, языкового и культурного развития белорусского народа и представляющий собой многосложное отражение фрагмента языковой картины мира. В процессе интерпретации виконимной единицы ведущую роль играют фоновые знания историко-культурного и национально-культурного характера.

Виконимическая картина мира представляет собой часть ономастической картины мира и конституируется тремя составляющими: географической (связана с первостепенной функцией названий линейных объектов – адресной – включает виконимы, содержащие указание на местоположение объекта), исторической (объединяет топонимы с учетом отражения в них исторической информации, при этом имя сопровождается лингвострановедческими и лингвокраеведческими фоновыми знаниями) и культурной (виконимы реализуют ценностно-смысловую и культурно маркированную информацию, а составляющая моделируется на основе установления кодов культуры, свойственных системе названий внутрисельских линейных объектов).

Моделирование географической составляющей виконимической картины мира детерминировано ценностными установками в отношении местоположения объекта и осуществляется при помощи семантических полей «локализация», «стороны света», «величина». Основными единицами названных полей являются актуальные семантические модели, представленные как базовыми для топонимии («правый / левый», «верх / низ», «передний / задний», «близкий / дальний», «начало / конец», «запад / восток», «север / юг», «длинный / короткий»), так и реализуемыми виконимией как ее частью бинарными оппозициями («симметричный / асимметричный» (в виконимии Беларуси), «малый / большой», «параллельный / перпендикулярный», «широкий / узкий»), элементы которых задействованы в разной мере. В пределах поля «локализация», отмеченного наибольшим объемом и включающего онимы, характери-

зующие расположение линейного объекта, преобладают названия, имеющие в составе виноклексема *центральный* (*Центральная ул.*). Ядерными конститuentами поля «*стороны света*», объединяющего виноклимы, указывающие на локализацию согласно сторонам света, являются виноклимы *Восточная ул.* и *Северная ул.* Ядро поля «*величина*», включающего наименование, отражающие параметрические данные объекта, образует название *Широкая ул.*

Конструирование исторической составляющей виноклимической картины мира осуществляется с учетом исторического содержания названия на основании выделения информационных полей «*историческая память*», «*историческое время*», «*историческая эпоха*», среди которых наибольшим количеством конститuentов отмечено первое, объединяющее виноклимы, образованные от фамилий участников исторических событий. Наименования данных полей, помимо *адресной*, выполняют *меморативную* функцию. Базовыми единицами информационных полей являются тематические группы, сформированные с учетом экстралингвистической информации, сопровождающей название объекта. Ядерными конститuentами полей служат виноклимы, сохраняющие память об участниках исторических событий (*ул. Заслонова*), праздничных датах (*Октябрьская ул.*, *Первомайская ул.* и т.д.), символах (*Советская ул.*, *ул. Мира / Мирная ул.* и т.д.) и деятелях (*ул. Ленина*, *ул. Гагарина* и т.д.) эпохи.

Виконимия выступает транслятором богатейшей исторической, культурной, этнографической, социальной информации. Названия внутрисельских объектов являются носителями духовной культуры народа, поскольку в них воплощаются национальные ценности, значимые для этноса смыслы, экспонирующиеся при помощи кодов культуры, репрезентирующихся в виноклимии Белорусского Поозерья с разной степенью интенсивности. Культурная составляющая виноклимической картины мира конститuentируется при помощи топоморфного, антропоморфного, ландшафтного, пространственного, временного, флористического, фаунистического, эмоционально-характерологического, цветового, социально-идеологического, духовного кодов культуры.

6. Антропонимы и топонимы, распространенные в городе, отличаются в количественном и качественном планах от соотносимых с ними единиц, используемых на других территориях Беларуси и соседних республик. В отношении взаимодействия западных и восточных влияний современный Витебск, в отличие, например, от Бреста и Гродно, находится в зоне преимущественного культивирования восточных традиций.

Известно, насколько велико влияние религиозных верований на формирование онимных систем, и это полностью подтверждается ономастикой Витебска – города белорусов, которому всегда был присущ религиозный синкретизм.

Последовательное изучение ономастиконов разных славянских городов поможет, по нашему мнению, полно и всесторонне описать ди-ахроническую и синхроническую славянскую именологическую систему, исследовать ее структурно-типологические особенности, пути формирования, характер иноязычных влияний.

Развиваясь в том или ином социуме и функционируя в рамках его законов, человек постигает образы, ритуалы, механизмы, которые он впоследствии проецирует на свою деятельность. Анализ того или иного аспекта его деятельности, в том числе процесса номинации, помогает установить особенности национально-культурного пространства, определить механизмы, с помощью которых человек постигает действительность, то есть установить культурные коды.

Диалектика устойчивости и предпочтительности личных имен у жителей Белорусского Поозерья обусловлена рядом факторов и выражена в мотивах выбора имени новорожденному. Выбор личного имени детерминирован традицией (национальной и семейной) и модой при их абсолютном доминировании во второй половине XX в. В конце XX – начале XXI в. в условиях открытости информационных каналов и маркетизации социального пространства номинативная сфера испытывает влияние экстралингвистических факторов, в частности общественного, информационного и глобализационного. Это привело к некоторой трансформации аксиологической системы и отразилось на номинативных приоритетах жителей приграничья. Вместе с тем, несмотря на ослабление влияния собственно национального фактора на процесс выбора личного имени новорожденному, высокой аксиологической значимостью для жителей региона характеризуются такие понятия, как семья (род), традиция, культура и религия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Агапкина, Т. А. Дуб / Т. А. Агапкина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: Н.И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995– . – Т. 1 : А – Г / Т. А. Агапкина [и др.]. – 1995. – С. 141–146.

Агапкина, Т. А. Лес / Т. А. Агапкина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.]; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 3 : К (Круг) – П (Перепелка) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 2004. – С. 97–100.

Агапкина, Т. А. Поле / Т. А. Агапкина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.]; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 133–137.

Агеева, Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Р. А. Агеева. – 2-е изд., испр. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Алефиренко, Н. Ф. Теория языка. Вводный курс : учеб. пособие для студентов филол. спец. высш. учеб. заведений / Н. Ф. Алефиренко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2007. – 384 с.

Аліферчык, Т. М. Тапанімія Заходняга Палесся ў этналінгвістычным аспекце : дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Т. М. Аліферчык ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. – Мінск, 2010. – 179 л.

Аліферчык, Т. М. Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект / Т. М. Аліферчык. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 255 с.

Асветнікі зямлі Беларускай: X – пачатак XX ст. : энцыкл. даведнік / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2006. – 496 с.

Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Либроком, 2014. – 576 с.

Бабушкіна, Н. І. Састаўныя айкоіны Брэстчыны і іх структурныя тыпы / Н. І. Бабушкіна // Беларуская анамастыка : зб. арт. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд. М. В. Бірыла, В. П. Лемцюгова. – Мінск, 1981. – С. 88–100.

Багдановіч, М. Зорка Венера : творы / М. Багдановіч ; уклад. і прадм. А. Клышкі. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 462 с.

Басик, С. Н. Общая топонимика : учеб. пособие для студентов географического факультета / С. Н. Басик. – Минск : БГУ, 2006. – 200 с.

Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.

Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; пад рэд. С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.

Белова, О. В. Свой – чужой / О.В. Белова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995– . – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 581–582.

Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко [и др.] ; под ред. А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.

Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е. Л. Березович ; под ред. А.К. Матвеева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Либроком, 2009. – 328 с.

Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.

Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.

Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія. 3: Структура ўласных мужчынскіх імён / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.

Бірыла, М. В. Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў / М. В. Бірыла. – Мінск, 1988. – 68 с.

Бойцов, О. Н. Топонимия Смоленского края в прошлом и настоящем [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Н. Бойцов. – Смоленск, 2003. – Режим доступа: <http://www.rsl.ru>. – Дата доступа: 05.04.2011.

Большая советская энциклопедия : в 50 т. – М., 1975. – Т. 21. – 640 с.

Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М., 1983. – 224 с.

Борисевич, О. А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. А. Борисевич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2012. – 24 с.

Бубнова, Н. В. Имена собственные в структуре региональных фонетических знаний смолян : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Бубнова ; Смол. гос. ун-т. – Смоленск, 2011. – 24 с.

Будзько, П. С. Тыпалогія састаўных айконімаў (На матэрыяле беларускай і нямецкай моў) / П. С. Будзько // Беларуская аномастыка : зб. арт. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд. М. В. Бірыла, В. П. Лемцюгова. – Мінск, 1985. – С. 52–67.

Бучко, А. Найпоширениши структурные моде призвищ Бойковщины / А. Бучко // *Badania dialektów i onomastyki na pograniczu polsko-wshodniosłowiańskim*. – Białystok, 1995. – S. 327–336.

Валаханович, А. И. Дзержинщина: прошлое и настоящее / А. И. Валаханович, А. Н. Кулагин. – Минск : Наука и техника, 1986. – 199 с.

Валодзіна, Т. Поле / Т. Валодзіна // *Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько*. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 364.

Варфоломеев, А. Имена калининградцев вчера и сегодня / А. Варфоломеев // *Балтийский филологический курьер*. – Калининград, 2000. – № 1. – С. 194–206.

Васильева, С. П. Образ пространства по данным топонимии / С. П. Васильева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sib-subethnos.narod.ru/p04/wasileva.htm>. – Дата доступа: 12.05.2011.

Васильева, С. П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. П. Васильева. – Красноярск : РГБ, 2005. – Режим доступа: <https://dvs.rsl.ru/vsu/Vrr/SelectedDocs?docid=/rsl01003000000/rsl01003381000/rsl01003381186/rsl01003381186.pdf>. – Дата доступа: 21.10.2013.

Васильева, Т. Ю. Ментальный образ места поселения как фрагмент языковой картины мира / Т. Ю. Васильева // *Ученые записки Таврич. нац. ун-та. Сер. Филология. Социальные коммуникации*. – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 185–189.

Васильева, Т. Ю. Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. Ю. Васильева ; НАН РБ. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы. – Минск, 2014. – 23 с.

Васілюк, Н. І. Лексіка-семантычныя тыпы мікратапаніміі паўднёва-заходняй часткі Брэстчыны / Н. І. Васілюк // *Беларуская анамастыка : зб. арт. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; рэд. М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова*. – Мінск, 1985. – С. 103–113.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М., 1997. – 416 с.

Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.

Виноградова, Л. Н. Река / Л. Н. Виноградова // *Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]*. – М. : Междунар. отношения, 1995– . – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 416–419.

Воробьёв, В. В. Лингвокультурология : монография / В. В. Воробьёв. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2008. – 337 с.

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демографический еженедельник «Демоскоп Weekly» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=3. – Дата доступа: 20.10.2012.

Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

Ганцовская, Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова (проблемы типологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. С. Ганцовская. – Ярославль, 2008. – 44 с.

Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2006. – Т. 3 : Брэсцкая вобласць / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Кн. 1. – 528 с.

Гафуров, А. Г. Способы и виды наречения детей у таджиков / А. Г. Гафуров // Индийская и иранская филология : сб. ст. / АН СССР, Ин-т народов Азии ; под ред. Н. А. Дворянкова. – М. : Наука, 1964. – С. 282–295.

Генкин, В. М. Ойконимы Витебщины, сформированные на базе православных и католических имен / В. М. Генкин // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica : VIII Міжнар. навук. канф. «Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства» : у 2 ч., Віцебск, 22–24 кастр. 2009 г. / Віцеб. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Г. М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск, 2009. – Ч. 2. – С. 21–25.

Географическое пространство // Географический энциклопедический словарь: понятия и термины / гл. ред. А. Ф. Трещников ; редкол.: Э. Б. Алаев [и др.]. – М. : Совет. энцикл., 1988. – 432 с.

Герои Советского Союза : краткий биографический словарь : в 2 т. / предс. редкол. И. Н. Шкадов. – М. : Воениздат, 1987. – Т. 1 (Абаев – Любичев). – 911 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 2. Биець – Варивный / склад.: А. П. Груцо [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 320 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 6. Выостренный – Глядати / склад.: Р. С. Гамзовіч [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 303 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 16. Коржъ – Лесничанка / склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – 359 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 17. Лесничий – Местский / склад.: Т. І. Блізнюк [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 365 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 21. Никой – Оддухъ / склад.: А. М. Булыка [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – 405 с.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 30. Ралець – рушаты / склад.: І. У. Будзько [і інш.] ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 496 с.

Глазачева, Н. Л. Культурные особенности китайских топонимов как отражение национальной концептосферы / Н. Л. Глазачева // Краеведение Приамурья : период. сб. – 2010. – № 4 (13). – С. 35–44.

Глазачева, Н. Л. Макротопонимия китайского языка как фрагмент языковой картины мира / Н. Л. Глазачева, Д. В. Кувардина // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния : материалы IV Международ. заоч. науч.-практ. конф. / Благовещ. гос. пед. ун-т ; под ред. Н. Л. Глазачевой, О. В. Залесской. – Благовещенск, 2013. – С. 60–68.

Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : монография / М. В. Голомидова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.

Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М. В. Горбаневский ; Ин-т рус. яз. – М., 1994. – 39 с.

Городецкий, Б. Ю. К проблеме семантической типологии / Б. Ю. Городецкий. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 564 с.

Гостева, И. В. Лингвокультурологическое поле «Духовность»: структура и динамика / И. В. Гостева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – № 36. – С. 34–39.

Гудков, Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2004. – Вып. 26. – С. 39–50.

Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.

Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1 : А – З. – 1989-а. – 699 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 2 : И – О. – 1989-б. – 779 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 3 : П. – 1990. – 555 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 4 : Р – v. – 1991. – 683 с.

Дмитриева, Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы: на материале русской топонимии Алтая [Электронный

ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. М. Дмитриева. – Барнаул : РГБ, 2002. – Режим доступа: <http://www.rsl.ru>. – Дата доступа: 21.10.2013.

Дорофеенко, М. Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Дорофеенко. – Минск, 2015. – 28 с.

Дорофеенко, М. Л. Фреквентативные особенности виконимов Гомельской и Гродненской областей: сходства и различия / М. Л. Дорофеенко // НИРС 2012 : сб. науч. работ студентов Респ. Беларусь / редкол.: А. И. Жук (предс.) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 504–505.

Дучыц, Л. Балота / Л. Дучыц, І. Клімовіч, У. Лобач, С. Санько // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-а. – С. 39–40.

Дучыц, Л. Гара / Л. Дучыц, У. Лобач // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-б. – С. 113.

Дучыц, Л. Рака / Л. Дучыц, У. Лобач // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-в. – С. 398–400.

Дучыц, Л. Рака / Л. Дучыц, У. Лобач // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-г. – С. 398–400.

Дучыц, Л. Сад / Л. Дучыц, І. Швед // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-д. – С. 422–423.

Дучыц, Л. Сасна (хвоя) / Л. Дучыц, І. Швед // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-е. – С. 427–429.

Жучкевич, В. А. Общая топонимика : учеб. пособие / В. А. Жучкевич. – Минск : Выш. шк., 1980. – 288 с.

Жучкевич, В. А. Улицы помнят: история, события, люди в названиях улиц и площадей города-героя Минска / В. А. Жучкевич. – Минск : Беларусь, 1979. – 175 с.

Зайкоўскі, Э. Крыніца / Э. Зайкоўскі // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 257–258.

Зинин, С. И. Введение в русскую антропонию : пособие для студентов-заочников / С. И. Зинин. – Ташкент, 1972. – 83 с.

Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: древний период / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1965. – 246 с.

Ивашко, В. А. Как выбирают имена / В. А. Ивашко ; под ред. А.Е. Супруна. – 2-е изд. – Минск : Выш. шк., 1988. – 239 с.

Ильина, А. Ю. Гетерогенность топонимических номинаций англоязычных провинций Канады как отражение языковой картины мира канадцев : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Ю. Ильина ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2013. – 18 с.

История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени ; под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2006. – 768 с.

Их именами названы... : энцикл. справ. / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1987. – 712 с.

Капелюшник, Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Капелюшник ; Томск. политехн. ун-т. – Томск, 2012. – 21 с.

Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.

Керт, Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская) / Г. М. Керт. – Петрозаводск : Кар. науч. центр РАН, 2002. – 187 с.

Климкова, Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Климкова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2008. – 65 с.

Ковачев, Н. П. За названия на улице / Н. П. Ковачев // Труды на высший пед. ин-т «Брат Кирил и Мефодий». – В. Търново, 1970. – Т. 6, № 1. – С. 4–51.

Ковлакас, Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Ф. Ковлакас ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2009. – 51 с.

Ковлакас, Е. Ф. Репрезентация топонимических концептов: лексико-семантический аспект топонимической картины мира / Е. Ф. Ковлакас // Вестн. Воен. ун-та. – 2011. – № 4 (27). – С. 78–81.

Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : URSS : Либроком, 2012. – 453 с.

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 2001 г. : текст Кодекса по состоянию на 15 янв. 2011 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 168 с.

Костюченкова, Е. М. Экспликация ценностной картины мира субэтноса казаков в донском ономастиконе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. М. Костюченкова ; Кабард.-Балкар. гос. ун-т. – Нальчик, 2009. – 22 с.

Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

Кузнецова, Т. Б. Русский ономастикон Ставропольского края как фрагмент языковой картины мира (на материале антропо-, топо- и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Б. Кузнецова ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 18 с.

Культура русской речи : учебник / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : НОРМА, 2009. – 560 с.

Купалье в Беларуси // Официальный сайт Республики Беларусь Belarus.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarus.by/ru/travel/ethno-tourism/kupalle>. – Дата доступа: 02.12.2013.

Кустова, Г. И. Тип концептуализации пространства и семантические свойства глагола (группа попать) / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Языки пространств / Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (отв. ред.) [и др.]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 47–55.

Кухаронак, Т. І. Радзінныя звычэй і абрады беларусаў / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.

Лебедева, Л. Б. Семантика «ограничивающих слов» / Л. Б. Лебедева // Логический анализ языка. Языки пространств / Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (отв. ред.) [и др.]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 93–97.

Левкиевская, Е. Е. Гора / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.]; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 1 : А (Август) – Г (Гусь) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 1995. – С. 520–521.

Левкиевская, Е. Е. Пространство / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–б . – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 2009. – С. 304–308.

Лемцюгова, В. П. Беларуская айканімія: Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.

Лемцюгова, В. П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2008. – 415 с.

Лихачёв, Д. С. Достоинство имени / Д. С. Лихачёв // Исторические названия – памятники культуры : сб. материалов Второй Всесоюз. науч.-практ. конф., Москва, 3–5 июня 1991 г. : в 3 вып. / Совет. фонд культуры. АН СССР ; отв. ред.: В. П. Нерознак. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 2.

Лобач, У. Горад / У. Лобач, А. Прохараў // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 122–124.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.

Лыч, Л. М. Назвы зямлі беларускай / Л. М. Лыч. – Мінск : Універсітэцкае, 1994. – 128 с.

Макарова, Е. В. Региональная топонимическая личность (на материале русской топонимии Алтая) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Макарова ; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2004. – 18 с.

Максимчук, Н. А. О региональных фоновых знаниях в структуре языковой личности и способах их выявления / Н. А. Максимчук // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние : материалы Междунар. метод. семинара, Смоленск, 18 ноября 2010 г. / Смол. гос. ун-т ; под общ. ред. И. А. Королёвой. – Смоленск, 2010. – С. 7–12.

Маслов, Ю. С. Введение в языкознание : учебник для филол. спец. вузов / Ю. С. Маслов. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1998. – 272 с.

Маслова, В. А. Числовой код в коммуникации: лингвокультурный образ числа «семь» / В. А. Маслова // Ученые записки Таврич. нац. ун-та. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2012-а. – Т. 25 (64), № 1, ч. 1. – С. 355–358.

Маслова, В. А. Духовный код и его представление в языке и культуре / В. А. Маслова // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XVII (64) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 14–15 марта 2012 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2012-б. – Т. 1. – С. 175–177.

Международный женский день [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/18/>. – Дата доступа: 01.03.2014.

Мезенка, Г. М. Віцебскія прозвішчныя тыпы XVII–XIX стст. у славянскім кантэксте / Г. М. Мезенка // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы : матэрыялы трэцяга кангрэса беларусістаў. – Мінск, 2001. – С. 73–84.

Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манаграфія : у 2 ч. / Г. М. Мезенка. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008-а. – Ч. 1. – 363 с.

Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манаграфія : у 2 ч. / Г. М. Мезенка. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008-б. – Ч. 2. – 254 с.

Мезенка, Г. М. Коды культуры і ўрбананімія славян: падабенства і варыяцыйныя рэпрэзентацыі / Г. М. Мезенка // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : даклады беларускай дэлегацыі, XV Міжнар. з’езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. / НАН Беларусі. – Мінск, 2013. – С. 99–108.

Мезенко, А. М. Белорусские виконимы в контексте современной культуры / А. М. Мезенко // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Минск, 2006. – Ч. 1. – С. 135–137.

Мезенко А. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы / А. Мезенко // *Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze / pod red. Aleksandry Cieślikowej, Barbary Czopek-Korciuch i Katarzyny Skowronek.* – Kraków: Wyd. PANDIT, 2007. – S. 379–390.

Мезенко, А. М. Геортонимы в урбанонимии и виконимии: специфика использования / А. М. Мезенко // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. тр., посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Климковой / Арзамас. гос. пед. ин-т; редкол.: Е. Ю. Любова (отв. ред.) [и др.]. – Арзамас, 2011-а. – С. 347–351.

Мезенко, А. М. Имя внутригородского объекта в истории: Об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX в. / А. М. Мезенко. – Минск : Выш. шк., 2003. – 301 с.

Мезенко, А. М. Мужские собственные имена горожан Витебска в середине XVII в. / А. М. Мезенко // Віцебскі сшытак. – 1996. – № 2. – С. 64–69.

Мезенко, А. М. Репрезентация этнокультурной информации в урбанонимии и виконимии / А. М. Мезенко // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние : материалы Междунар. метод. семинара, Смоленск, 18 ноября 2010 г. / Смол. гос. ун-т ; под общ. ред. И. А. Королёвой. – Смоленск, 2010. – С. 68–73.

Мезенко, А. М. Современный провинциальный урбанонимикон как реализатор кодов культуры / А. М. Мезенко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. : в 2 ч. / Урал. ун-т ; редкол.: Е.Л. Березович (отв. ред.) [и др.]. – Екатеринбург, 2012. – Ч. 1. – С. 119–120.

Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. М. Мезенко. – Минск, 1991. – 35 с.

Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.

Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2011-б. – Т. 24 (63), № 2, ч. 1. – С. 388–392.

Мезенко, А. М. Хортенсионим как вид топонима: статус, особенности функционирования / А. М. Мезенко // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2014. – Т. 27 (66), № 2. – С. 75–79.

Михеева, Л. Н. Время как лингвокультурологическая категория : учеб. пособие для иностр. студентов высш. учеб. заведений / Л. Н. Михеева. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 96 с.

Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.

Национальный исторический архив РБ, КМФ-5, оп. 1, ед. хр. 2388.

Нерознак, В. П. Советский «новояз» на географической карте (о штампах и стереотипах речевого мышления) / В. П. Нерознак, М. В. Горбаневский. – М. : Знание, 1991. – 64 с.

Никитин, С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / С. А. Никитин. – М., 2003. – Режим доступа: <http://www.rsl.ru>. – Дата доступа: 05.09.2011.

Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – 184 с.

Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М., 1974. – 238 с.

Никонов, В. А. Ищем имя / В. А. Никонов. – М., 1988. – С. 72–75.

Никонов, В. А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов. – М., 1993. – 224 с.

Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 202–208.

Окунева, Л. В. Антропонимия как источник изучения региональной языковой картины мира (на материале архангельских памятников деловой письменности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Окунева ; Помор. гос. ун-т. – Архангельск, 2010. – 24 с.

Перепись населения Республики Беларусь 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-2.pdf. – Дата доступа: 16.06.2017.

Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Подольская, Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы (Словообразовательный анализ) / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1983. – 160 с.

Правдикова, А. В. Микротопонимия как отражение картины мира: на материале английской литературы XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Правдикова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2009. – 19 с.

Православные праздники / сост. С. Р. Бегиян. – Минск, 2009. – 240 с.

Праздник Труда (День Труда) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/37/>. – Дата доступа: 01.03.2014.

Природа Беларуси // Официальный сайт Республики Беларусь Belarus.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarus.by/ru/about-belarus/natural-history>. – Дата доступа: 10.02.2013.

Разумов, Р. В. Особенности дореволюционных систем урбанонимов крупных провинциальных городов / Р. В. Разумов // Яросл. пед. вестн. – 2009. – № 3 (60). – С. 176–179.

Разумов, Р. В. Особенности современных российских систем ви-конимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) / Р. В. Разумов // Яросл. пед. вестн. – 2013. – Т. I (Гуманитарные науки), № 1. – С. 145–149.

Разумов, Р. В. Проблемы формирования городского онимического пространства / Р. В. Разумов // Стратегии исследования языковых единиц : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тверь, 16–17 апреля 2010 г. – Тверь, 2010. – С. 276–281.

Разумов, Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII – XX в. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. В. Разумов. – Ярославль, 2003. – 26 с.

Разумов, Р. В. Урбанонимы, мотивированные экклезионимами, в системе городских названий / Р. В. Разумов // Русское народное слово в языке и речи : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Арзамас. гос. пед. ин-та им. А. П. Гайдара, 22–24 октября 2009 года. – Арзамас–Саров: СГТ, 2009. – С. 310–315.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 123.

Регионы Беларуси : энциклопедия : в 7 т. / редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. Энцикл., 2009. – Т. 1 : Брестская область. – Кн. 1. – 520 с.

Редько, Ю. К. Современные украински призвища / Ю. К. Редько. – Київ, 1966. – 215 с.

Республиканская книга Памяти воинов-интернационалистов / редкол.: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭН, 1999. – 776 с.

Рогалев, А. Ф. Географические названия в калейдоскопе времен / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2008. – 256 с.

Рогалев, А. Ф. От Гомеюка до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах / А. Ф. Рогалев. – Гомель, 2006. – 218 с.

Рогалев, А. Ф. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории) / А. Ф. Рогалев. – Гомель, 1993. – 168 с.

Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]. – М. : Наука, 1988. – 216 с.

Руднев, С. В. Краеведческая ономастика в ассоциативном эксперименте / С. В. Руднев, В. И. Супрун // Краеведение в обучении иностранцев русскому языку : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ин-т ; ред. В. И. Супрун. – Волгоград, 1986. – С. 79–87.

Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. – М., 1994. – 288 с.

Рылюк, Г. Я. Истоки географических названий Беларуси (с основами общей топонимики) : учеб.-метод. пособие / Г. Я. Рылюк. – Минск : Веды, 1997. – 176 с.

Салавей, Л. Васілёк, валошка / Л. Салавей, У. Філіпенка // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 71–72.

Самигуллина, А. С. Пространственный код культуры и его смысловые проекции / А. С. Самигуллина // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2007. – № 1. – С. 82–87.

Санько, С. Лес / С. Санько // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 274–275.

Семянькова, Г. К. Сучасны прозвішчны антрапаімікон / Г. К. Семянькова // Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць / Г. М. Мезенка [і інш.]. – Віцебск, 2006. – Гл. 3. – С. 83–183.

Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. К. Постова-лова, А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

Сизова, Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Сизова. – Пятигорск, 2004. – 28 с.

Смирнов, М. Родильные и крестильные обряды крестьян села Голицына Курганской волости Сердобского уезда Саратовской губернии / М. Смирнов // Этнографическое обозрение. – 1911. – № 1–2. – С. 252–256.

Смолицкая, Г. П. Топонимия Москвы / Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. – М.: Наука, 1982. – 176 с.

Соловьёв, А. Н. Антропоцентричный фактор в урбанонимии Смоленского края / А. Н. Соловьёв // Материалы междунар. метод. семинара «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: исто-

рия и современное состояние», Смоленск, 18 ноября 2010 г. – Смоленск : СмолГУ, 2010. – С. 54–60.

Соловьёв, А. Н. Влияние советской идеологии на урбанонимию региона (на примере Смоленской области) / А. Н. Соловьёв // Труды кафедры стилистики русского языка. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2010. – Вып. 3. – С. 154–164.

Соловьёв, А. Н. Отражение времени в урбанонимии Смоленской и Витебской областей / А. Н. Соловьёв // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зб. навук. арт. / Віцеб. дзярж. ун-т ; склад.: Г. М. Мезенка, С.У. Нікалаенка ; пад навук. рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск, 2013. – С. 266–270.

Соловьёв, А. Н. Смоленская урбанонимия по материалам однодневной переписи 1881 года / А. Н. Соловьёв // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 137–141.

Список абонентов Витебской телефонной сети. – Витебск, 1996. – 558 с.

ССРЛЯ, Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: В. И. Чернышев [и др.]. – М. : Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1948–1965. – Т. 2 : В. – 1951. – 1393 с.

ССРЛЯ, Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: С. Г. Бархударов [и др.]. – М. : Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1948–1965. – Т. 3 : Г–Е. – 1954. – 1339 с.

ССРЛЯ, Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: А. М. Бабкин [и др.]. – М. : Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1948–1965. – Т. 6 : Л–М / Э. И. Коротаева, Л. В. Омелянович-Павленко. – 1957. – 1460 с.

ССРЛЯ, Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: А. М. Бабкин [и др.]. – М. : Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1948–1965. – Т. 7 : Н / ред. тома: Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин. – 1958. – 1468 с.

ССРЛЯ, Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: А. М. Бабкин [и др.]. – М. : Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1948–1965. – Т. 11 : Пра–пятью / ред. тома: Е. Э. Биржакова, Р. П. Рогожникова. – 1961. – 1842 с.

ССРЛЯ, Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: А. М. Бабкин [и др.]. – М. : Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1948–1965. – Т. 12 : Р / ред. тома: Ф. П. Фелицына, И. Н. Шмелева. – 1961. – 1676 с.

ССРЛЯ, Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / редкол.: А. М. Бабкин [и др.]. – М. : Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1948–1965. – Т. 14 : Со – сям / ред. тома: Ф. П. Фелицына, И. Н. Шмелева. – 1963. – 1390 с.

Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – 3-е изд., испр. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 365 с.

Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М. : Эксмо, 2003. – 544 с.

Супрун, В. И. Объект ономастического анализа: границы дробления и перспективы интеграции / В. И. Супрун // Ономастика Поволжья : материалы XIII Междунар. науч. конф., Ярославль, 13–14 сентября 2012 г. / Ярослав. гос. пед. ун-т; под отв. ред. Р. В. Разумова, В. И. Супруна. – Ярославль, 2012. – С. 39–42.

Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.

Сьянова, Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Сьянова ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2007. – 24 с.

Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1999. – С. 13–24.

Толстая, С. М. Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 368 с.

Толстой, Н. И. Восток – Запад / Н. И. Толстой // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.] ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 1 : А (Август) – Г (Гусь) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 1995. – С. 445–447.

Толстой, Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.] ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 1 : А (Август) – Г (Гусь) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 1995. – С. 5–14.

Топоров, В. Н. Пространство культуры и встречи в нем / В. Н. Топоров // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1989. – С. 6–17.

Унбегаун, Б. О. Русские фамилии : пер. с англ. / Б. О. Унбегаун ; общ. ред. Б. А. Успенского. – 2-е изд., испр. – М., 1995. – 448 с.

Усачёва, В. В. Вишня / В. В. Усачёва // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.] ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 1 : А (Август) – Г (Гусь) / Т. А. Агапкина [и др.]. – 1995. – С. 382–383.

Успенский, Л. В. Ты и твоё имя / Л. В. Успенский. – М. : Астрель, 2008. – 368 с.

Устинова, Н. А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. А. Устинова ; Томск. политех. ун-т. – Томск, 2011. – 21 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. II (Т – Муж). – 1986. – 672 с.

Філіпенка, У. Поўдзень / У. Філіпенка // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 367.

Філіпенка, У. Усход / У. Філіпенка // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.]; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 486.

Франция-память / П. Нора [и др.] ; под ред. П. Нора. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 328 с.

Фролов, Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья / Н. К. Фролов. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1996. – 160 с.

Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.

Чучка, П. П. Антропонимия Закарпатья : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.661 / П. П. Чучка ; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1970. – 42 с.

Швед, І. Вішня / І. Швед // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-а. – С. 84–85.

Швед, І. Зялёны колер у традыцыйнай карціне свету беларусаў / І. Швед // Роднае слова. – 2008. – № 6. – С. 99–100.

Швед, І. Клён / І. Швед // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-а. – С. 240–241.

Швед, І. Поўнач / І. Швед // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-б. – С. 368.

Швед, І. Чырвоны / І. Швед // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.] ; склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011-в. – С. 523–524.

Щербак, А. С. Когнитивные основы региональной ономастики / А. С. Щербак. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – 319 с.

Щербак, А. С. Концептуальное мировосприятие топонимического пространства Тамбовского края / А. С. Щербак // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – № 9 (125). – С. 243–248.

Щербак, А. С. Принципы анализа топонимических исследований в России: отражение языковой картины мира (на материале тамбовских географических объектов) / А. С. Щербак // Вестн. ОГУ. – 2004. – № 6. – С. 14–16.

Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.

Эко, У. Функция и знак: Семиология архитектуры [Электронный ресурс] / У. Эко. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Еко_Funk/04.php. – Дата доступа: 10.09.2013.

Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т. 6 : Пузыны – Усяя / Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Кн. 1. – 2001. – 592 с.

Эпоха историческая // Новая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Институт философии Российской Академии наук, 2007–2010. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/3562.html>. – Дата доступа: 02.12.2013.

Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 808 с.

Borysiak, E. Aktualne, najczęściej występujące w polskich miastach nazwy ulic / E. Borysiak // Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze / pod red. A. Cieślukowej, B. Czopek-Kopciuch i K. Skowronek. – Kraków: Wyd-wo PANDIT, 2007. – S. 449–456.

Skowronek, K. Współczesne, najczęściej używane nazwiska polskie / K. Skowronek // Antroponimia słowiańska: materiały z IX Ogólnopolskiej Konferencji Onomastycznej, Warszawa, 6–8 XI 1994 / red. E. Wolnicz-Pawłowska, J. Duma. – Warszawa, 1996. – S. 291–299.

Wprost. – Warszawa, 1998. – № 33. – 16 sierpnia. – 60 s.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Агионим – имя святого, например, *святитель Николай, великомученица Варвара, пророчица Анна, пророк Илья, блаженная Ксения Петербургская.*

Агиотопоним – топоним, образованный от имени святого: *Санкт-Петербург.*

Агороним – название городской площади, рынка: *пл. Якуба Коласа, Комаровский рынок.*

Антропонимика – раздел ономастики, изучающий антропонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Антропонимикон – 1. Словарь или список антропонимов, составленный обычно отдельно для личных имен и отчеств от них, для фамилий, для прозвищ, для старых неканонических имен. 2. Репертуар имен данного народа или социума в определенный период. То же, что именник.

Антропонимия – совокупность антропонимов.

Антропотопоним – топоним (название географического объекта), образованный от антропонима (имени собственного человека), например, *дер. Александровка, дер. Алексеевичи, дер. Андроново.*

Апеллятив – имя нарицательное в противоположность имени собственному.

Апеллятивация – то же, что деонимизация – переход онима в апеллятив без аффиксации, например, *Бойкот – бойкот, Ом – ом, Макинтош – макинтош.*

Ареал – территории, на которых распространены исследуемые явления.

Астионим – вид ойконима. Собственное имя города, например, *Орша, Слуцк, Брест.*

Атрибутивные словосочетания – словосочетания, состоящие из двух компонентов – субстантивного (определяемого) и атрибутивного (определяющего), например, *Малые Давыдки* и т.п.

Белорусское Поозерье – уникальный природный регион, который занимает северную часть Республики Беларусь и ограничивается с юга линией, примерно проходящей по населенным пунктам *Островец – Сморгонь – Вилейка – Докшицы – Псуя – Лепель – Новолукомль – Толочин – Осинторф.*

Виконим – вид топонима. Собственное имя любого внутрисельского объекта, например, *Молодёжный пер., Мелиоративная ул., Хуторская ул.*

Виконимика – раздел ономастики, занимающийся изучением названий внутрисельских объектов, закономерности их возникновения, развития и функционирования.

Виконимия – совокупность виконимов.

Виконимная картина мира – исторически сложившаяся система представлений о мире, отразившаяся в совокупности названий внутрисельских объектов, сформировавшихся на определенной территории, в конкретной языковой среде, отражающих региональные особенности языка, культуры и истории.

Внутренняя структура топонима – структурная организация внутренней формы слова, предполагающая наличие ядра семантики и его периферии.

Гелоним – тип гидронима, который является именованием болот.

Географический апеллятив (географический термин, топонимический апеллятив) – слово, обозначающее определенную географическую реалию, например, *болото, город, улица*.

Географический объект – какая-либо территория с официально определенными границами, например, страна, регион как часть страны, населенный пункт, местность.

Географическое пространство – квазидвумерное пространство земной поверхности. Характеризуется замкнутостью, положительной кривизной (выпуклостью), квазифрактальностью, анизотропностью в гравитационном поле Земли. Местоположение в геопространстве определяется сферическими (широта и долгота) или прямоугольными координатами. Анизотропность геопространства выражается в неравнозначности горизонтального и вертикального направлений (перемещения по вертикали значительно усложнены), следствием чего является сферичность строения Земли, а также (в меньшей степени) широтного и долготного направлений, проявлением чего является широтная зональность. Отношения в геопространстве изучает география.

«Географичность» объекта номинации – свойство вписанности объекта номинации в конкретные условия географических координат (географической широты и долготы).

Гидроним – вид топонима. Собственное имя любого водного объекта, природного или созданного человеком, в том числе реки, озера, водохранилища, болота, канала: *река Уша, озеро Должа, Минское море* и т.п.

Гидронимика – раздел ономастики, изучающий именования любых водных объектов на поверхности Земли.

Гидронимия – совокупность названий водных объектов безотносительно к ее внутренней организации.

Годоним – вид урбанонима. Название линейного объекта в городе, в том числе улицы, переулка, проезда, тракта, проспекта, набережной: *Замковая улица, Андронов переулок, Лесной проезд, Старовиленский тракт, проспект Генерала Рихтера, Нижняя набережная.*

Двойной топоним – топоним, состоящий из двух полных, структурно самостоятельных, несоподчиненных имен, которые при назывании данного географического объекта неразделимы: *Бор-Поляна, Усвиж-Бук.*

Двуязычный топоним – топоним, состоящий из лексических или морфологических элементов двух языков: *Екатеринбург.*

Деонимизация (апеллятивация) – переход онима в апеллятив без аффиксации, например, *Ампер* → *ампер*, *Панталоне* → *панталоны.*

Деонимизация топонимов – один из способов катойконимической номинации, использование в роли катойконима самого географического названия, которое не претерпевает каких-либо структурных изменений: *запасники* – жители деревни *Запасники*; *ковалёнки* – жители деревни *Ковалёнки* и т.п.

Иррадиация [топонима] – вид трансонимизации. Распространение основы географического имени данного объекта на другие, обычно близлежащие, например, *р. Дон, пр. Северский Донец, г. Донецк Донецкой области, г. Донецк Ростовской области, г. Донской Тульской области, возвышенность Донецкий кряж, угольный бассейн Донбасс.*

Искусственный топоним – топоним, созданный в результате имятворчества в отрыве от естественного процесса номинации: *Славгород, Рассвет.*

Канонические имена – имена, взятые из православного календаря, где имена святых перечислены по месяцам и дням их памяти. Такие имена еще называют календарными, или агиографическими.

Катойконим – нарицательное именование жителей по названию места жительства (оттопонимное образование), например, *витеблянин* (от *Витебск*), *могилевчанин* (от *Могилёв*), *пинчук* (от *Пинск*).

Катойконимия – совокупность катойконимов какого-либо региона, языка, текста, эпохи и т.д.

Католическое имя – личное имя человека, закрепленное в соответствии с традициями католической конфессии христианства.

Комоним – вид ойконима; собственное имя любого сельского поселения: *дер. Ивановка, дер. Бездедовичи.*

Композита – сложное имя собственное, имеющее в своем составе не менее двух корневых морфем с соединительной гласной или без нее, например, *Новгород, Белоозеро, Кривонос.*

Конлокационим – вид топонима. Собственное имя любого топографического объекта внутри поселения, в том числе внутригородского, внутрисельского, внутрисадоводческого: *проспект Независимости, Центральная улица, Радостный переулок* и т.п.

Конлокационимия – совокупность конлокационимов.

Континуум [именной] – непрерывность, неразрывность имен и связанных с ними процессов, явлений.

Космоним – собственное имя зоны космического пространства, галактики, звездной системы, части созвездия, например, *Большая Медведица, созвездие Рыб, созвездие Девы*.

Крестное (крестильное) имя – имя, которым человек нарекается при крещении.

Код культуры – ключ к пониманию данного типа культуры; уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру.

Ландшафтный топоним – топоним, называющий любой объект ландшафта, например, *Великое болото*.

Лимнонимы – семантический тип гидронимов, который является именованием озер.

Макротопоним – собственное имя крупного физико-географического объекта, имеющее широкую сферу употребления, широкую известность, например, *Минск, Гомель*.

Мемориальный топоним – название населенного пункта, данное в память о человеке, событии, например, *пос. Кировский*.

Микротопоним – собственное имя (чаще) природного физико-географического микрообъекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления, например, *Тарасова пристань*.

Многословные топонимы – структурный тип топонимов, представленный единицами, которые состоят более чем из двух слов.

Название-ориентир – название, образованное сочетанием предлога и существительного (существительного и прилагательного), обозначающее направление, в котором нужно идти, чтобы попасть в урочище, или его местоположение, например, *За болотом, За горою, За речкой, Возле речки, Между рек, Под камнем, Под больницу, Возле голы криницы, За новым гумном*.

Национальная система имен собственных – совокупность имен собственных, служащая для удовлетворения номинативных потребностей той или иной нации.

Неканоническое имя – 1. Имя, не связанное с какими-либо религиозными традициями. Свободно придуманное родителями или другими людьми в соответствии со свойствами ребенка, пожеланиями на бу-

душее или имеющее иную мотивировку, в том числе защитные имена. В русской традиции это также может быть христианское православное имя в неканонической форме (современной литературной, народной, разговорной).

Ойконим – вид топонима. Собственное имя любого поселения, в том числе городского типа – астионим (*г. Несвиж, г. Полоцк, г. Минск, г.п. Туров*) и сельского типа – комоним (*дер. Альбянка, дер. Камень, х. Добрынь*).

Ойконимика – раздел топонимики, изучающий ойконимы, закономерности их возникновения, развития и функционирования.

Ойконимикон – то же, что ойконимное пространство (см.).

Ойконимия – совокупность ойконимов.

Ойконимное пространство – весь комплекс имен собственных, служащих для названия любого поселения, ныне существующих и существовавших ранее.

Оним – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации. Существуют различные классы онимов: антропонимы, топонимы, зоонимы, фитонимы, анемонимы, хрононимы, теонимы, геортонимы, идеонимы, хрематонимы.

Онимизация – переход апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе онимов, например, *камень – дер. Камень, холм – с. Холм, радуга – кинотеатр «Радуга»*.

Онимическая картина мира – отражение в именах собственных представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности в ее соотношении с человеком.

Онимический ряд – группа онимов, объединенных по формальному признаку, например, *гидронимы, равные по форме апеллятиву со значением названия растения, ойконимы на -ск, названия улиц в форме генитива*.

Онимия – совокупность онимов.

Ономастика – раздел языкознания, изучающий любые собственные имена.

Ономастикон – то же, что ономастическое пространство (см.).

Ономастическая номинация – называние, именование, присвоение имени, процесс наименования.

Ономастическая стандартизация – установление в государственном масштабе, а также в рамках международных организаций единых норм и требований, предъявляемых к именам собственным.

Ономастическое поле – упорядоченная, иерархизированная совокупность конститuentов ономастического пространства.

Ономастическое пространство – совокупность всех собственных имен, употребляемых в языке конкретного народа для называния реальных, гипотетических и фантастических объектов.

Отапеллятивное имя – любой оним, имеющий в качестве исходной основы апеллятив, например, *Холм, Кресты, Липецк*.

Оттопонимное производное (оттопонимное образование, оттопонимный дериват) – образованное от топонима прилагательное или нарицательное именование жителей по названию места жительства, например, *витебский, могилевчанин, пинчук*.

Отэклезионимное наименование – наименование, образованное от эклезионима, т.е. собственного имени места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе названия собора, церкви, костела и др.

Периферия семантики – структура внутренней формы имени собственного, которая содержит смысловые блоки энциклопедического, субъективного, ситуативного характера.

Посессивный топоним – топоним, указывающий на принадлежность данного объекта его владельцу, например, *Бараново, Ильино*.

Потамоним – вид гидронима, собственное имя любой реки, например, *Свислочь, Витьба, Буг*.

Православное имя – личное имя человека, закрепленное следуя традициям православной конфессии христианства.

Прагматоним – разряд онимов, в котором пока условно объединены различные категории имен собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой, с предметной областью, например, *пушка «Гамаюн», золотой самородок «Заячьи уши», проспект Скорины*.

Принцип номинации – магистральное направление, в соответствии с которым происходит процесс наделения объекта собственным именем.

Пропримальная лексика – онимическая лексика (прилагательное от *proprium* ‘имя собственное’).

Сигнификативный компонент значения – компонент внутренней структуры имени собственного, который содержит опосредованные понятийные блоки, соотносится с сигнификатом.

Синтагматизация – способ катойконимической номинации, выражение значения ‘житель’ словосочетанием, обязательным компонентом которого является зависимый топоним, употребленный в форме родительного падежа с предлогом, например, *из Заболотья, родом из Городка* и т.п.

Социум – то же, что общество.

Структурный тип гидронимов – группировка именовании водных объектов в соответствии с организацией их внешней формы (однословные, многословные, простые, сложные, составные).

Топоним – собственное имя любого географического объекта: моря, реки, города, горы, оврага, поля и др., например, *р. Западная Двина, с. Здравнёво, Покровская церковь*.

Топонимика – раздел ономастики, изучающий топонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования.

Топонимия – совокупность топонимов данного языка, региона, данного текста, определенного времени.

Топонимный тип – группа топонимов, объединенных единством структуры, топонимической моделью, связанной с характером их возникновения.

Топономастическое пространство – совокупность топонимов, которые служат для обозначения пространственной соотнесенности в дислокации имени географического объекта и его денотата.

Топоформант [топонимный формант] – формант, который служит для образования топонима, например, *Баранов-ичи, Витеб-ск, Светло-горск*.

Трансонимизация – переход имени из одного разряда в другой, например, *г. Витебск → гостиница «Витебск», река Двина → производственное объединение «Двина», фамилия Гагарин → кратер Гагарин*.

Урбаноним – вид топонима. Собственное имя любого внутригородского объекта, в том числе агроним, годоним, городской хороним, экклезионим, ойкодомоним, урбаногидроним, например, *Сенной рынок, улица Михна Никоновича, Немига, Покровская церковь, Дворец республики, Красный мост*.

Урбанонимика – раздел ономастики, занимающийся изучением названий внутригородских объектов, закономерности их возникновения, развития и функционирования.

Урбанонимикон – то же, что урбанонимное пространство (см.).

Урбанонимия – совокупность урбанонимов.

Урбанонимное пространство – весь комплекс имен собственных, служащих для называния внутригородских объектов, ныне существующих и существовавших ранее.

Урбоним – собственное имя города, то же, что астионим, например, *Витебск, Минск, Несвиж, Белосток, Варшава, Рим*.

Фоновые знания – коллективное знание определенной группы говорящих (или всей языковой общности) о некотором положении дел, обеспечивающее речевое общение, в процессе которого это знание проявляется в виде смысловых ассоциаций и коннотаций.

Хороним – класс топонима. Собственное имя любой территории, в том числе района города, например, *Серебрянка, Подвинье, Узгори*.

Хортенсионим – вид топонима. Собственное имя любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества, например, *Паровозная ул., Тепловозная ул., Электровозная ул.* в садовом товариществе «Локомотив».

Хортенсионимия – совокупность хортенсионимов.

Экклезионим – класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе название собора, церкви, костела и др., например, *Софийский собор, Михайловская церковь, костел Святого Антония.*

Энциклопедическое значение [имени собственного] – сумма конкретной информации о денотате имени.

Эргоним – разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе учреждения, предприятия и т.п., например, *завод имени Кирова, «Белвест», «Луч».*

Этнотопоним – топоним, образованный от названия народа, национальности, племени, например, *Мазуры, Ляховичи.*

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности. Считается, что каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира.

Научное издание

МЕЗЕНКО Анна Михайловна
ВАСИЛЬЕВА Татьяна Юрьевна
ГАЛКОВСКАЯ Юлия Михайловна
ДОРОФЕЕНКО Марина Леонидовна

**БЕЛОРУССКОЕ ПООЗЕРЬЕ:
КУЛЬТУРА – ОНОМАСТИКА – СОЦИУМ**

Монография

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Корректор *Л.В. Моложавая*
Компьютерный дизайн *Т.Е. Сафранкова*

Подписано в печать 30.10.2017. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,46. Уч.-изд. л. 10,44. Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.